

Аттила и гунны

Эдвард Хаттон

ATTILA AND THE HUNS

BY
EDWARD HUTTON

AUTHOR OF "RAVENNA"

LONDON
CONSTABLE & COMPANY LTD.

1915

Электронная книга проекта Гутенберга о Аттиле и гуннах

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Аттила и гунны

Автор: Эдвард Хаттон

Дата выхода: 4 ноября 2023 [Электронная книга #72031]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Лондон: Constable & Co, 1915

Кредиты: Тургут Динсер и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "АТТИЛА И ГУННЫ" ***

АТТИЛА И ГУННЫ

ЭДВАРД ХАТТОН,
АВТОР КНИГИ "РАВЕННА"

ЛОНДОН
CONSTABLE & COMPANY LTD.
1915

ЗА ЛЮБИМУЮ ИТАЛИЮ , С КОТОРОЙ В ЭТОТ ЧАС НОВОЙ ОПАСНОСТИ МЫ СНОВА СРАЖАЕМСЯ
С ВАРВАРАМИ

401-1915 гг. н. э.

Введение

“На грани Скифии идет экстремальная гонка

На восток, за холодным потоком Тавриды.

У Северного Медведя нет более уродливой команды;

Обнажены их одежды, их тела отвратительны на вид,

Их души никогда не покоряются тяжелому труду

Или паутины Цереры. Их пища - добыча.

Ужасными ранами они рассекают свои жестокие брови

И их убитые родители связывают себя клятвами...”

В этих словах Клавдиан, поэт Упадка Римской империи, описывает гуннов пятого века, потомство Атилы, к которому немецкий кайзер обратился перед всем миром, когда отправил своего брата в Китай на встречу с Боксерами: —

“Когда ты встретишься с врагом, ты победишь его. Пощады не будет, пленных не возьмут. Пусть все, кто попадется тебе в руки, будут в твоей власти. Точно так же, как гунны тысячу лет назад под предводительством Атилы приобрели репутацию, благодаря которой они до сих пор живут в исторической традиции, так пусть имя Германии станет таким известным в Китае, что ни один китаец никогда больше не осмелится даже искоса взглянуть на немца”.

Эти слова никогда не будут забыты, поскольку с тех пор они были претворены в жизнь не только китайцами, но и всей Европой, бельгийцами и народом Северной Франции, а также народом Польши, принявшим долгую мученическую смерть.

Это обращение к гуннам поразило Европу, и все же, если бы мы вспомнили историю Пруссии, если бы мы вспомнили этнологию этой расы, мы не должны были бы удивляться, потому что у гуннов и пруссаков, безусловно, много общего даже в расовом отношении, и Атила, или Этцель, как называют его немцы, когда-либо играл свою роль в "Нибелунгах" и легендах прусского народа.

Мы так мало знаем о гуннах пятого века: кем они были, откуда на самом деле пришли и куда ушли, что невозможно определенно утверждать или отрицать, что современные пруссы являются их действительными потомками. Мы должны, по-видимому, отказаться от старой теории, которую Гиббон позаимствовал у Де Гиня, что этот дикий народ был идентичен хионгноу, опустошительные действия которых описаны в истории Китая; но, по крайней мере, в

этом, кажется, мы можем быть уверены, что они были туранской расой, расой, к которой также принадлежат финны, болгары и мадьяры, а также хорваты и турки. Можем ли мы с какой-либо уверенностью утверждать, что пруссаки тоже принадлежат к этой семье?

Четверостишие продемонстрировало, что население пруссов по своему этнологическому происхождению в основном финнославянское. Во всех отношениях, утверждает он, и история подтверждает это, Пруссия этнологически отличается от народов, которыми она сейчас правит под предлогом расового единства с ними. Идентичность языка может маскировать эту истину, но она не может ее изменить, поскольку разница реальна и фундаментальна.

Тевтонская Германия признала Пруссию своим сувереном, и никто не может подвергать сомнению ее право на это; но, будучи такой, какая она есть, она была введена в заблуждение антропологической ошибкой. Не довольствуясь подчинением этим финно-славянам, настоящая Германия переняла их ненависть и развила жестокие инстинкты этих чужаков, чье железное ярмо она наложила на свой благородный дух. Ее союз с Пруссией был основан мечом и кровью, скреплен войной и увенчан разграблением. Это преступление не меньшее, чем преступление того Аттилы, к которому Пруссия обращается как к своему истинному и самобытному герою, и сейчас, как и тогда, мы имеем право верить в божественную Немезиду. Какая польза человеку, если он приобретет весь мир и потеряет свою собственную душу?

Таким образом, может показаться, что пруссы как физически, так и духовно, поскольку они финны^[1], принадлежат к тому же туранскому роду, к которому принадлежали гунны, и если только таким образом связаны с ними. То, что эти отношения еще теснее, заставило бы нас предположить по тысяче фактов, свидетелями которых мы являемся сегодня, как и на протяжении многих сотен лет назад. И если они не те же самые варвары, то их варварство такое же.

Во всяком случае, именно имя Аттилы кайзер Вильгельм II десять лет назад произнес над изумленным миром, подобно тому как французы могли бы воззвать к Карлу Великому, Блаженной Жанне д'Арк или Наполеону. И поскольку он обратился к гуннам, гунны отпустили его.

Нам по-прежнему необходимо учитывать эти факты, если, как это ни трудно, мы хотим извлечь пользу из уроков истории.

Рим всегда побеждал варваров, но никогда не преуспевал в уничтожении их сил для возобновления атаки. Стилихон побеждал Алариха всякий раз, когда встречался с ним, но Аларих, наконец, вошел в Рим. Аэций неоднократно побеждал Аттилу, но Аттила, наконец, смог угрожать Италии. Велисарий и Нарсес разбили Витигеса и Тотилу, но эти варвары разорили полуостров. Несмотря на поражение, атака всегда возобновлялась, потому что Риму так и не удалось по-настоящему сломить мощь варваров. И если мы сегодня избавим Германию от самой высокой и последней цены, если нам не удастся довести эту войну до горького и необходимого конца, через двадцать или пятьдесят лет они снова обрушатся на нас и, возможно, через час для нас, менее удачливых. *Delenda est Carthago*.

Возможно, Риму было не под силу раз и навсегда остановить наступление варваров. Время было на нашей стороне. Сегодня, если наше мужество и наша выносливость будут достаточно сильны, если мы будем тверды, как камень, мы сможем раз и навсегда избавить Европу от этой варварской угрозы, которая, как и всегда, стремится к разрушению и грабежу цивилизации,

ссылается на необходимость, взывает к своим богам и не знает ни справедливости, ни милосердия.

Рим не смог мобилизоваться, а мы можем. В старые времена варвары могли отломить сначала, так сказать, основу цивилизации, затем еще немного, и так далее, пока приклад не заглушал их. Они больше не могут этого делать. Железная дорога и автомобиль, телеграф и телефон наделили нас такой мобилизационной силой, что мы можем заставить варваров встретить удар цивилизации первыми, а не последними. Если у нас будет воля, мы сможем раз и навсегда уничтожить власть варваров, которые пытались уничтожить цивилизацию не только при Аларихе, Атиле и Тотиле, но и при Фридрихе Гогенштауфене и Лютере, и, окончательно победив их, мы сможем снова воздвигнуть в Европе Римский мир и, возможно, — кто знает? — даже старое единство христианского мира.

Май 1915 года.

СНОСКИ:

[1] Годрон справедливо говорит: “Пруссаки - это не немцы и не славяне; пруссаки - это пруссаки. Но следует помнить, что они принадлежали к финно-славянской расе, а не к тевтонской, и до сравнительно недавнего времени подчинялись королю Польши. Они оставались язычниками еще долго после того, как остальная Германия была обращена в христианство”.

Содержание

	СТРАНИЦА
ГЛАВА I	
Империя и варвары	3
ГЛАВА II	
Гунны и Атилла	21
ГЛАВА III	
Атилла и Восточная империя	37
ГЛАВА IV	
Императорское посольство при дворе Атилы	61
ГЛАВА V	
Нападение на Запад	77
ГЛАВА VI	
Продвижение Атилы от Рейна к Орлеану	93
ГЛАВА VII	
Отступление Атилы и битва на Каталаунских равнинах	111
ГЛАВА VIII	

Нападение Атилы на Италию и отступление из нее	127
ГЛАВА IX	
Возвращение Атилы Домой	145
ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	
I. Ammiani Marcellini Rerum Gestarum, Liber XXXI	153
II. Из истории византийских мудрецов и софистов	159
Из истории готических мудрецов и софистов	170
III. Джорнандес: Де Ребус Гетицис	207
IV. Ex Vita Cp. Sancti Aniani Episcopi Aurelianensis	225

Я ИМПЕРИЯ И ВАРВАРЫ

В начале пятого века нашей эры Римская империя уже давно была не только цивилизованным миром, но и христианским миром. За четыре столетия, прошедшие со дня рождения Нашего Господа, Европа была фактически основана не так, как мы знаем ее сегодня, как мозаика враждебных национальностей, а как единое совершенное целое, в котором подобно сокровищу хранится все, что имеет ценность в мире. Культура, цивилизация и Вера, которыми мы наслаждаемся и по которым живем, были рождены и основаны для того, чтобы они могли существовать всегда. Там навсегда были установлены великие линии, по которым наше искусство должно было развиваться, изменяться и в то же время не умирать. Была возведена во главу угла идея о том, что она может всегда обновлять нашу жизнь, нашу культуру и наше государственное устройство, что мы всегда можем судить обо всем по ней и не бояться ни революции, ни поражения, ни упадка. Там мы, европейцы, утвердились в надежном владении нашими собственными душами; так что мы одни в мире развиваемся изнутри, чтобы изменяться, но никогда не умирать, и быть единственными в мире христианами.

Внешним и видимым знаком Империи, который превыше всего остального отличал ее от окружавшего ее мира, как остров окружен морем, не нанесенным на карту, был Pax Romana. Это было как внутреннее, так и политическое явление. Это обеспечивало полный и абсолютный порядок, состояние цивилизации, и, будучи установленным на протяжении многих поколений, казалось незыблемым. Вместе с этим исчезла концепция права и собственности, более фундаментальная, чем все, что мы сейчас способны оценить, в то время как свободный обмен был обеспечен совершенной системой коммуникаций и прекрасными дорогами.

Действительно, едва ли есть что-то действительно фундаментальное в нашей жизни и в нашей политике, чего не было создано там. Именно там родилась наша религия, душа Европы, и мало-помалу она стала энергией и причиной всего того бессмертного, но изменчивого принципа жизни и свободы, который, как правильно понимают, является Европой. Там были заложены наши идеи справедливости, наши представления о законе, наша концепция человеческого

достоинства и структура нашего общества, причем с такой силой, что пока мы терпим, они никогда не смогут умереть. По правде говоря, Империя, на создание которой ушло более тысячелетия, была самым успешным и, возможно, самым благотворным экспериментом по созданию универсального правительства, который когда-либо проводился.

Империя пала. Почему?

Мы не можем ответить на этот вопрос. Причины такой катастрофы, духовной и материальной, по большей части скрыты от нас во тьме, последовавшей за катастрофой, в которой цивилизация Запада практически погибла. Все, что мы можем сделать, это отметить, что управление этим великим государством стало настолько дорогостоящим, что, когда Аларих перешел Альпы в 401 году, оно, вероятно, уже было банкротом, и, как следствие, население сокращалось; и что военная проблема, стоявшая перед империей, защита ее границ от внешнего нашествия варварства, была настолько дорогостоящей и настолько естественно ненадежной, что ее было трудно обеспечить и невозможно при должной экономии. Наконец, мы должны быть уверены, что, хотя Империя пришла в упадок, она не была свергнута варварами. Поскольку в этой книге нас интересуют не все вторжения варваров в целом, а, тем не менее, самые страшные и, возможно, самые разрушительные из них, нам не мешало бы подробнее остановиться здесь на одной из причин того падения, хотя и не главной, как мы уже говорили; именно на ненадежности границ и возникшей в связи с этим проблеме, которую Империя, увы, была не в состоянии решить.

Империя была ограничена на западе океаном, на юге Африканской пустыней, на востоке Каспийским морем и Персидским заливом, на севере Рейном и Дунаем, Черным морем и Кавказом.

Именно северная граница была фундаментальным недостатком и по крайней мере с середины III века постоянно занимала мысли римской администрации. Как ее удержать?

За этой границей лежал почти неизвестный мир, просто дикая местность, населенная варварами, племенами, всегда беспокойными, всегда воюющими, всегда наступающими на границы цивилизации. Внутри лежало все, что имеет ценность в нашей жизни, надежда мира. Именно это тогда, как и сейчас, нужно было защищать от того же врага — варварства. Ибо варварство не становится менее варварским, когда становится ученым, дикарь остается дикарем даже в профессорской одежде. По этой причине написано: измените свои сердца, а не одежду.

Таким образом, защита границы была главной проблемой империи, возможно, с момента ее основания Августом и, безусловно, за двести лет до того, как Аларих пересек Альпы. Ее пытались решить различными способами, прежде чем в 292 году Диоклетиан попытался справиться с ней с помощью революционной схемы раздела империи. Но проведенное им разделение было, и, возможно, неизбежно, скорее расовым, чем стратегическим: две части Империи встретились в критической точке на Дунае, и в силу географии восточная часть была склонна к азиатскому мировоззрению и пренебрежению Дунаем, в то время как западная ни в коем случае не была достаточно сильной, чтобы удерживать огромную линию двух рек. Тем не менее Запад предпринял героическую попытку выполнить свой слишком обременительный долг. Столица итальянского викариатства была перенесена из Рима в Милан. Этот грандиозный акт был чисто стратегическим. Считалось, и справедливо, что границу будет легче обеспечить

из Милана, который как бы держал в своих руках все перевалы Альп, чем из Рима, расположенного посреди длинного полуострова Италия. Это была перемена более удивительная, чем перенос столицы Британской империи из Лондона в Эдинбург; но этого было недостаточно. В 330 году, через семнадцать лет после того, как христианство стало официальной религией империи, Константин Великий по тем же соображениям обороны перенес резиденцию Империи в Византию, новый Рим на Босфоре, который он переименовал в Константинополь.

Этот шаг, который был столь решительно осужден, при любом правильном понимании того, что последовало за ним, может показаться, что он спас то, что можно было спасти от предвиденного и, возможно, неизбежного *кризиса*. Константинополь оставался до 1453 года надежной столицей Восточного правительства и римской цивилизации; он выстоял и не в один критический период удерживал в своих руках цитадель Запада — Италию.

Возможно, ничто не могло обезопасить Запад; то, что основание Константинополя спасло Восток, несомненно. Поскольку Запад был слабее и богаче, поскольку имя Рима было таким громким, Запад, как мы знаем, принял на себя всю тяжесть нападения варваров. Это нападение было гораздо более вялым и бессистемным, чем мы привыкли думать. Запад был скорее охвачен, чем побежден. На какое-то время она была потеряна в море варварства; тем, что она возникла, что она возрождается, и тем, что мы такие, какие мы есть, мы обязаны основанию Константинополя и Католической церкви.

Я говорю, что Империя была скорее охвачена, чем побеждена. Давайте поразмыслим над этим.

В 375 году границы были в безопасности; тем не менее до этого защита потерпела неудачу. Задолго до этого стало очевидно, что огромные орды варваров за Рейном и Дунаем невозможно будет сдерживать, если произойдет что-нибудь, что погонит их дальше. Если бы они появились, их пришлось бы встречать не за пределами и даже не на реках, а в пределах самой Империи.

Если случится что-нибудь, что заставит их продолжать.... Это случилось в 375 году. Современный римский историк Аммиан Марцеллин, описывая набеги варваров, утверждает, что во всех бедах, обрушившихся на Империю в то время, виноват был один народ — гунны. В 375 году гунны окончательно одержали победу над готами, которые в 376 году в полном отчаянии обратились к восточному императору Валенту за защитой. “Толпы просителей из этого воинственного народа, ” читаем мы о готах, “ чья гордость была теперь повержена в прах, покрыли пространство во много миль вдоль берегов Дуная. С распростертыми руками и трогательными причитаниями они громко оплакивали свои прошлые невзгоды и нынешнюю опасность; признавали, что их единственная надежда на спасение заключалась в милосердии римского правительства; и самым торжественным образом заявляли, что, если великодушная щедрость императора позволит им возделывать пустынные земли Фракии, они всегда будут считать себя связанными самыми строгими обязательствами долга и благодарности соблюдать законы и охранять догматы республики ”. Их молитвы были услышаны, и их служение было принято имперским правительством. Они были перевезены через Дунай в Римскую империю. В некотором смысле этот закон и его 376-я дата являются одними из самых важных в истории Европы.

Недисциплинированный и беспокойный этот народ, насчитывающий около миллиона варваров, внезапно приобщенных к цивилизации, представлял собой постоянную тревогу и опасность. Не зная законов, которые они поклялись соблюдать, а также обязательств и привилегий цивилизации, готы оказались во власти своих хозяев, которые эксплуатировали их без зазрения совести, пока доведенные до безумия готы не взбунтовались и не начали роковой поход через Мезию, вступив, наконец, во Фракию не как гости Империи, а как ее победоносный враг. Они расположились лагерем под стенами Адрианополя, который вскоре осадили, опустошая провинции; и только после того, как Феодосий взойшел на императорский трон, с ними успешно расправились, вынудили подчиниться и поселили во Фракии и Малой Азии.

Но такого результата нельзя было допустить. Варвары лишь ждали вождя, и когда он появился, как это было в лице Алариха, после смерти Феодосия, они повернулись к самому Константинополю, к которому смогли приблизиться, но не взяли в блокаду. В 396 году Аларих двинулся на юг, в Грецию; от Фермопил до Спарты он продолжал свой победоносный путь, избегая Афин скорее из суеверия, чем из страха перед каким-либо смертельным врагом. Однако в начале 396 года Стилихон, которому позже суждено было снискать такую славу в итальянской кампании, отплыл из Италии, встретил Алариха в Аркадии, повернул его вспять и, казалось, собирался принудить его сдаться в Пелопоннесской тюрьме. В этом, однако, он не преуспел. Алариху удалось срезать себе путь к отступлению и быстрыми маршами достичь Коринфского залива и переправить свои войска, пленников и добычу на противоположный берег. Там ему удалось заключить договор с Константинополем, по которому он стал получать жалованье и был объявлен генеральным магистром Восточного Иллирика. Это произошло в 399 году.

Вмешательство Стилихона, каким бы успешным оно ни было, прежде всего доказало одно: политическое разделение Востока и Запада. Отплытие Стилихона и его армии было вмешательством Запада для спасения Востока, поскольку именно Восток тогда был в опасности. Запад был предан. Восток заключил соглашение с Варваром и нанял его. Западу следовало позаботиться о себе, поскольку было очевидно, что Восток, наконец, спасет себя, пожертвовав Западом.

Запад был готов. Был подготовлен план обороны, который, как мы увидим, был лучшим из того, что можно было придумать в данных обстоятельствах. С прямотой и ясностью, достойными Рима, советники Гонория, находившиеся тогда в Милане, решили пожертвовать всем, если потребуется, для защиты европейской цитадели, то есть Италии; и, в конце концов, учитывая положение Алариха в Иллирии, именно ей угрожала главная опасность. Если бы она пала, то, несомненно, рухнул бы весь Запад.

Проблема, стоявшая перед советниками Гонория, была непростой. Чтобы решить ее с уверенностью, потребовались огромные жертвы, но решить ее означало спасение мира. Поэтому было решено оставить Рейн и Дунай, поскольку Аларих уже находился в пределах этих рубежей. Было решено — и это было решающим — оставить Альпы, превратить Цизальпинскую Галлию, или, как мы говорим, Ломбардскую равнину, в поле битвы и удерживать собственно Италию вдоль линии Апеннин. Я подробно исследовал и объяснял эту стратегию в другом месте;^[2] здесь необходимо только сказать, что ее поразительный успех оправдывал столь реалистичную политику.

Теория военачальников Гонория заключалась в том, что Апеннины по своей природе неприступны, за исключением одного места - узкого прохода между ними и Адриатикой, который, по их замыслу, Равенна должна была удерживать долгое время. Их намерение удерживать эту линию определялось не только этой теорией, но и тем, что они были более чем неуверенны в отношении Восточной империи. Их стратегия означала оставление богатейшей провинции к югу от Альп, самой богатой и древней; но если военная теория, считавшая Апеннины непроходимыми, была верна, это означало верное и немедленное спасение души Запада и, в конечном итоге, спасение всего мира.

Гонорию и его министрам не пришлось долго ждать. Разграбив провинции Европы, находившиеся во владениях Восточного императора, Аларих “соблазнился мощью, красотой и богатством Италии ... тайно стремился водрузить готский штандарт на стенах Рима и обогатить свою армию трофеями, накопленными за сто триумфов”.

В ноябре 401 года Аларих вошел в Венецию через Юлийские Альпы и прошел мимо Аквилеи, не взяв ее, намереваясь разграбить Юг. Когда он появился, Гонорий удалился из Милана в Равенну; ворота Италии были заперты. Затем Стилихон пересек Цизальпинскую равнину, встретился с Аларихом, который перешел реку По, в Поллентии, и нанес ему поражение, а после его отступления разбил его у Асты, так что вынудил его снова перейти Альпы. В 403 году Аларих снова вступил в Венецию. Стилихон встретил его в Вероне и снова отбросил назад. Запертые ворота Италии почти не подвергались сомнению.

В конце концов, это был не Аларих, а другой варвар, Радагайсус, который первым потребовал разрешения войти. В 405 году он пересек те же альпийские перевалы, которыми пользовался Аларих, миновал Аквилею, пересек реку По и, избегая Виа Эмилия, которая вела через перевал, перекрытый Равенной, отправился в путешествие по Апеннинам, которые римские генералы считали непроходимыми для армии варваров. Они были правы. Когда Радагайсус увидел Юг, он умирал с голоду. Стилихон нашел его во Фьезоле и изрубил на куски. Но остатки его армии бежали, как это сделал Аларих, они не были уничтожены; они вернулись через Цизальпинскую Галлию и напали на саму Галлию. Затем, в 408 году, Стилихон был убит в Равенне по приказу императора.

Эта последняя катастрофа стала причиной того, что немедленно последовало. Когда в 408 году Аларих вторгся в Венецию, он грабил и разрушал, как хотел, потому что там некому было встретить его. Он направился по большой дороге на юг и обнаружил, что ворота открыты; миновал Равенну без сопротивления, прошел маршем до Рима и после трех осад вошел в него и разграбил, а затем направлялся на юг, чтобы насладиться и пограбить Юг и Сицилию, Платидию, сестру императора, пленницу в его свите, когда он умер в Козенце в 410 году. Его шурин Адольф, возведенный в короли на щитах готов — там, у чудовищной могилы своего предшественника, — заключил с Гонорием мир, подобный тому, который за много лет до этого Аларих заключил с Константинополем. Он был принят на императорскую службу, согласился перейти Альпы и, что впоследствии стало прецедентом для еще более возмутительного требования, получил в жены руку Платидии, сестры императора. Таким образом, отступление варваров было обеспечено, мир в Италии восстановлен и достигнут покой, который продолжался около сорока двух лет.

Интересно наблюдать необычайное сходство между нападением Алариха на Восток и его вторжением на Запад. Действительно, единственная разница между ними заключается в том

факте, что Константинополю на самом деле никогда не угрожала опасность, тогда как в Рим вошли и разграбили. Цель обоих вторжений была одна и та же — добыча; результат обоих был один и тот же — дань и услуги в обмен на эвакуацию ближайших провинций варварами.

Крах империи на Востоке и Западе был крахом морального духа и политики; это неправильно понималось как военный провал: Аларих всегда терпел поражение, когда на него нападали. Именно неспособность Запада напасть на него в конце концов дала ему Рим. Императорские советники, возможно, думали, что решили вопрос, который он им поставил, когда после смерти Алариха добились отступления Варвара через Альпы — отступления, которое он был так же рад осуществить, как они приказать, поскольку он оказался в своего рода ловушке — и обеспечили, по крайней мере, его нейтралитет, приняв его на службу Империи. Но мир более чем для поколения, последовавшего за их поступком, был столь же иллюзорным, сколь и достойным презрения.

Вся Империя получила от Алариха моральный удар, от которого ей уже никогда по-настоящему не оправиться. Это правда, что многое из того, что произошло в годы, последовавшие сразу за отступлением Адольфа, было удачным. Плацидия, добыча и невеста, а позже беглая вдова преемника Алариха с триумфом вернулась в Равенну, чтобы стать невольной невестой своего избавителя Констанция. Во многом благодаря ее влиянию, после смерти Гонория, когда она правила в Равенне с титулом Августы в качестве опекуна своего сына, молодого цезаря Валентиниана, между Востоком и Западом возникла новая, хотя и несущественная, сердечность. Италия, по крайней мере, была восстановлена к процветанию, в то время как в лице Аэция у нее был полководец, столь же великий, как великий Стилихон. Но если Италия была в безопасности, то провинции находились в опасности, и она сама видела Африку, преданную Бонифацием, разоренную и потерянную вандалами под предводительством Гензериха. Внутреннее состояние ее дома и двора также не было таким, чтобы вселять в нее уверенность в будущем. Если ее сын Валентиниан был глупым и чувственным мальчиком, то ее дочь Гонория была уличена в низкой интриге с камергером дворца и, находясь в изгнании в Константинополе, послала, возможно, тоскуя по романтической судьбе своей матери, свое кольцо новому и молодому королю гуннов, вскоре прославившемуся как Атила, предложив ему похитить ее, как Адольф, гот, похитил Плацидию.

Таково было положение вещей в королевском доме Запада. В Константинополе дела обстояли не более обнадеживающе. Феодосий, молодой император, прозванный Каллиграфом, был дилетантом изящных искусств, а не государственным деятелем. Те, кто его окружал, были посредственностями, увлеченными скорее теологическими спорами, чем безопасностью государства, или погрязшими в циничной коррупции, в которой было утрачено все благородное. Никто ни на Востоке, ни на Западе, казалось, не был способен осознать, что существует какая-либо опасность. Неужели имперские правительства были совершенно неспособны понять основную причину наступления готов, нападения вандалов, более того, всех своих затруднений? Неужели они забыли, что находится за Рейном и Дунаем? Неужели они забыли о гуннах?

СНОСКИ:

[2] Смотрите мою “Равенну” (Дент, 1913), стр. 1-10.

II ГУННЫ И АТТИЛА

Народ, называемый гуннами, “едва упоминаемый в других источниках”, полностью описан Аммианом Марцеллином[3], которого я уже цитировал. Он жил в конце четвертого века, был римским историком, родился от родителей-греков в Антиохии, а после сражений в Галлии, Германии и на Востоке поселился в Риме и посвятил себя истории. Он описывает гуннов как “живущих за Азовским морем, на границах Замерзшего океана”. И добавляет, что они были народом, “диким за пределами всех параллелей”. Затем он дает нам следующее подробное описание их:—

“В самом раннем младенчестве их мальчикам делают глубокие надрезы на щеках[4], чтобы, когда придет время отрастить бороду, прорастающие волосы могли быть сдержаны бороздчатыми шрамами, и поэтому до старости они вырастали безбородыми, как евнухи. В то же время все они обладают сильными и хорошо сложенными конечностями и сильными шеями; они действительно большого размера, но такие коротконогие, что вы могли бы принять их за двуногих зверей или за фигуры, грубо вырезанные топором на столбах в конце мостов.[5]

“Они, однако, просто похожи на людей (какими бы ужасно уродливыми они ни были), но они так мало развиты в цивилизации, что не пользуются ни огнем, ни приправленной пищей, а питаются кореньями, которые находят в полях, или полусырым мясом любого животного, которое они просто немного разогревают, кладя его между собственными бедрами и спинами своих лошадей.

“Они не живут в домах с крышами, но смотрят на них как на могилы и войдут в них только по необходимости. Среди них нельзя найти даже хижины, крытой тростником; но они бродят по горам и лесам, с младенчества приучая себя переносить крайности мороза, голода и жажды.

“Они носят льняную одежду или сшитые вместе шкурки полевых мышей, и это как дома, так и за границей. Когда однажды такую тунику надевают, ее никогда не меняют до тех пор, пока от долгого гниения она не развалится на куски. Их головы покрыты круглыми шапками, а волосатые ноги - козлиными шкурами, а их обувь, не знающая ни о каких последних, настолько неуклюжа, что мешает им ходить.

“По этой причине они не очень подходят для пехоты; но, с другой стороны, они почти одно целое со своими лошадьми, которые плохо сложены, но выносливы; часто они сидят на них, как женщины. На самом деле они могут оставаться верхом день и ночь; верхом они покупают и продают, они едят и пьют, и, склонившись на узкую шею своих коней, они даже спят и видят сны. Сидя верхом, они тоже обсуждают и совещаются. Однако они не находятся под властью короля, но довольствуются свободным правлением своих вождей.

“При нападении они иногда вступают в обычную битву, объединившись в единое тело и издавая всевозможные ужасающие вопли. Однако чаще всего они сражаются нерегулярно, внезапно рассеиваясь, затем воссоединяясь и, нанеся врагу огромные потери, рассеиваются по равнинам туда-сюда, избегая укрепленных мест или траншей. Следует признать, что они очень грозные воины....

“Никто из них не пашет и даже не прикасается к рукоятке плуга; ибо у них нет постоянного жилья, но они одинаково бездомны и беззаконны, постоянно скитаясь со своими повозками, которые на самом деле являются их домами. Кажется, они постоянно находятся в полете.... И если его спросят, никто не сможет сказать вам, где он родился; ибо он был зачат в одном месте, родился в другом, далеком, и воспитан в другом, еще более отдаленном.

“Они вероломны и непостоянны и, подобно диким животным, совершенно не знают разницы между добром и злом. Они выражают свои мысли с трудом и двусмысленно, не имеют уважения ни к какой религии или суеверию, неумеренно жадны до золота и настолько непостоянны и сварливы, что много раз в день ссорятся со своими товарищами без причины и примиряются без удовлетворения”.[6]

Таковы были люди, которые, согласно Аммиану, были “первоначальной причиной всех разрушений и многочисленных бедствий”, обрушившихся на Римскую империю в пятом веке нашей эры.

За пятьдесят шесть лет до того, как они начали непосредственно угрожать цивилизации и Римской империи, они, как мы видели, в 376 году нашей эры гнали готов перед собой в первом из этих знаменитых штурмов границ римского мира. Сами они, какими бы законченными варварами они ни были, не пытались тогда напрямую напасть на нашу цивилизацию, хотя в 396 году они пересекли Кавказ, совершили набег на Армению и, как отмечает Клавдий, “опустошили прекрасные поля Сирии”. Однако в 409 году, когда Аларих был тогда сосредоточен на Италии, они переправились через Дунай и вторглись в Болгарию, Улдис, их вождь, хвастался в истинно варварской манере: “Все, на что светит солнце, я могу завоевать, если захочу”. Это была первая претензия Варвара, громкая и недвусмысленная, на “место под солнцем” — место кого-то другого. Хвастовство Улдиса, однако, было лишь прелюдией к его бегству и падению. Среди толпы варваров, менее варварских, чем он, вестготов, вандалов, свевов, аланов, гунны фактически были неспособны сделать гораздо больше, чем просто гнать их дальше. Когда они проникли в Империю, в Галлию, Испанию и Африку, он, хуже их всех, наконец-то смог угрожать христианскому миру и его столицам, Константинополю и Риму.

Только после того, как два брата Аттила и Бледа взошли на гуннский трон, если это можно назвать троном, в 423 году, гунны действительно сразу и напрямую стали опасны для цивилизации.

Эта цивилизация, уже наполовину обанкротившаяся и находившаяся на переходном этапе, как мы видели, была сбита с толку и уязвлена фактическим вторжением армий варваров к югу от Дуная и Рейна, более того, в сердце Империи, в пределах досягаемости Константинополя, у самых стен Рима. Теперь на него должна была напасть дикая орда, полностью языческая, нацеленная на убийства и изнасилования, грабеж и разрушение.

Контраст между двумя атаками, атакой Алариха и атакой Аттилы, очень разителен. Восхищаться Аларихом, даже защищать его, очевидно, не является чем-то невозможным, поскольку было обнаружено так много историков, готовых делать и то, и другое. Ни один голос, кроме голоса кайзера Вильгельма, никогда не поднимался в защиту Аттилы. Здесь была Империя, христианский мир; он набросился на нее, как дикий зверь. По крайней мере, готы были христианами, хотя и арианами, а гунны были язычниками—язычницами. По крайней мере, Аларих почитал римское имя и стремился присвоить его; Аттила презирал и ненавидел его и

хотел полностью уничтожить. Но если и существует этот моральный контраст между готскими и гуннскими атаками на Империю, то в военном отношении они схожи прежде всего в том, что обе были направлены сначала на Восток и были повернуты на Запад только после некоторой неудачи. К счастью для нас, атаки Аттилы, хотя и были бесконечно более разрушительными, были и близко не такими опасными, как атаки Алариха. Империя подверглась нападению наемного убийцы; она была освобождена.

Римская система по отношению к варварам была давно установлена, когда Феодосий II взошел на восточный трон. Она заключалась не только в использовании варваров в качестве вспомогательных сил — так Улдис и его гунны сражались под командованием Стилихона против Радагайса в битве при Фьезоле; но и в натравливании различных варварских племен и рас друг на друга. В этом отношении Империя особенно благоволила гуннам, Стилихон хорошо знал их, и Аэций, которому наконец удалось победить их на Каталаунских равнинах, был, возможно, обязан им своей жизнью в кризисе, последовавшем за смертью его соперника Бонифация в 433 году. Но эта политика, всегда опасная, и тем более если она была неизбежна, уже обанкротилась. Расселение готов, вандалов, аланов, свевов и других племен по провинциям оставило Империю лицом к лицу на ее северной границе с реальной силой, которая гнала их вперед. В 432 году мы находим Руа, царя гуннов, получающим ежегодную субсидию, которую едва ли можно отличить от дани, в 350 фунтов весом золота. Возможно, именно он первым нарушил старую римскую политику. Когда Империя, согласно своему обычаю, заключила союзы с некоторыми варварскими племенами, его соседями, он объявил их своими подданными и немедленно поклялся, что денонсирует все свои договоры с Империей, если император не разорвет эти союзы. Более того, он потребовал, чтобы все его подданные, находившиеся в то время в пределах империи, были возвращены ему; ибо многие поступили на римскую службу, спасаясь от его сурового правления. Эти требования нельзя было игнорировать или отклонить. В 433 году Феодосий собирался отправить посольство для переговоров с Руа, когда услышал, что тот мертв и что ему наследовали два его племянника, еще молодые люди, Аттила и Бледа. Именно они принимали императорских послов.

Конференция проходила на правом берегу Дуная в пределах Империи, то есть недалеко от римского города Маргус или Маргум, города Мезии, где встречаются Дунай и Морава. Это место было известно как *Маргум планум* из-за характера страны и было известно как место, где Диоклетиан победил Карина.^[7]

Византийский историк Приск оставил нам отчет об этой странной встрече. Гунны, по-видимому, приехали верхом, и поскольку они отказались спешиться, римские послы тоже остались на своих лошадях. Таким образом, они услышали высокомерные требования гуннских королей: денонсацию Феодосием его союза с дунайскими варварами, изгнание всех гуннов, служащих в имперских армиях или обосновавшихся на территории Империи, обязательство не помогать никаким варварским народам, воюющим с гуннами, и выплату Империей в качестве дани, *tributi nomine*, семисот фунтов весом золота вместо трехсот пятидесяти, данных до сих пор. На все эти требования послы были вынуждены согласиться, поскольку Аттила настаивал либо на их принятии, либо на войне, а Феодосий предпочитал войне любое унижение. Знаменитая конференция при Маргусе, таким образом, стала полной победой гуннов, победой, которую Аттила никогда не забывал.

То, что Феодосий был готов принять любые условия, на которых мог бы настаивать Атила, подтверждается тем фактом, что он немедленно выдал ему двух своих гостей, молодых принцев гуннов, и не протестовал, когда Атила распял их на глазах у своих послов.

Этот акт, по-видимому, с самого начала символизирует характер Атилы и его правление. Мы можем предположить, что ему было тогда от тридцати до сорока лет, и, хотя он был моложе, он всегда был хозяином своего брата Бледы, которого вскоре собирался убить. О месте его рождения мы ничего не знаем,^[8] но он вырос на Дунае и там научился владеть оружием, возможно, в компании молодого Аэция, который был римским заложником Руа и которому однажды предстояло победить Атилу. Если мы поищем его портрет, то, к сожалению, не найдем его ни у одного современного писателя; но Джорнандес, вероятно, повторяющий утраченный отрывок из какого-нибудь более раннего автора, возможно, самого Приска, сообщает нам, что он был невысокого роста, с могучей грудью, большой головой, маленькими и глубоко посаженными глазами, редкой бородкой, плоским носом и смуглым цветом лица. На ходу он выставлял голову вперед и бросал взгляды по сторонам, гордо шагая при этом, как человек, которому суждено наводить ужас на народы и сотрясать землю. Поспешные и сварливые, его слова, как и его поступки, были внезапными и жестокими, но хотя на войне он только разрушал и оставлял мертвых непогребенными тысячами в назидание; к тем, кто подчинялся ему, он был милосерден или, по крайней мере, щадил их. Он одевался просто и чисто, ел так же просто, как одевался, еду ему подавали на деревянных блюдах; действительно, его личная умеренность контрастировала с варварской экстравагантностью, которая была присуща ему. Тем не менее, он был варваром с инстинктами дикаря. Постоянно пьяный, он пожирал женщин со свирепой страстью, каждый день имея свою жертву, и его бастарды действительно образовали народ. Он не знал религии, но окружил себя колдунами, потому что был чрезвычайно суеверен.^[9] Как генерал, он редко бывал в поле боя, он скорее командовал, чем руководил, и всегда предпочитал дипломатию битве.^[10] Его величайшим оружием были увертки. Он мог годами обсуждать какой-либо вопрос, и постоянные посольства Феодосия забавляли, не истощая его терпения. Он играл со своими жертвами, как кошка с мышью, и всегда предпочитал купить победу, чем завоевать ее. Он считал свою угрозу более действенной, чем свой поступок, и фактически играл с Империей, которой было что терять, точно так же, как Бисмарк играл с Европой. Как и Бисмарк, его делом было создание Империи. Его идея, идея, которую, возможно, не преминул понять даже Руа, заключалась в создании Северной империи, Империи гуннов, в противовес Римской империи на Юге, к югу от Рейна и Дуная. По этой причине он хотел объединить различные варварские племена и нации под своим скипетром, подобно тому как Бисмарк хотел объединить племена немцев под прусским мечом. Он должен был стать императором Севера, как римские императоры были императорами Юга. Если бы он жил в наши дни, он бы понял знаменитую телеграмму кайзера российскому царю — “Адмиралу Атлантики...”

Задачей Феодосия было предотвратить реализацию этого плана, и он без колебаний нарушил Маргусский мирный договор, чтобы добиться этого. Его эмиссары пытались присоединить к империи акацири, гуннское племя, пришедшее на смену аланам на Дону. Однако их вождь, опасаясь за свою независимость или поступив глупо, послал Атиле сообщение о римском заговоре. Гунн спустился во главе огромной армии, и хотя он пощадил акацири, поскольку их вождь был хитрецом и льстецом, он подчинил всех варваров той части своему сюзеренитету и, вернувшись, вскоре оказался хозяином Империи, простиравшейся от Северного моря до

Кавказа и от Балтики до Дуная и Рейна, империи, безусловно, сравнимой по размерам с империей Рима.

Именно в достижении этой поистине могущественной цели Атиллы проявляет две свои главные черты: суеверие и жестокость.

Похоже, что у древних скифов на равнине к востоку от Карпат вместо идола и, возможно, Бога был обнаженный меч, рукоять которого была врыта в землю, а лезвие направлено к небу. Этой реликвии римляне дали название "меч Марса". С течением веков об этом совершенно забыли, пока гуннский крестьянин, увидев, что его мул захромал, и обнаружив, что он ранен в ногу, в поисках причины, ведомый кровью, нашел этот меч в подлеске и принес его Атилле, который с радостью вернул его как дар небес и знак предназначенной ему власти над всеми народами земли. Так, по крайней мере, рассказывает Джорнандес.^[11]

Другой эпизод демонстрирует его жестокость. Основывая свою империю, Атила, несомненно, нажил много врагов и вызвал зависть у представителей своего собственного дома. Во всяком случае, он не мог без раздражения вспоминать, что разделил свою королевскую власть с Бледой. Благодаря его утонченности, от такого нетерпения никогда не было лекарства. Бледу обвинили в государственной измене, возможно, в заговоре с Феодосием, и Атила убил своего брата или приказал убить его; и в одиночестве отправился наслаждаться своим Варварством и противостоять Риму.

СНОСКИ:

[3] В тридцать первой книге его "Истории Рима": см. Приложение I.

[4] Прусский студент даже сегодня знаменит шрамами на лице, полученными во время университетских дуэлей.

[5] Ср. телосложение обычного пруссака в его наиболее характерном проявлении у фон Гинденберга, который действительно кажется высеченным из дерева.

[6] Это был современный и знаменитый немец, который не так давно заявил, что пруссаки были такими сварливыми и неприятными животными, что только их склонность пить пиво и это постоянно смягчало их настолько, что их можно было считать людьми.

[7] Любопытно вспомнить, что это первое столкновение Атилы с имперской властью произошло на территории нынешней Сербии, всего в пятидесяти милях ниже по Дунаю, чем Белград.

[8] Было высказано предположение, что его имя Атила было дано в пятом веке на Волге и, следовательно, он родился на ее берегах; но с таким же успехом можно сказать, что Руа родился там, потому что одно из древних названий этой реки было Ра.

[9] Обо всем этом см. Приложение: Джорнандес, *P. Get.*, 35 и особенно о его одежде и еде, Приск, *ниже*.

[10] Cf. *Jorn., R. Get.*, 36: "Homo subtilis antequam arma gereret, arte pugnabat...."

[11] См. Приложение, Джорнандес, *R. Get.*, 35.

III

АТТИЛА И ВОСТОЧНАЯ ИМПЕРИЯ

Когда Атила добился гегемонии на Севере, он обратил свое внимание на Империю; и в этот момент нам любопытно отметить совпадение, что это первое нападение на цивилизацию было нанесено в том самом месте на Дунае, где германские державы в августе 1914 года начали свое наступление. Атила направил свои армии к границам современной Сербии в том месте, где река Саве впадает в Дунай, где тогда возвышался город Сингидунум и где сегодня стоит Белград.

Предлог для этого нападения был почти таким же искусственным и сфабрикованным, как и тот, который Австрия выдвинула для своего нападения на Сербию. Атила утверждал, что епископ того самого пограничного города Маргус на Мораве, где он заключил договор с империей, переправился через Дунай и, тайно получив доступ к гробнице гуннских королей, похитил ее сокровища. Епископ, конечно, горячо отрицал это странное обвинение, и действительно, казалось настолько маловероятным, что он был виновен, что Феодосию крайне не хотелось приносить его в жертву. Жители Мезии требовали принятия решения; если епископ виновен, то он должен быть передан Аттиле, но если нет, Феодосий должен защитить и его, и их. Ибо Атила ничего не ждал; он перешел Дунай, прежде чем выдвинуть свое обвинение, и занял Виминациум, один из крупнейших городов на границе.

Тем временем епископ, видя колебания Феодосия и ожидая, что его принесут в жертву, направился в лагерь гуннов и пообещал в обмен на свою жизнь доставить им Маргуса, что он и сделал следующей ночью. Затем, разделив свои силы на две армии, Атила начал свое настоящее наступление на Империю.

Первая из этих армий была направлена на Сингидунум, современный Белград, который был взят и разрушен, и когда это было достигнуто, она двинулась вверх по реке к Сирмиуму, древней столице Паннонии, которая вскоре попала в ее руки. Вторая переправилась через Дунай дальше на восток и осадила Ратиарию, значительный город, штаб-квартиру римского легиона и базу Дунайского флота.

НАПАДЕНИЕ АТТИЛЫ НА ВОСТОК.

Обеспечив, таким образом, этой второй армией фланг, Атила двинул свою первую армию маршем из Сингидунума вверх по Мораве к Найсу (Нишу), точно так же, как австрийцы пытались сделать не далее как вчера. Они потерпели неудачу, но он преуспел, и Наисс пал. Оттуда он перешел к Сардике, где его встретила вторая армия, взявшая Ратиарию. Сардика была разграблена и сожжена.

Таким образом, в 441 году Атила овладел балканскими воротами почти без протеста Феодосия. Пять лет спустя, в 446 году, он снова был готов к наступлению. В том и следующем годах он разгромил две римские армии, взял и разграбил около семидесяти городов и продвинулся на юг до Фермопил и на восток даже до Галлиполи; столицу спасли только стены Константинополя. Феодосий был вынужден купить позорный мир ценой немедленной выплаты 6000 фунтов золота по весу, ежегодной дани в 2000 фунтов, уже даже не скрываемой, и обязательства, что Империя никогда не будет нанимать на работу или предоставлять убежище никому из тех, кого Атила считал своими подданными.

Согласиться на такие условия было легче, чем выполнить их. Провинции были разорены, вся финансовая система Востока в замешательстве, и даже то, что оставалось от богатства, было, как говорит нам Приск, “потрачено не на национальные нужды, а на абсурдные представления и безвкусные зрелища, а также на все удовольствия и излишества распущенного общества, которые не были бы разрешены ни в одном должным образом управляемом государстве, даже в разгар величайшего процветания”. Атила, ознаменовавший упадок и замешательство имперского правительства, ничем не упустил своей выгоды. Он становился все более и более алчным. Когда он не получил всего, чего желал, он отправил посольство в Константинополь, чтобы запугать правительство, и это стало для него обычным средством шантажа, средством более унижительным, чем война, и не менее успешным.

Первое из этих посольств прибыло в Константинополь сразу после согласования условий мира. Оно выдвинуло дополнительные требования, и к нему отнеслись с самым экстравагантным гостеприимством. Трижды в течение одного года приезжали другие посольства; они были средством шантажа и были уверены во все возрастающем успехе.

Самым известным и самым важным из этих посольств было то, которое прибыло в Константинополь в 449 году. Послы, нанятые тогда Атилой, заслуживают внимания, ибо в них мы видим не только тогдашнее положение вещей, но и наивную хитрость гуннов. Двумя главными легатами, которых Атила отправил в Константинополь по этому случаю, были Эдекон и Орест. Эдекон был скифом или гунном по происхождению, язычником, конечно, и варваром, командующим гвардией Атилы и отцом Одоакра, впоследствии ставшего столь знаменитым. Орест, с другой стороны, который был одним из главных министров Атилы, был римским провинциалом Паннонии, родившимся в Петавиуме (вероятно, Петтау на Драве), который в молодости удачно женился, вступив в союз с Ромулом, видным римским деятелем этой провинции. Однако он оставил императорскую службу, которая, несомненно, была открыта для него, ради службы у варваров и сколотил свое состояние. Его роль в истории также не должна была быть сыграна на службе Атиле, поскольку его сыну Ромулу суждено было стать последним из западных императоров, презрительно известным в истории как Ромул Августул.

Орест тогда был чистым авантюристом, но, отправляя его с варваром Эдеконом, мы видим систему Атилы в его шантаже Империи. Назначение римского провинциала было сдерживающим фактором для посланника варваров. Между ними существовала жестокая зависть, каждый шпионил за другим, и таким образом Атиле хорошо служили. Тот факт, что гунн мог пользоваться услугами таких людей, как Орест, является достаточным комментарием к состоянию пограничных провинций.

Именно эти два ревнивых посланника в первые месяцы 449 года появились в Константинополе, разумеется, предъявив новые требования. Их миссия, действительно, была самой дерзкой из всех, которые Атила до сих пор осмеливался посылать. Это требовало трех основных вещей: во-первых, чтобы вся страна к югу от Дуная вплоть до Найсса рассматривалась как часть Гуннской империи; во-вторых, чтобы в будущем Феодосий отправлял ко двору Гуннов только самых знатных послов, но если это будет сделано, Атила, со своей стороны, согласится встретить их на границе в Сардики; в-третьих, чтобы беженцы были выданы. Это последнее требование было повторением многих предыдущих. Как и прежде, Атила пригрозил, что, если его просьбы не будут удовлетворены, он начнет войну.

Послы Эдекон и Орест прибыли в Константинополь, где их проводником и переводчиком выступил “римлянин” по имени Вигилас, нескромный и вульгарный тип, о котором мы скоро услышим подробнее. Принятые на аудиенции Феодосием в знаменитом дворце на Босфоре, послы вместе с переводчиком позже посетили главного министра, евнуха Хрисафия. По пути они проходили через величественные залы Константина, украшенные золотом и построенные из мрамора, в целом это был огромный дворец, возможно, такой же великий, как Ватикан. Эдекон, гунн, был ошеломлен таким великолепием, что не смог удержаться от выражения своего изумления; Вигилас не замедлил отметить это наивное изумление и описать его Хрисафию, который вскоре предложил использовать его с пользой. Разговаривая, Эдекон отвел Эдекона в сторону от Ореста и предположил ему, что и он мог бы насладиться таким великолепием, если бы покинул гуннов и поступил на службу к императору. В конце концов, это

было не больше, чем сделал Орест. Но Эдекон ответил, что было бы подло покинуть своего хозяина без его согласия. Затем Хризафий спросил, какое положение он занимал при дворе Аттилы и пользовался ли он таким доверием своего господина, чтобы иметь к нему свободный доступ. На что Эдекон ответил, что он приближался к нему, когда хотел, что он действительно был главным из его капитанов и охранял его по ночам. И когда Хризафий услышал это, он был доволен и сказал Эдекону, что, если бы он был способен к благоразумию, он показал бы ему способ разбогатеть без проблем, но что он должен поговорить с ним на досуге, что он и сделает вскоре, если тот придет и поужинает с ним в тот вечер наедине, без Ореста или кого-либо из сопровождающих. В голове евнуха уже формировался план, с помощью которого он надеялся раз и навсегда избавить Империю от грозных гуннов.

Эдекон принял приглашение. Ожидая его, он застал Вигила с Хрисафием, а после ужина выслушал, по-видимому, без удивления, следующее потрясающее предложение. Взяв с него клятву хранить тайну, Хризафий объяснил, что предложил ему убить Аттилу. “Если вы только преуспеете в этом и завоюете наши границы, - сказал он, - нашей благодарности не будет предела, вы будете осыпаны почестями и богатствами”.

Гунн, по крайней мере внешне, был готов согласиться, но настаивал на том, что ему понадобятся деньги для подкупа, не много, но по крайней мере пятьдесят фунтов весом золота. Он объяснил, что не может унести это с собой, поскольку Аттила имел обыкновение по возвращении своих послов требовать самого строгого отчета о полученных ими подарках, а столь большой вес золота не мог ускользнуть от внимания его собственного спутника и слуг. Затем он предложил Вигиласу сопроводить его домой под предлогом возвращения беглецов и что в нужный момент он найдет деньги, необходимые для реализации проекта. Излишне говорить, что Хризафий с готовностью соглашался на все, что предлагал Эдекон. Похоже, он либо не стыдился делать столь гуннское предложение, либо ни на мгновение не заподозрил, что Эдекон его обманывает. Он изложил все Феодосию, заручился его согласием и одобрением Марциала, его министра.

Вместе они решили отправить посольство к Аттиле, к которому, чтобы лучше замаскировать свои намерения, следует прикрепить Вигиляса в качестве переводчика. Это посольство они намеревались сделать как можно более внушительным и с этой целью назначили его главой человека высокого, но не консульского ранга, и с наилучшей репутацией. В этом они проявили определенные способности, поскольку, как им казалось, в случае провала их заговора они могли избежать подозрений благодаря репутации своего посла. Человека, которого они выбрали, звали Максимин, и он, к счастью, выбрал своим секретарем софиста Приска, чьему перу мы обязаны описанием всех этих вещей. Он утверждает, и, вероятно, не без оснований, что ни Максимин, ни он сам не знали о заговоре с целью убийства. Они считали себя вовлеченными в серьезную миссию и были тем более впечатлены ее важностью, что ее условия были гораздо менее удобны гуннам, чем это было принято в недавнее время. Аттиле было сказано, что отныне он не должен ни уклоняться от обязательств по своим договорам, ни вторгаться на все территории Империи. Что касается беглецов, то ему сообщили, что, помимо тех, кто уже сдался, были отправлены семнадцать человек, но больше никого не было. Так гласило письмо. Но Максимин также должен был сказать, что гунны не должны искать посла более высокого ранга, чем он сам, поскольку это не было императорским обычаем по отношению к варварам; напротив, Рим привык посылать на Север любого солдата или гонца, который оказывался под рукой. И поскольку теперь он разрушил Сардику, его предложение встретиться там с любым

послом консульского ранга было просто дерзким. Если гунн действительно хотел устранить разногласия между Феодосием и им самим, он должен был отправить Онегезия послом. Онегесий был главным министром Атилы.

Таковы были две миссии, одна официальная, другая секретная, которые вместе отправились из Константинополя.

Великое путешествие, по-видимому, прошло почти без происшествий до Сардики, в 350 милях от Константинополя, куда мы добрались после двухнедельного путешествия. Они обнаружили, что город ужасно разграблен, но не разрушен, и имперское посольство купило овец и быков и, приготовив ужин, пригласило Эдекона и его коллег разделить его с ними, поскольку они все еще официально находились в пределах Империи. Но в этих руинах, даже среди послов, мир был невозможен. Приск описывает нелепую ссору, которая последовала за этим. Гунны начали преувеличивать могущество Атилы, — разве он не действовал вокруг них? Римляне, зная содержание письма, которое они везли, пели дифирамбы императору. Внезапно Вигилас, возможно, уже пьяный, заявил, что нехорошо сравнивать людей с богами, а Атилу - с Феодосием, поскольку Атила был всего лишь человеком. Только вмешательство Максимиана и Приска предотвратило кровопролитие, и гармония не была восстановлена до тех пор, пока Орест и Эдекон не получили в подарок шелка и драгоценности. Даже эти подарки были сделаны не совсем без неприятного инцидента. Ибо Орест, поблагодарив Максимиана, воскликнул, что он, Максимин, не похож на тех наглых придворных Константинополя, “которые дарили подарки и приглашения Эдекону, но не мне”. И когда Максимин, ничего не знавший о заговоре Хрисафия, потребовал объяснений, Орест в гневе покинул его. План покушения уже начал вынашиваться.

Послы отправились из разрушенной Сардики в опустошенный Найсс (Ниш), совершенно лишенный жителей, полный только ужаса и руин. Они пересекли равнину, усеянную белеющими на солнце человеческими костями, и увидели единственное свидетельство гуннской резни жителей — обширное кладбище. “Мы нашли, - рассказывает нам Приск, - чистое место над рекой, где разбили лагерь и переночевали”.

Недалеко от этого разрушенного города находилась имперская армия под командованием Агинтея, под чьими орлами укрылись пятеро из семнадцати беженцев, подлежащих сдаче. Римский полководец, однако, был вынужден выдать их. Можно себе представить их ужас, когда они ехали в посольском поезде к Дунаю.

Наконец показалась великая река; ее подходы были выровнены и запружены гуннами, проходы обслуживались варварами в землянках, лодки были сделаны из выдолбленных стволов деревьев. Этими лодками был усеян весь варварский берег, как будто приготовленный к наступлению целой армии. Действительно, как оказалось, Атила был в лагере неподалеку и намеревался поохотиться в пределах римских владений к югу от реки - средство разведки, несомненно, столь же привычное для гуннов, как торговля для тех же целей для германцев.

Мы не знаем, с какими чувствами Максимин и Приск наблюдали за всем этим и, наконец, пересекли границу великой реки и вошли в Берберию. К их великому огорчению, поскольку они облегчили гуннским послам путь через имперские провинции, Эдекон и Орест теперь довольно бесцеремонно покинули их. Несколько дней они шли одни, если бы не проводники, которых оставил им Эдекон, пока однажды днем их не встретили два всадника, которые сообщили им,

что они находятся недалеко от лагеря Аттилы, который их ожидал. И действительно, на следующее утро они увидели с вершины холма бесчисленные палатки варваров, раскинувшиеся у их ног, и среди них палатку Короля. Они решили разбить лагерь там, на холме, но тут же подъехал отряд гуннов и приказал им расположиться на равнине. “Как, - воскликнули они, - осмелитесь ли вы разбить свои палатки на высотах, когда внизу стоит шатер Аттилы?”

Едва они успели устроиться в назначенном месте, как, к их изумлению, появились Эдекон, Орест и другие и спросили, зачем они пришли, какова цель их посольства. Пораженные послы в изумлении переглянулись. Когда вопрос повторили, Максимин объявил, что не может сообщить о своей миссии никому, кроме Аттилы, при котором он был аккредитован. Скотта, брат Онегесия, тогда гневно объявил, что их послал Аттила и они должны получить ответ. Когда Максимин снова отказался, гунны усаkali галопом.

Римляне, однако, недолго сомневались в том приеме, который им предстоял. Скотта и его друзья вскоре вернулись без Эдекона и, к еще большему изумлению Максимиана, слово в слово повторили содержание императорского письма Аттиле. “Таково, - сказали они, - ваше поручение. Если это так, то все немедленно уезжайте”. Напрасно Максимин протестовал. Ничего не оставалось, как приготовиться к отъезду. Вигилий, который знал, чего ожидает Хрисафий, был особенно взбешен; лучше солгать, чем вернуться, ничего не добившись, сказал он. Что делать? Была уже ночь. Они находились посреди Берберии, между ними и Дунаем лежали целые лиги дикой, недружелюбной страны. Внезапно, когда их слуги грузили животных для их жалкого путешествия, прибыли другие гонцы от гуннов. Они могли оставаться в своем лагере до рассвета. В ту тревожную ночь, будь Вигилас менее глуп, он, должно быть, догадался бы, что Эдекон предал его.

Однако не варвар Вигилас нашел выход из затруднительного положения, ибо на рассвете был повторен приказ отправляться, а тот Приск, который оставил нам столь яркий отчет об этом прискорбном происшествии. Именно он, видя опалу своего покровителя, разыскал Скотту, брата Онегесия, главного министра Аттилы, в лагере гуннов. С ним поехал Вигилас в качестве переводчика, и софист так ловко подействовал на честолюбие Скотты, указав ему не только на преимущества мира между гуннами и римлянами, но и на личную выгоду, которую Скотта получит таким образом в виде почестей и подарков, и, наконец, притворившись, что сомневается в способности Скотты добиться даже такого пустяка, как прием посольства, что добился своего. Скотта усакал к Аттиле, Приск вернулся к своему покровителю, и вскоре после этого Скотта вернулся, чтобы сопровождать их в царский шатер.

Прием, должно быть, представлял собой странное зрелище. Шатер Аттилы был полностью окружен множеством стражников; внутри на деревянном табурете восседал великий гунн. Приск, Вигилий и сопровождавшие их слуги с подарками остались на пороге. Максимин один вышел вперед и передал в руки Аттилы письмо Феодосия, в котором говорилось: “Император желает Аттиле и всем, кто связан с ним, здоровья и долгих дней”. “Пусть римляне получают для меня все, что пожелают”, - ответил проинструктированный варвар. И, сердито повернувшись к Вигиласу, он сказал: “Бесстыдное животное, почему ты осмелился прийти сюда, зная условия мира, которые я заключил с тобой и Анатолиусом? Разве я тогда не сказал тебе, что больше не приму послов, пока не будут выданы все беженцы?” Вигилас ответил, что они привели с собой семнадцать беглецов и что теперь в Империи их больше не осталось. Это только еще больше

разъярило Аттилу: “Я бы распял тебя и отдал на съедение стервятникам, если бы не законы, касающиеся послов”, - воскликнул он. Что касается беженцев, он объявил, что многие все еще находятся в пределах Империи, и приказал своим людям зачитать их имена, после чего велел Вигилиасу отправиться с Эслем, одним из его офицеров, сообщить Феодосию, что он должен немедленно вернуть всех беглецов, которые проникли в Империю со времен Карпилиона, сына Аэция, который был его заложником. “Я никогда не допущу, - сказал он, - чтобы мои рабы подняли оружие против меня, хотя они и бесполезны для помощи тем, у кого нашли убежище.... Какой город или какую крепость они смогли защитить, когда я решил взять его?” Произнеся эти слова, он успокоился; сообщил Максимиனு, что приказ об отъезде касается только Вигилиаса, и попросил посла остаться и дожидаться ответа на письмо императора. Аудиенция завершилась вручением и принятием римских подарков.

Теперь Вигилас наверняка догадался, что означало его увольнение. Возможно, однако, он был слишком тщеславен и глуп, чтобы заметить это. Во всяком случае, он не стал просвещать своих товарищей, но сделал вид, что ошеломлен переменой в поведении Аттилы по отношению к нему. Все это дело оживленно обсуждалось в римском лагере. Приск предположил, что о досадной неосторожности Вигила в Сардике стало известно Аттиле, и это привело его в ярость. Максимиин не знал, что и думать. Пока они все еще спорили, появился Эдекон и разобрал Вигилиаса на части. Гунн вполне мог подумать, что ему нужно успокоение. Он заявил, что по-прежнему верен плану Хризафия. Более того, видя, каким дураком был Вигилас, он сказал ему, что его увольнение было его собственной выдумкой, чтобы дать переводчику возможность вернуться в Константинополь и получить обещанные деньги, которые при необходимости можно было бы внести в посольство для покупки товаров. Вигилас, однако, вряд ли поверил ему, во всяком случае, надолго; несколько часов спустя Аттила прислал сообщение, что никому из римлян не должно быть позволено покупать у гуннов ничего, кроме самого необходимого для жизни, ни лошадей, ни другого скота, ни рабов, ни выкупать пленников. Вигилас отбыл, и приказ звенел у него в ушах, выполняя задание, которое, как он, должно быть, знал, было безнадежным.

Два дня спустя Аттила свернул лагерь и отправился в свою столицу, римские послы следовали в его свите под руководством проводников, назначенных гуннами. Они не успели далеко продвинуться на север, когда им было приказано покинуть свиту Аттилы и следовать другим маршрутом, потому что, как им сказали, царь собирался добавить к своим бесчисленным женам еще одну, Эскам, дочь вождя из соседней деревни.

Очень любопытно описание Приском пути, по которому следовали покровитель и его посольство. Они путешествовали по венгерской равнине, по ужасным болотам и озерам, которые иногда приходилось пересекать на плотях; они пересекли три большие реки - Драве, Темеш и Тайсс - в блиндажах, лодках, подобных тем, которые они видели на Дунае, выдолбленных из стволов деревьев. Они питались по большей части просом, которое их проводники приносили или забирали унесчастных жителей, они пили медовуху и пиво и были полностью во власти чрезвычайно плохой погоды. Действительно, однажды их лагерь был полностью разрушен бурей, и если бы не гостеприимство вдовы из Бледы, они, возможно, погибли бы.

В течение семи дней они пробирались в самое сердце Венгрии, пока не пришли в деревню, где их путь пересекался с большей дорогой, по которой приближался Атила. Там они были вынуждены ожидать короля, поскольку должны были следовать за ним, а не предшествовать ему. Именно в этом месте они встретили другое римское посольство, посольство императора Запада Валентиниана III, который ссорился с Атилой из-за священных сосудов Сирмия. По-видимому, епископ Сирмиума в 441 году, увидев, что его город захвачен, собрал свои чаши, патены и тарелки, священные сосуды своей церкви, и тайно отправил их некоему Констанцию, галлу, в то время министру Атилы. В случае падения города они должны были быть использованы в качестве выкупа, сначала за епископа, а в случае его смерти - за других пленников. Констанций, однако, не оправдал доверия, оказанного ему епископом, и продал или заложил дощечку серебрянику в Риме. Атила, узнав об этом, когда Констанций был вне пределов его досягаемости, объявил добычу своей собственностью. Именно по этому прискорбному поводу Валентиниан отправил посольство к Атиле из Равенны.

Это, безусловно, позорное и удивительное зрелище, которое мы здесь наблюдаем. В этой маленькой берберийской деревушке послы императоров Востока и Запада, дворов Константинополя и Равенны, Нового Рима и Древнего ожидают в болоте прохода дикаря, чтобы им позволили следовать за ним в его свите и смиренно просить аудиенции. Несомненно, Атила сам организовал эту встречу, и, направляясь в свою столицу в сопровождении двух посольств, он, должно быть, наслаждался возмутительным оскорблением цивилизации, торжеством грубой силы над законом.

IV

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ПРИ ДВОРЕ АТИЛЫ

Вступление Атилы в его столицу было засвидетельствовано Приском и записано им с большой наивной тщательностью, поскольку это, очевидно, возбудило его любопытство и заинтересованность. Гуннов встретила процессия дев, которые проходили группами по семь человек под длинными покрывалами из белого льна, поддерживаемые матронами по обе стороны дороги, распевая на ходу скифские песни. Итак, они направились ко дворцу мимо дома главного министра Онегесия, где жена фаворита, окруженная своими слугами и рабынями, ожидала царя, чтобы преподнести ему кубок, наполненный вином, который он милостиво согласился принять из ее рук. Четверо огромных гуннов подняли серебряный поднос, уставленный яствами, чтобы царь тоже мог поесть, что он и сделал, не слезая с коня. Затем он направился к своему дому. Максимин разбил свой лагерь, по-видимому, между домом Онегесия и королевским дворцом.

Этот дворец, построенный на возвышенности, господствовал над всем городом или деревней и был примечателен своими высокими башнями. По-видимому, он состоял из обширной круглой ограды, внутри которой находилось множество домов, как самого короля, так и его жен и детей. Все было из дерева, как ограды, так и дома, но превосходно построенные, отполированные и украшенные резьбой. Гарем был более легкой постройки, чем дворец, и не

имел башен, но был со всех сторон украшен резьбой. Недалеко от царской ограды стоял дом Онегесия, построенный точно так же, но не такой большой и изящный. Но здесь министр, выдающаяся личность, построил из камня баню по римскому образцу. Кажется, что при разграблении Сирмия архитектор был взят в плен. Теперь Онегесий заставил его построить на манер римлян целую *балнею*, и пленник сделал это как можно быстрее, надеясь на свою свободу. Камень был привезен из Паннонии, и все было изготовлено и закончено; но когда строитель заявил о своей свободе, Онегесий, видя, что никто из гуннов не понимает толка в этой штуке, назначил его *бальнеологом*, так что несчастный архитектор был вынужден остаться обслуживать баню, которую он построил.

Онегесий только что вернулся из важного похода, когда Аттила прибыл в свою столицу вместе с императорскими посланниками. Он был занят завершением завоевания Акацирии и сразу же по возвращении был заперт с королем, так что Максимин не был принят им в тот первый день. В своем беспокойстве посол терял терпение и очень рано на следующее утро отправил Приска с подарками к посланнику. Приск обнаружил, что ограда закрыта и никто не шевелится, и, пока он ждал, когда проснется дом, расхаживал взад-вперед на рассвете, чтобы согреться. Внезапно его приветствовали греческим приветствием ΧΑΡΕ, “Приветствую”, или, как мы должны были бы сказать, “Доброе утро”. Пораженный тем, что услышал цивилизованный язык посреди Берберии, он ответил на приветствие. И последовала одна из самых интересных дискуссий, о которых у нас есть какие-либо записи, о соответствующих достоинствах цивилизации и варварства, дискуссия, которая, должно быть, занимала умы многих в то время. Наконец Приск спросил незнакомца, как он оказался среди варваров. “Почему ты спрашиваешь меня?” - ответил незнакомец. “Потому что ты говоришь по-гречески, как туземец”, - ответил Приск. Но незнакомец только рассмеялся. “Действительно,” сказал он, - я грек. Я приехал по делам в Виминациум на Дунае в Мезии, прожил там много лет и женился на богатой жене. Но когда гунны взяли город штурмом, я потерял все свое состояние и стал рабом этого Онегесия, которого вы ждете увидеть. Ибо у гуннов есть обычай отдавать самое богатое своим князьям. Мой новый хозяин брал меня на войны, где я преуспевал не без выгоды. Я сражался с римлянами и акацирии и купил свою свободу. Теперь я стал гунном, женился на варварке и имею от нее детей; я часто бываю в гостях у Онегесия и, по правде говоря, считаю свое нынешнее положение предпочтительнее моего прошлого. Ибо, когда война заканчивается, человек живет здесь достойно, без забот, наслаждаясь своим собственным. Война питает нас; но уничтожает тех, кто живет под властью римского правительства. При Риме человек должен полагаться на других в вопросах своей безопасности, поскольку закон запрещает носить оружие даже в целях самообороны, а те, кому разрешено сражаться, преданы невежеством и продажностью своих лидеров. И даже в этом случае бедствия войны при римлянах ничто по сравнению с бедствиями мира, непосильными налогами, грабежом сборщиков налогов и притеснением сильных мира сего. Как может быть иначе, если существует один закон для богатых и другой для бедных? Если богатый человек совершает преступление, он знает, как извлечь из этого выгоду; но если бедняк преступает закон, возможно, по невежеству, он не знает формальностей и разоряется. Справедливости можно добиться только дорогой ценой, и это, на мой взгляд, худшее из зол. Вы должны нанять адвоката, который будет выступать в вашу защиту, и только после внесения определенной суммы денег в качестве залога вы сможете вообще выступать в суде или добиться приговора”.

Таким образом, отступник от цивилизации долгое время защищал себя и варваров, и когда, наконец, он замолчал, Приск умолял его терпеливо слушать, пока он защищает то, что, в конце

концов, было будущим мира. Что, по-видимому, больше всего возбудило враждебность отступника, так это, как и следовало ожидать, римское право и его процессы, и именно их Приск защищает в первую очередь. Он объясняет разделение труда и ответственности, характерное для цивилизации, структуру римского государства и общества, разделенных, по его словам, на три класса: те, кто занимается созданием законов и отправлением их в жизнь; те, кто заботится о национальной и общественной безопасности; и те, кто возделывает землю. Он благородно и красноречиво защищает все это, логику и ясность его сложности от ужасающей неразборчивости и неразберихи варварской анархии. Он показывает человека как часть общества, и в основном его взгляд на цивилизацию совпадает с нашим, мы можем аплодировать и понимать это. Даже чужеземец-отступник, наконец, тронут. Однажды на рассвете в гуннской земле, возвращенный красноречием Приска ко всему, что он потерял, он плачет и восклицает: “Закон римлян хорош; их Республика устроена благородно, но злые судьбы извратили его”. Он мог бы сказать больше, но как раз в этот момент появился слуга Онегесия, и Приск ушел, чтобы больше никогда его не увидеть.

Поручая Максимино вести переговоры с Онегесием, Феодосий и Хризафий, несомненно, надеялись завоевать этого человека дипломатией, как они думали, что завоевали Эдекона коррупцией. Их расчеты были обречены на разочарование, поскольку и Онегесий, и Эдекон, по-видимому, были верны своему хозяину, а Эдекон уже ознакомил его с заговором против его жизни. Может показаться несомненным, что Онегесий тоже теперь знал об этом. Приняв присланные ему подарки и узнав, что Максимин желает его видеть, он решил немедленно навестить его и без промедления отправился в римский лагерь. Там Максимин открыл свое дело. Он объяснил необходимость мира между гуннами и Империей, честь установления которого он надеялся разделить с министром Аттилы, которому он предсказывал всевозможные почести и выгоды в случае его успеха. Но гунн не был убежден. “Как я могу заключить такой мир?” он спросил. “Короче говоря, путем справедливого решения спорных вопросов между нами”, - так же наивно ответил Максимин. “Император примет твое решение”. “Но, - ответил Онегесий, - у меня нет другой воли, кроме воли моего господина”. Он понимал разницу между цивилизацией и варварством не больше, чем современный немец видит пропасть между цивилизацией и “Культурой”. “Рабство, - сказал он, - было бы для меня милее в царстве Аттилы, чем все почести и все богатства Римской империи”. Затем, как бы желая смягчить свои слова, он добавил, что мог бы лучше послужить делу мира, к которому стремился Максимин, при дворе Аттилы, чем в Константинополе.

Но теперь пришло время преподнести царице — любимой жене Аттилы — ее подарки. Это посольство снова было поручено Приску. Он нашел ее в ее покоях сидящей на подушках, окруженной с обеих сторон своими женщинами и рабынями, женщины за работой вышивали одежду для мужчин. Выйдя из этих покоев, Приск впервые с момента своего прибытия увидел Аттилу. Услышав сильный шум, он пошел посмотреть, в чем причина, и вскоре увидел гунна с Онегесием, которые направлялись вершить правосудие к воротам его дворца. Там же, в ограде, он нашел римских послов из Равенны. С ними он сравнил записи и вскоре узнал, что они добились не большего успеха, чем Максимин. Но вскоре Онегесий послал за ним и сообщил, что Аттила решил больше не принимать послов Феодосия, если они не будут иметь консульского ранга, и назвал трех человек, которые были бы приемлемы. Приск наивно ответил, что такое назначение послов неизбежно должно вызвать подозрения у их собственного правительства,

забыв, что Максимин сделал то же самое всего несколькими часами ранее. Но Онегесий грубо ответил: “Так должно быть, иначе будет война”. Сильно обескураженный Приск вернулся в римский лагерь и там нашел Таталла, отца Ореста, который пришел сообщить Максиминому, что Аттила ожидает его на ужин.

Этот обед, на который были приглашены также послы Валентиниана, проходил в *большом салоне*, обставленном маленькими столиками на четыре-пять персон каждый, в три часа дня. На пороге послам предложили кубки с вином, чтобы выпить за здоровье короля, который возлежал посреди стола на ложе, установленном на платформе или помосте, так что он возвышался над своими гостями; рядом с ним, но ниже, сидел его наследник Эллак, который не смел поднять глаз от земли. Справа от него сидели Онегесий и два других сына царя, слева от него разместились послы. Когда все были в сборе, Аттила выпил за Максимиана, который встал, чтобы выразить свою снисходительность, и выпил в ответ. Аналогичную церемонию провели все послы по очереди. Затем пир был подан на серебряных тарелках, а вино - в золотых кубках; только Аттила ел и пил из деревянных блюд и деревянной чаши. Перед каждым блюдом снова проводилась церемония приветствия, и поскольку банкет продолжался до глубокой темноты, когда зажигались факелы и гуннские поэты пели или распевали свои стихи на языке варваров, прославляя славу войны и победы к радости собравшихся, чьи глаза сияли от волнения, у молодых - от слез желания, а у стариков - от страха, мало кто мог быть трезвым, когда шут, а затем знаменитый карлик Зеркан с шумом начали накрывать на столы; хотя Аттила оставался серьезным и невозмутимым.

Так проходили дни, но ничего не было достигнуто. Нетерпеливые послы были вынуждены присутствовать на аналогичном обеде, устроенном в их честь королевой Керкой, и снова они обедали с Аттилой; но ничего не обсуждалось и не было решено. Действительно, Аттила несколько раз заговаривал с Максиминим о деле, которое, по-видимому, было у него на сердце, а именно о женитьбе своего секретаря Констанция, который несколькими годами ранее был отправлен в Константинополь и которому Феодосий пообещал богатую жену при условии, что мир не будет нарушен. Выбранная жена, однако, была похищена, и это стало поводом для недовольства, Аттила был настолько разгневан, что послал Феодосию сказать, что, если он не сможет навести порядок в своем собственном доме, он, Аттила, придет и поможет ему. Конечно, Констанцию была обещана другая, более богатая наследница, и именно этот вопрос Аттила предпочел обсудить с Максиминим, а не письмо, которое он привез от императора.

Наконец, в отчаянии Максимин потребовал разрешения уехать, и это, по-видимому, было дано, как только Аттила узнал, что Вигила возвращается из Константинополя. Возможно, что гунн задержал послов только в качестве заложников или для того, чтобы убедиться, что они ничего не знали о заговоре против его жизни. В конце концов, они ушли, не получив удовлетворения, но и не с пустыми руками. Аттила нагрузил их подарками, шкурами, лошадьми, вышивками, и их обратный путь не обошелся без происшествий. По словам Приска, в нескольких днях пути, недалеко от границы, они увидели ужасное и зловещее зрелище - беженца, распятого у дороги. Немного дальше они увидели двух римлян, казненных со всевозможной варварской жестокостью на их глазах. Это были напоминания об Аттиле. Недалеко от Дуная они встретили Вигиляса и его спутницу-гуннку, на самом деле его охранницу Эслу.

Этот самодовольный глупец, ибо на самом деле он был таким же глупцом, как и негодяем, имел при себе вдвое больше золота, обещанного Эдекону, и, более того, он привел также своего

единственного сына, юношу двадцати шести лет. Он полностью отдал себя в руки Атиллы. Оставив Максимиана и его посольство возвращаться в Константинополь, Вигилий отправился в Берберию, намереваясь убить Атиллу, и не успел ступить в столицу гуннов, как его схватили, вскрыли его багаж и обнаружили золото. Когда его попросили объяснить, откуда взялись эти богатства, он ответил, что они предназначались для него самого и его окружения, и что он предложил выкупить римских пленников и приобрести лошадей, шкуры и вышивки. “Злобное чудовище,” закричал Атила, “ты лжешь, но твоя ложь никого не обманывает”. Затем он приказал схватить молодого сына Вигилия и поклялся убить его на месте, если отец не сознается. Тогда Вигилас, видя, что его ребенок в такой большой опасности, сошел с ума и закричал: “Не убивай моего сына, ибо он невежествен и ни в чем не повинен; Виноват только я”. И он признался во всем заговоре с целью убийства Атиллы, который Хризафий замыслил вместе с ним. И Атила выслушал его, и, видя, что то, что он сказал, согласуется с сообщением Эдекона, он понял, что услышал правду. Немного погодя он велел отпустить юношу и отправил его обратно в Константинополь, чтобы привезти ему еще сто фунтов золота для выкупа Вигилия, его отца, которого он заковал в цепи и бросил в тюрьму. И вместе с молодым человеком он отправил двух послов, Ореста и Эслу, со своими требованиями к императору.

Они прибыли в Константинополь; у них была аудиенция у Феодосия. На шее Ореста висел мешок, в котором Вигилас привез в Берберию плату за убийство. Эсла, стоя там, спросил Хризафия, узнал ли он это, и, когда тот не ответил, повернулся к императору и сказал: “Атила, сын Мундзуха, и Феодосий - два сына благородных отцов; Атила остался достойным своего родителя, но Феодосий предал своего, потому что, платя дань Аттиле, он признал себя его рабом. И как раб он не был верен своему господину, и Атила не перестанет провозглашать его беззакония, ибо он стал сообщником евнуха Хрисафия, поскольку тот не предал его наказанию, которого он заслуживает”.

Ответа не последовало. Униженный и напуганный император сделал все в соответствии с приказом Атиллы, за исключением того, что отказал ему в голове Хрисафия. Величайшие военачальники Империи были отправлены в качестве послов, и Атила унижал их по своему усмотрению; для Констанция была найдена богатая вдова, к ногам Атиллы были посыпаны золото и серебро. И все же он потребовал голову Хрисафия. Наконец, в 450 году, как говорят, от гуннов прибыли два готских посланца, один в Константинополь, другой в Равенну. В тот же день и в тот же час они предстали перед Феодосием и Валентинианом и передали следующее послание: “Атила, мой господин и твой, просит тебя приготовить для него дворец”. Император для меня, Господин мой и Господин твоего Атиласа, и для руководства сибирским дворцом.

Это дерзкое послание, если оно действительно когда-либо было передано, осталось без внимания. 25 июля 450 года Феодосий умер, а три месяца спустя умерла и Плацидия, мать и добрый гений Валентиниана, настоящего правителя Запада. Новый император, Маркиан, правил в Константинополе. Хризафий был казнен, и Маркиан, старый солдат, сразу же столкнулся с Атилой с чем-то от древнеримской энергии. Варвар отвернулся, чтобы обдумать, как бы ему пограбить Запад.

Против НАПАДЕНИЯ На ЗАПАД

Поворачиваясь с Востока, где ему не нравился внешний вид Маркиана, на Запад, где слабый и чувственный Валентиниан, которому тогда был тридцать один год, казалось, предлагал себя в качестве добычи, вселенский разбойник нуждался в предлоге для своего нападения. Вопрос о сирмианской плите он либо забыл, либо боялся, что в этом вопросе его встретят и удовлетворят. Ему нужно было яблоко раздора, уступить которому Валентиниан не смог бы. Он нашел это в Гонории, сестре императора.

Следует помнить, что в 435 году, пятнадцать лет назад, эта дикая и страстная девушка, попавшая в немилость в Константинополе, послала свое кольцо Атилле и предложила ему себя в жены, как ее мать была невестой Адольфа, преемника Алариха. На пятнадцать лет Варвар забыл об этом романтическом предложении, и хотя он сохранил ее кольцо, он не делал никаких попыток или требований какого-либо рода к этой даме. После смерти Плацидии в 450 году он вспомнил об этом деле и сразу же отправил Валентиниану послание, в котором заявлял, что Гонория и ее имущество принадлежат ему, а вместе с ней и половина Западной империи. Он утверждал, что с величайшим удивлением узнал, что с его невестой из-за него обошлись позорно и даже заключили в тюрьму. Со своей стороны, он не видел в ее выборе ничего недостойного, что на самом деле должно было польстить императору, и настоял на том, чтобы ее немедленно освободили и отправили к нему с ее частью наследства ее отца и половиной Западной империи в качестве приданого.

На это удивительное предложение Валентиниан ответил, что Гонория уже была замужем и, следовательно, не могла быть женой гунна, поскольку, в отличие от варваров, римляне не признавали полигамии или многожества; что его сестра не имела никаких прав на Империю, которой не могла управлять женщина и которая не была семейным наследством. На все это Атила ничего не ответил; только отослал кольцо Гонории в Равенну и настаивал на своих требованиях.

Неискренность заявлений Атилы, тот факт, что они были всего лишь предлогом, доказывается тем, что внезапно он полностью отказался от них и никогда больше не упоминал о них. Гонория была забыта так же начисто, как сирмиумская тарелка. Он попробовал другой способ достичь своей цели, стал подозрительно дружелюбным, поклялся, что у императора нет такого надежного друга, как он, а у Империи нет союзника, более готового служить ей.

Правда заключалась в том, что внезапно появился предлог для нападения гораздо лучший, чем отказ от Гонории. Провинция Африка была потеряна римлянами в результате вторжения вандалов, которыми теперь правил человек, мало чем отличающийся от самого Атилы, Гензерихх. Это правда, что он не был язычником, как гунн, но он был арианином и собрал под своим знаменем всех варваров, которые наводнили руины римских городов Африки. Гензерик женил своего сына на дочери Теодориха, короля вестготов, но поскольку этот союз не принес ему всего, на что он надеялся, он вернул девушку ее отцу без ушей и носа, которые он отрезал. Опасаясь, как бы Теодорих не призвал Империю на помощь против него в этом чудовищном деянии, Гензерихх искал союза с Атилой. Перед гунном открылось новое видение; он увидел, что ему предлагается новый союз, если не новый сюзеренитет, с помощью которого он мог бы

напасть на Империю как на север, так и на юг, так что, пока он обрушится на богатейшую из европейских провинций Рима — Галлию, Гензерикий обрушится на саму Италию. В этом плане окончательной добычи Запада Аттилу еще больше воодушевлял тот факт, что франки, самое воинственное из варварских племен в Европе (тому, которому было суждено сначала стать католическим, а затем заново основать Империю), пребывали в анархии из-за смерти своего вождя, чье наследство было предметом спора между двумя его сыновьями. Старший из них обратился за помощью к Аттиле, в то время как младший обратился к Риму и действительно стал протеже, если не приемным сыном, великого римского полководца Аэция. Этот молодой человек по предложению Аэция отправился в Рим, чтобы обратиться с петицией к императору, и там Приск увидел его “безбородым юношей с золотыми волосами, ниспадающими на плечи”.

Эта ссора прилась по сердцу самому Аттиле. Если вандалы вторгнутся в Италию из Африки, он нападет на Галлию, и франки откроют для него переправы через Рейн. Он совершенно забыл о Гонории. Он немедленно отправил Валентиниану послание, в котором сообщал ему о своей решимости напасть на вестготов и просил его не вмешиваться. Вестготы, заявил он, были его подданными, подданными, бежавшими из-под его власти, но от своих прав на которых он никогда не отказывался. Он также указал, насколько они опасны для мира в Империи, от имени которой, как и от своего собственного, он теперь предлагал наказать их.

Валентиниан ответил, что империя не воевала с вестготами, а если бы и воевала, то вела бы свои собственные распри по-своему. Вестготы, сказал он, жили в Галлии в качестве гостей и под защитой Римской империи, и, следовательно, нанести удар по ним означало нанести удар по Империи. Но Аттила не хотел ни слышать, ни понимать. Он настаивал на том, что собирается оказать Валентиниану услугу, а затем, подтвердив наше мнение, что его целью была всего лишь добыча, послал к Теодориху с просьбой не беспокоиться, поскольку он собирался войти в Галлию, чтобы освободить ее от римского ига.

Одновременно с получением вестготом этого послания он также получил послание от Валентиниана, приветствовавшего его как “храбрейшего из варваров” и призывавшего его противостоять “вселенскому тирану”, который, подобно современному пруссаку, “знает только свою необходимость, считает все, что ему подходит, законным и правомерным и полон решимости подчинить весь мир своему господству”. Теодорих, оказавшийся, по словам Джорнанда, во многом в том же положении, что и современная Бельгия, воскликнул, как мог бы это сделать король Альберт в августе прошлого года: “О римляне, наконец-то вы исполнили свое желание; наконец-то вы сделали Аттилу и нашим врагом”. Но римляне были так же мало виноваты или могли помочь в этом, как Англия или Франция. Аттила, “тиран вселенной”, подготовился к войне и был полон решимости. Все, что мог сделать Теодорих, - это быть готовым защищаться.

Аттила приготовился атаковать Запад, но перед защитниками стояла та же проблема, что и вчера, а именно, по какой дороге будет нанесен удар. Гунны обрушились на вестготов, но именно по этой причине Аэций, подобно французам, мысливший более тонко, чем противник, оставался неуверенным, не станет ли в конце концов жертвой Италия, а не Галлия. Он был неправ, как и его сегодняшние представители; варвар был варваром, он верил в свое хвастовство.

Огромная армия варваров всех мастей была собрана на Дунае и в провинциях к югу от этой реки. Численность этого войска могла составлять от полумиллиона человек и выше; оно было не

менее полумиллиона человек. У каждого племени был свой вождь, среди которых двумя наиболее известными были короли гепидов и остготов; но все одинаково трепетали перед Атилой, который, таким образом, имел в своих руках самое грозное и многочисленное войско, когда-либо угрожавшее цивилизации. Это было само варварство во всем его неисчислимом множестве, которое вот-вот должно было обрушиться на Галлию.

План Атилы — если это можно назвать планом — был выбран правильно. На Галлию было легче напасть, чем на Италию, и она была немногим менее важна для будущего римской цивилизации. Тогда, как и с тех пор, это было самое сердце Европы. Разрушить его означало разрушить будущее.

Собрав свои бесчисленные народы на границах Дуная, Атила разделил свои армии на две части. Первая армия должна была двинуться к Рейну по правому, или южному, берегу Дуная, по великой римской военной дороге, мимо всех римских крепостей на границе Империи, каждая из которых должна была быть разрушена по мере продвижения. Вторая армия должна была пройти левым, или северным, берегом Дуная и встретиться с первой у истоков этой реки, где в обширных лесах Германии обе армии должны были обеспечить себя материалами, необходимыми для их транспортировки в Галлию. Там, пока они тысячами рубили деревья, их встретили франки, которые покинули или убили своего молодого короля, протеже Аэция, и теперь стекались к его брату под знаменами Атилы; некоторые из тюрингов и бургундов также объединились с ними.

Главным делом, стоявшим непосредственно перед Атилой, был переход через Рейн, и именно для того, чтобы заготовить материал для мостов, его армии тысячами вырубали деревья в древнем “герцинском” лесу. Этот отрывок, возможно, был бы невозможен и, безусловно, очень труден, если бы его оспорили. Это не оспаривалось, и чтобы понять причину этого, мы должны понять политическое состояние Галлии.

За последние полвека великая провинция Галлия сильно пострадала, хотя и не так сильно, как Британия, которая почти утратила свою самобытность, и не так безнадежно, как Африка, которая была полностью утрачена для цивилизации. Произошло вот что: все дальнейшие части Галлии оказались под оккупацией варваров, а также тот оскверненный уголок, окруженный с запада Юрой, где обосновались бургунды. В северной Галлии, на территории, которую мы сейчас называем Пикардией, Бельгией и Люксембургом, были расселены франки: салийские франки на западе, около городов Тонгр, Турне, Аррас, Камбре, Амьен; рипуарские франки на востоке, по обе стороны Рейна, около Кельна, Менца, Кобленца и Трева. К югу от салианских франков саксы удерживали побережье и низовья Сены, к югу от них лежала Арморика до Луары, изолированная бретонская провинция, к югу от них до Пиренеев всю Аквитанию занимали вестготы под предводительством Теодориха. Центральная Галлия, однако, с ее городами Мец, Страсбург, Труа, Лангр, Орлеан, Лион, Вена, Арль, Нарбонна и городом Лютеция, или Париж, оставалась в пределах римской власти и управления, которое, хотя и находилось в упадке и было в значительной степени клерикализировано, как мы увидим, все еще оставалось реальностью.

Если Атила намеревался наказать вестготов, то, очевидно, ему предстояло пройти маршем через эту все еще римскую и христианскую провинцию Центральную Галлию, и опыт как на Востоке, так и на Западе научил имперское правительство, что такой марш означал полное разорение, разорение и обезлюдение каждого города на пути. Естественными границами

Галлии на востоке были и остаются Рейн и горы. Удержать их - значит обезопасить Галлию, потерять их - значит погибнуть. К сожалению, Рейн не удалось удержать против Атиллы. Его не удалось удержать, потому что главный пункт переправы в Конфлуэнтесе (Кобленц) находился во власти франков, в то время как второстепенный пункт переправы в Аугсте, ныне деревне между Бале и Мюлузом, находился во власти бургундов. Эти ворота были широко распахнуты, и именно через них Атила наконец вошел в сердце Запада.

Конфлуэнтес (Кобленц) находился на слиянии Мозеля с Рейном, а оттуда, слева от Мозеля, большая римская дорога вела на юго-запад к Augusta Treverorum (Тревесу), откуда расходился целый ряд дорог, пересекавших Галлию во всех направлениях. От Конфлуэнтеса тоже, идя на север вдоль левого берега Рейна, дорога вела на север через Бонн в Кельн, откуда снова большое шоссе тянулось на запад и юг через территорию нынешней Бельгии и Пикардии. По-видимому, это был основной маршрут продвижения Атиллы. У южного входа в Аугуст его армии могли ждать, встретить и, возможно, отрезать или отразить любое наступление из Италии.

НАПАДЕНИЕ АТТИЛЫ НА ГАЛЛИЮ И ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ ОРЛЕАНА

Был январь, когда Атила отправился в путь, был март, когда он наконец оказался у ворот Галлии на Рейне. Впереди у него были весна и лето, чтобы разрушить то, чего он, в конце концов, не мог понять.

VI НАСТУПЛЕНИЕ АТТИЛЫ ОТ РЕЙНА К ОРЛЕАНУ

В крушении светской римской администрации, которое наблюдалось последние пятьдесят лет, в ужасе, который угроза армий Атилы на Рейне наводила повсюду в великой и благородной провинции Галлия, может показаться, что многие, если не все, города, все еще римские, и прежде всего христианские, нашли в каком-то постоянном и доминирующем сознании замену и преемника своим разрушенным институтам. Мы видим это в Тонгре, в Меце, в Реймсе, в Орлеане, но прежде всего мы видим это, как и следовало ожидать, в Париже. Судьба этих городов, то, как они встретили свою судьбу, проливает свет; и если это необъяснимо и для нашего скептицизма почти невероятно, это, тем не менее, несомненно, свидетельствует о духовном и политическом состоянии того все еще римского общества. Именно христианство нанесло Атиле поражение в Галлии так же несомненно, как только оно смогло позже отвратить его от разрушения Италии. Настоящей победой, несмотря на великие удары Аэция, была духовная победа; победа христианства над язычеством.

Я воздержусь проводить параллель с борьбой, в которую мы вовлечены в настоящее время. К счастью, самым поразительным фактом нынешнего противостояния является то, что союзники сразу же раскусили и отбросили от себя жестокую и безнадежную философию богохульства и вздора, “необходимости” и “ужаса”, которая является самой жестокой формой атеизма, когда-либо атаковавшей европейское общество. Германия погибнет из-за своей “Культуры” так же несомненно, как гунны погибли из-за своего язычества. Действительно, в действии они идентичны и основаны на одной и той же безнадежности, отрицании божественности не только Бога, но и человека.

То, что поражение Атилы было победой христиан, становится очевидным сразу, если мы пойдем по его стопам. Он начал свое наступление с переправы через Рейн у Конфлуэнса и обрушился на Бельгийскую Галлию. Мец пал. “В самый канун благословенной Пасхи, ” говорит Григорий Турский, “ гунны переправились через Паннонию, сжигая все на своем пути, и вошли в Мец. Они предали город огню, вырезали людей, предавая всех мечу, убивая даже священников перед алтарем Божьим. Во всем городе не осталось ничего, кроме молельни блаженного Стефана, Первомученика и Левита”. Далее он утверждает, что эта часовня уцелела только потому, что сам святой Стефан призвал на помощь святых Петра и Павла, которые здесь, как могло показаться, уже заменили Ромула и Рема как представителей Рима, поскольку сам Рим вот-вот должен был стать столицей не столько мира, сколько Католической церкви.

Вся Лотарингия лежала под факелом гуннов. Он перешел в Шампань. Пал Реймс. Жители бежали в леса. Святой Никасий, епископ, был повержен перед алтарем, когда читал часть 118-го псалма: *Адхесит павименто анима mea; живи во мне секундум вербум tuum*. Его сестра по имени Евтропия, испугавшись жестокости захватчиков, ударила убийцу в лицо и была зарублена вместе со своим братом. Внезапно, читаем мы, церковь наполнилась странным громом, гунны бежали в суеверном страхе, покинув полуразрушенный город. На следующий день жители вернулись в свои руины.

От Реймса гуннский поток докатился до Сен-Кантена и даже до Тонгра; вся северная Галлия от Марны до Рейна была опустошена, все были беглецами — разоренными, беспомощными. Жители маленьких городов бежали сначала в большие, а затем вместе с крестьянами скрылись в холмах и лесах. Именно в судьбе одного из этих маленьких городков, впоследствии ставшего столь знаменитым, действительно столицы Запада, Лютеции или Парижа, мы видим наиболее характерный, поскольку это самый удивительный эпизод обороны.

О жизни святой Женевиевы мы мало что знаем, кроме легенды, которая превратила чудесную реальность в восхитительную сказку. Святой Герман Осерский нашел ее под холмом Валериана, маленькую девочку семи лет, и его восхищение ею было лишь первым примером влияния, которое ее характер должен был оказывать на людей и события. Она была воплощением духа христианской Франции. Жанна д'Арк - это, так сказать, всего лишь ее повторение, и перед той более поздней и знаменитой девушкой у нее есть одно преимущество: она была из Парижа, когда Париж имел значение, так сказать, только в ней и ее поступке.

Ее легенды никогда не бывает достаточно; но здесь я приведу только ту ее часть, которая касается этого момента. “В Париж пришла весть”, - говорит Ворагин, суммировавший в своем удивительном повествовании всех более ранних агиографов: “В Париж пришла весть о том, что Атила, преступный король гуннов, предпринял попытку разрушить и опустошить части Франции и подчинить их своему господству. Парижские горожане, испытывая большой страх, который они испытывали, отправляли свои товары в другие города с большей уверенностью. Святая Женевиева предупреждала и увещевала добрых женщин города, чтобы они бодрствовали во время постов и молитв, с помощью которых они могли бы смягчить гнев Господа Нашего и отказаться от тирании своих врагов, как это когда-то делали святые женщины Юдифь и Есфирь. Они повиновались ей и пробыли в церкви много дней, совершая пробуждения, посты и молебны. Она сказала горожанам, что они не должны забирать свои товары и отправлять их за пределы Парижа, потому что другие города, которые, по их мнению, должны быть более надежными, должны быть разрушены и опустошены, но Милостью Божьей Парижу не должно быть причинено никакого вреда. И некоторые возмутились на нее и сказали, что в их время возник лжепророк и начал среди них спрашивать и лечить, не следует ли им утопить ее или побить камнями. Пока они так лечились, как было угодно Богу, он приехал в Париж после кончины Сен-Жермена, архидьякона Осерского, и когда он понял, что они вместе лечили ее смерть, он пришел к ним и сказал: “Прекрасные господа, ради Бога, не делайте этого зла, ибо та, о ком вы лечите, Сен-Жермен свидетельствует, что она была избрана Богом во чреве своей матери, и вот, вот письма, которые он отправил ей, в которых он рекомендует ей молиться за него”. Когда горожане услышали эти слова, произнесенные им о Сен-Жермене, и увидели письма, они изумились, убоялись Бога, оставили свои злые замыслы и больше ими не занимались. Таким образом, наш Господь сохранил ее от зла, которое всегда хранит тех, кто принадлежит ему, и защищает после этого, как говорит апостол, и ради ее любви сделал так много, что тираны не приблизились к Парижу, благодаря и прославляя Бога и честь Девы Марии”.

Это, как я уже сказал, самый характерный и самый значительный эпизод, поскольку он самый удивительный в защите. Парижу не суждено было пасть, он даже не должен был подвергнуться нападению. Атила пресытился разрушениями и добычей, и теперь он был вынужден сосредоточить свое внимание на нападении на вестготов на юге, чтобы Рим и Азций не встали у него на пути и не поставили под угрозу всю его кампанию. Его план, должно быть, состоял в том,

чтобы разгромить вестготов до того, как он будет вынужден столкнуться с Аэцием, приближающимся из Италии, и с этой мыслью он выступил из Меца со своей основной армией, прошел через Туль и Реймс, которые были разгромлены, через Труа и Санс, которые он слишком торопился разрушить, и через Солонь, удерживаемую тогда его союзником королем аланов Сангибаном, и двинулся прямо на Орлеан. Тот март представлял собой работу целого месяца. Он покинул Мец в первых числах апреля и прибыл в Орлеан в первых числах мая.

Орлеан стоит на самой северной точке Луары, великой реки, которая разделяет Галлию на восток и запад, на северную и южную страны. Это был момент, вокруг которого так часто решались судьбы галлов — стоит только вспомнить самый известный пример из всех, освобождение при Жанне д'Арк, — что мы без удивления видим, как он выполнял свою роль и во времена Аттилы. С незапамятных времен, еще до начала истории, это был важный торговый город, поскольку он стоял не только на одной из величайших и плодороднейших рек западной Европы, но, как я уже говорил, на границе севера и юга, воротами которых он был. Никто не мог пройти мимо без его разрешения, по крайней мере, в безопасности. В древности он был известен как Генабум, и там было спланировано великое восстание, которое едва не поглотило Юлия Цезаря, который сжег его дотла. Тогда, как и позже, когда он снова поднялся, он стоял на северном берегу реки и соединялся с южным большим мостом. Воскрешение после этого сожжения не затянулось надолго, но оно, по-видимому, было менее величественным, чем можно было ожидать, и, несомненно, сильно пострадало от войны, так что в 272 году, во времена Аврелиана, его отстроили заново, обнесли стеной и по этой причине присвоили ему имя императора. Времена, однако, печально изменились вместе с великим городом, когда Аттила вступил в Галлию. Многое, несомненно, находилось в руинах, муниципальное управление находилось в полном упадке или переходном периоде, и поэтому Орлеана с ужасным страхом в сердце наблюдала за приближением гуннов. Тем не менее город был переведен в состояние обороны. Первое прямое нападение на нее предпринял этот Сангибан, король аланов и союзник Аттилы, который попросил разрешить ему разместить там гарнизон. Орлеан отказался и закрыл свои ворота. В то же время она отправила своего епископа (и это столь же важно для истинного положения дел в Галлии, как факты о Тонгре, Реймсе и Париже) на юг, все еще римский, в Арль, чтобы узнать, когда можно ожидать подкрепления от Аэция и как далеко продвинутся вестготы, не только для собственной защиты, но и против общего врага.

Аниан, ибо таково было имя епископа, таким образом, выступает в качестве представителя, посла и губернатора города. В Арле, к своей радости, он нашел не только надежное и даже великолепное римское правительство, но и самого великого полководца Аэция, который принял его с восхищением. Аниан настаивал на необходимости немедленной помощи. Он рассчитывал, что удастся продержаться до середины июня, но не дольше. Аэций терпеливо выслушал его и пообещал, что к тому времени освободит город. Аниан явился не слишком быстро, едва он вернулся в Орлеан, как Аттила начал осаду.

Возникнет вопрос, и вполне обоснованный, почему Рим так долго ждал, прежде чем вмешаться, чтобы защитить свою великую западную провинцию от этого “дикого зверя”? Почему Аэций не выступил из Италии во главе своих армий несколькими месяцами раньше? почему он ждал, пока весь Север превратится в руины, прежде чем перенести орлов через Альпы и противостоять этому дикарю и его ордам в стройных рядах армии цивилизации? Ответ может быть найден в войне, которую мы ведем сегодня против аналогичного врага. Французам не удалось защитить Север от современного Аттилы, потому что они слишком долго не были

уверены, каким путем он придет и где нанесет самый сильный удар. Они не могли быть уверены, какой пункт был решающим в немецкой атаке. Именно это удерживало столь значительную часть их армий в Эльзасе и на этой границе. Они приписывали немцу больше тонкости, чем он сам обладал. Они не смогли осознать гигантской простоты варварского плана; могучего удара молота, который расколол Бельгию и вонзился, чтобы уничтожить весь Север Франции. Они искали что-то менее слепо жестокое и более мудрое. Они не могли поверить, что немец разрушит все свое дело и возмутит моральное сознание всего мира, нарушив нейтралитет Бельгии. Они не смогли понять сущностную глупость варваров. Они были неправы.

Аэций тоже был неправ, но, возможно, с большим оправданием. Он не мог решить, где должно было произойти настоящее нападение Аттилы на Империю. Что, если вторжение в Галлию было всего лишь уловкой, а настоящей целью была Италия, а настоящим полем битвы - Ломбардия? Было и такое: в Африке Гензерихан, союзник Аттилы, выжидал и угрожал обрушиться на побережье. Аэций переоценил интеллект своего врага так же сильно, как и Жоффри. Ни один из них не понимал противостоящей ему силы, встретить и сломить которую должно было стать их делом и их славой.

Как и Жоффри, когда Аэций наконец оказался лицом к лицу с реальностью ситуации, он, должно быть, осмелился только не отчаиваться. Успехи гуннов заставили вестготов продолжать оборону в пределах своих собственных границ; они отказались от нападения. Повсюду римская медлительность обнаруживала измену среди племен, которые должны были быть их союзниками в борьбе с общим врагом. Аэцию оставалось только не отчаиваться. Он обращался к вестготам, хотя, возможно, и с большим правом, примерно так же, как мы могли бы обращаться сегодня к американцам. "Если мы потерпим поражение, вы будете следующими, кого уничтожат; в то время как, если вы поможете нам победить, вам достанется слава". Вестготы ответили так же, как это делает Америка сегодня: "Это не наше дело; разбирайтесь сами".

Они были неправы, победа Рима была так же необходима для будущего, как и наша победа сегодня.

Действительно, уже многое было достигнуто для достижения этой цели одним присутствием Аэция в Галлии. Внезапно вся страна изменилась, повсюду народы взялись за оружие, дворяне и крестьяне, городские буржуа, рабы и свободные. Из Арморики прибыла героическая рота: рипуарские и салианские франки увидели разорение римских городов в стране, которую им было разрешено оккупировать, бургунды также вернулись к своей старой верности, если они действительно когда-либо покидали ее. Наконец дипломатия Рима оказалась настолько успешной, что, когда появился даже Сангибан, Аэций притворился, что не подозревает о его измене. Великий полководец с добрым сердцем готовился к атаке, но был полон решимости сделать все возможное, чтобы мобилизовать вестготов вместе с другими своими силами. Именно с этой целью он, наконец, обратился за помощью к Авитусу, сенатору, очень известному галльскому дворянину, который жил в городе Клермон, главном городе Оверни.

У Авита мы встречаем фигуру, которая сразу же привлекает наше внимание среди всего этого сброда варваров, которыми была полна даже Галлия. В нем мы видим и убеждаемся, что римская цивилизация все еще была живым явлением на Западе, что она не была подавлена дикарями и не затерялась в тумане суеверий. Авитус действительно, кажется, внезапно вышел из эпохи великого Рима, он напоминает нам о том, каким мы привыкли видеть римского

аристократа времен Марка Аврелия или, если уж на то пошло, святого Амвросия. В нем мы видим человека, которого можем приветствовать как брата; мы должны были бы обсудить с ним упадок Империи. Богатый человек, происходивший из знатной семьи, долгое время пользовавшийся высочайшим почетом и тяжелейшей официальной ответственностью, ученый, знаток, прежде всего несколько скучающий патриот, он также был солдатом, отличавшимся личным мужеством. Уже в 439 году ему удалось заключить мирный договор Рима с вестготами, и именно к нему Аэций снова обратился в этот час огромной опасности. Он нашел его на его прекрасной, мирной и роскошной вилле в Авитакуме, у подножия гор Оверни, живущим так, как жили многие наши великие аристократы восемнадцатого века, наполовину фермером, наполовину ученым, стопроцентным эпикурейцем, полным благороднейшего потакания своим желаниям, в окружении своей семьи, сына и дочери, своих друзей, поэтов, ученых и восхитительных женщин. Его сын Экдиций был наследником как его богатства, так и его обязанностей, его дочь Папианелла вышла замуж за Сидония Аполлинария Лионского, человека, уже известного как поэт и происходящего из знатной галло-римской семьи. Именно этот человек в момент кризиса выступил от имени цивилизации при дворе вестготов — у нас не могло быть более благородного представителя.

Его миссия была полностью успешной; но время, потраченное на то, чтобы показать вестготам, в чем заключаются их интересы, дорого обошлось Орлеану. Преданный город, полностью окруженный и каждый день подвергавшийся нападениям и тучам стрел гуннов, не получая никаких известий о какой-либо помощи, был в отчаянии. Напрасно епископ Аниан ходил с процессией по улицам и даже среди войск на крепостных валах, неся реликвии своей церкви; они называли его предателем. Все еще непоколебимый в своей вере в Бога и в обещание Аэция, он ежедневно заставлял людей взбираться на последнюю высокую башню в ожидании освобождения. Никто не появлялся, не было видно никаких признаков армий Аэция. День за днем могучие дороги на юг лежали под солнцем, белые и безжизненные. Наконец, он тайком отправил гонца к Аэцию с таким сообщением: “Сын мой, если ты не придешь сегодня, будет слишком поздно”. Тот гонец так и не вернулся. Аниан сам начал сомневаться и в конце концов почти без протеста выслушал советы сдаться; более того, сам согласился вести переговоры с гуннами. Но Аттила был вне себя от затянувшегося сопротивления, он не соглашался ни на какие условия. Не оставалось ничего, кроме смерти или хуже смерти.

На следующее утро, когда неделя была полна грома, первая грубая кавалерия гуннов начала входить в город через сломанные ворота. Начались грабежи, резня и изнасилования, и, как и сегодня в Бельгии, мы читаем в определенном порядке и системе. Ничто не было пощажено - ни дома горожан, ни их святые места, ни возраст, ни пол. Казалось, что все погибнет в результате масштабного и систематического вандализма и убийств.

Внезапно крик перекрыл шум бойни и разрушения. Орлы! Орлы! И по мощному мосту, перекинутому через Луару, загремела римская кавалерия и развевались готские знамена. Они наступали; ничто не могло их остановить. Шаг за шагом они завоевывали главный мост, они сражались на берегу, в воде, через ворота. Улица за улицей, сражаясь за каждый ярд, имперские войска продвигались вперед, высоко над головой реяли сверкающие орлы. Дом за домом, переулочек за переулочком были завоеваны и заполнены мертвецами; гунны сломались и обратились в бегство, лошади растоптали свои морды в переулках, на магистралях не было движения, пададь варваров была навалена так высоко; сам Аттила был напуган. Он протрубил сигнал к отступлению.

Тем знаменитым и вечным днем было 14 июня, ибо Аэций сдержал свое слово. Орлеан положил начало освобождению Галлии и Запада.

VII

ОТСТУПЛЕНИЕ АТТИЛЫ И БИТВА НА КАТАЛАУНСКИХ РАВНИНАХ

Отступление Атиилы из Орлеана, по-видимому, было одним из самых ужасных, о которых у нас есть какие-либо записи. Готский хронист Йорнандес, пишущий через сто лет после описываемых им событий, полностью или почти полностью зависящий от готской и, следовательно, варварской легенды, казалось бы, хотя и плохо информированный относительно фактов и деталей, полностью оправдывает общее впечатление, которое он производит об ужасе и бедствии, постигших гуннское войско. Несомненно, что отвод своей армии Атиилой должен был быть не только трудным, но и невозможным без катастрофы: было совершено слишком много и слишком жестоких преступлений, чтобы разоренное население северной Галлии могло беспрепятственно отступать. Опустошенная страна больше не могла удовлетворять свои потребности, повсюду разоренные люди ждали мести: Атиила со своими тысячами, направленный к Рейну, с Аэцием и Теодорихом на флангах, мог быть немногим меньшим, чем беспорядочное бегство.

И ему не суждено было сбежать без боя. Имперские армии, наступавшие ему в тыл, ежедневно давали о себе знать, что является достаточным свидетельством его состояния, и он был действительно в отчаянии, когда добрался наконец до города Труа, расположенного более чем в ста милях от Орлеана, открытого города, который, как он надеялся, можно было успеть разграбить и таким образом до некоторой степени восстановить уверенность и положение своего народа. То, что он не смог разграбить Труа, является лучшим доказательством энергии имперских преследований, которое мы могли иметь; но здесь мы снова встречаемся с одним из тех почти невероятных проявлений духовной силы, которые мы уже видели в Тонгре, Реймсе, Париже и не в последнюю очередь в Орлеане. Должно быть, для Атиилы на его спешном и изматывающем пути на северо-восток из Галлии было почти все - иметь возможность прокормить и дать отдых своей армии в Труа, где большая дорога, по которой он пришел, пересекала Сену. То, что он не смог этого сделать, несомненно, было вызвано главным образом давлением Аэция на его фланги, но, как нам сказали, было нечто большее. Точно так же, как Аниан Орлеанский своими молитвами спас свой город, так и Люпус из Труа защищал свой город таким же образом. Он, епископ, а теперь, возможно, и губернатор Труа, отправился к Атииле, встретился с ним лицом к лицу и перехитрил его, и действительно, настолько впечатлил и даже напугал суеверного варвара, что тот оставил Труа в покое и проследовал дальше, взяв с собой в качестве пленника в своей свите только самого епископа. "Ибо, - сказал он, насмехаясь над ним даже в его страхе, - если я возьму с собой такого святого человека, как ты, мне не грозит неудача даже на Рейне".

Атиила двинулся дальше; он пересек Сену; перед ним лежал переправа через Об, и именно здесь авангард императорских армий впервые столкнулся со своей добычей. Была ночь. Атиила

оставил гепидов удерживать переправу, и именно они почувствовали на себе первые удары Аэция, авангард которого состоял из франков; битва продолжалась всю ночь, и на рассвете переправа была выиграна, и около 15 000^[12] убитых и раненых лежали на поле боя. Атила переправился в Шампань, но имперская армия уже наступала ему на пятки; ему придется сражаться. Последовавшая за этим битва, одна из самых знаменитых, поскольку она является одной из важнейших в истории Европы, чье будущее было спасено и решено именно там, казалось бы, велась по всей этой широкой и голой стране Шампани между Обом и Марной, и в конечном итоге была сосредоточена на большом земляном валу, который Шалон до сих пор называет Лагерем Аттилы; в истории она известна как битва на Каталаунских равнинах.

Вполне возможно, что битва при переправе через реку Об дала Аттиле время добраться до этого огромного земляного вала, одного из самых гигантских и впечатляющих сооружений в Европе, которое возвышается в этой затерянной и бесплодной стране Шампани как нечто, не совсем созданное человеком. Там он остановился; убедившись наконец, что ему не уйти без боя, он разбил свою армию лагерем и приготовился к сражению.

В этом ужасном и трагическом месте он держал совет и, суеверный, как всегда, в кульминационный момент своей карьеры, начал консультироваться с бесконечной вереницей прорицателей, авгуров и пророков о грядущей битве. По птичьим внутренностям, или жилам на костях овец, или предсмертным жестам какого-нибудь животного его колдуны, наконец, осмелились объявить ему о грядущем поражении, но, возможно, чтобы спасти свои головы, они добавили, что полководец его врагов погибнет в этом конфликте. Достаточным свидетельством гениальности Аэция, страха, который он внушал гуннам, и должно быть исчерпывающим ответом его врагам и клеветникам, является то, что Атила, услышав это, от отчаяния немедленно перешел к полной радости и довольству. Если, в конце концов, Аэций победил его ценой своей жизни, чего он мог лишиться, когда его великого противника больше не было! Поэтому он с веселым сердцем приготовился к битве. Джорнандес, за которым мы обязаны следовать, поскольку он является нашим главным, если не единственным авторитетом во всем этом масштабном натиске гуннов на Галлию, описывает для нас, хотя и далеко не ясно, конфигурацию и развитие сражения. Однако, следуя этому писателю, необходимо помнить, что он был готов и по большей части опирался на готические традиции; также, прежде всего, необходимо не отказываться от нашего здравого смысла, возражать ему никогда не приходилось так настойчиво.

Джорнандес сообщает нам, что Атила откладывал сражение настолько долго, насколько это было возможно, и наконец атаковал, по крайней мере, так я читал, не без страха и трепета, около трех часов дня, чтобы, если удача отвернется от него, наступление ночи могло помочь ему спастись бегством. Затем он делает набросок поля. Между двумя армиями, если я правильно понял его, была возвышенность, которая давала столько преимуществ тому, кто ее займет, что обе продвигались к ней, гунны, занявшие ее по праву, и империалисты, состоявшие из вспомогательных войск, по праву своему.

На правом крыле римлян Теодорих и его вестготы удерживали поле боя, на левом крыле Аэций и римляне; между ними, удерживающими центр, и им самим, удерживаемым Аэцием и Теодорихом, находился неуверенный в себе алан Сангибан.

Гунны были устроены иначе. В центре, окруженный своими самыми стойкими и лучшими воинами, стоял Атила, как всегда заботящийся о своей личной безопасности. Его крылья были

полностью составлены из вспомогательных войск, среди которых были остготы со своими вождями; гепиды со своим королем; и Валамир остгот; и Ардарих, король гепидов, которому Аттила доверял и любил больше всех других. Остальные, толпа королей и вождей бесчисленных рас, ждали слова Аттилы. Ибо Аттила, царь всех царей, командовал один, и только от него зависела битва.

Сражение началось, как настаивает Джорнандес, с борьбы за возвышение между двумя армиями. Преимущество, по-видимому, было на стороне вестготов под командованием Торисмунда, которые в замешательстве отбросили гуннов назад. После этого Аттила отступил и, видя, что его люди обескуражены, воспользовался моментом, чтобы обратиться к ним с речью, по словам Джорнанде, примерно следующего содержания:

“После таких побед над столькими нациями, после того, как весь мир был почти завоеван, я счел бы нелепым будить вас словами, как будто вы не умеете сражаться. Я оставляю такие средства новому генералу или тому, кто имеет дело с неопытными солдатами. Они нас недостойны. Ибо кто вы, если не солдаты, и к чему вы привыкли, если не к сражению; и что же тогда может быть для вас слаще мести, да еще выигранной вашей собственной рукой? Давайте же радостно двинемся вперед, чтобы атаковать врага, поскольку атакуют всегда самые храбрые. Разорвите этот союз наций, у которых нет ничего общего, кроме страха перед нами. Еще до того, как они встретились с вами, страх научил их искать возвышенности, и они стремятся к укреплениям на этих широких равнинах.

“Мы все знаем, как слабо римляне переносят тяжесть своего оружия; не при первой ране, а при первой пыли битвы они падают духом. Пока они строятся, прежде чем сомкнуть свои щиты в *тестудо*, атакуйте и наносите удары, наступайте на аланов и оттесняйте вестготов. Здесь мы должны стремиться к скорейшей победе. Если перерезаны нервы, члены отказывают, и тело не может поддерживать себя в вертикальном положении, когда из него вытаскивают кости. Воспряните духом и покажите свое заслуженное мужество, бросьте вас, как гунны, и докажите доблесть вашего оружия, пусть раненый не успокоится, пока не убьет своего врага, пусть тот, кто останется нетронутым, погрузится в бойню. Несомненно, что ничто не может тронуть того, кому суждено жить, в то время как он умрет даже без войны, кто наверняка умрет. И почему судьба сделала бы гуннов победителями стольких народов, если бы не готовила их к этой величайшей битве? Зачем бы ей открывать нашим предкам неизвестный до тех пор путь через Приазовские болота, если бы это не привело нас даже на это поле? Случай не обманывает меня; вот поле, на которое привела нас такая большая удача, и эта толпа, случайно собранная вместе, не посмотрит в глаза гуннам. Я сам буду первым, кто метнет свое копье во врага, и если кто-нибудь останется ленивым, когда Аттила будет сражаться, он всего лишь мертв и должен быть похоронен”.

Эти слова, говорит Джорнандес, так согрели сердца гуннов, что все они очертя голову ринулись в бой.

На самом деле мы ничего не знаем о последовавшем за этим грандиозном столкновении, результат которого спас западный мир. Это правда, что Джорнандес подробно рассказывает нам об этом, но мы не знаем, насколько это похоже на правду, откуда он это взял и насколько это было его собственным изобретением. Мы знаем, что битва была грандиозной; Джорнандес

утверждает, что ей не было аналогов и что она была такой, что, если ее не увидеть, никакое другое чудо в мире не могло бы восполнить такую потерю. Он рассказывает нам, что существовало предание о том, что ручей, протекавший по равнине, наполнился кровью и превратился в настоящий поток: “те, кто пил из него в своей жажде, пили убийство”. Согласно Йорнанду, именно у этого ручья Теодорих, король вестготов, был сброшен с коня, растоптан ногами и убит, и таким образом исполнилось пророчество, которое объявили ему колдуны Аттилы. Падение короля, по—видимому, настолько разъярило вестготов — и здесь мы должны быть осторожны с Джорнандесом, - что они вступили в более тесный бой с врагом и в своей ярости чуть не убили самого Аттилу. Действительно, именно их мощная атака отбросила его и его охрану, гуннский центр, обратно к мощному земляному валу, который перед ними казался всего лишь хрупкой преградой, настолько огромной была их ярость. Ночь опустилась на врага, окруженного и блокированного этой могучей обороной.

В ту ночь Торисмунд, сын Теодориха, пропал и снова нашелся. Аэций тоже, отделившись в ночной суматохе от своих армий, оказался, как и Торисмунд, среди повозок врага, но, как и Торисмунд, в конце концов снова нашел дорогу назад и провел остаток ночи среди готов.

Когда рассвело, какое зрелище предстало глазам союзников. Обширные равнины были усеяны умирающими, 160 000 человек пали в той стычке, и внутри этого ужасного земляного вала лежало то, что осталось от гуннов, раненых и разъяренных, пойманных в ловушку, как Альфред позже поймал Гутрума на Уилтширских холмах.

Битва обошлась империалистам достаточно дорого. И это были не все их потери. Смерть Теодориха принесла с собой еще большую тревогу и в конечном итоге стоила Аэцию его союзников-готов. Был созван военный совет. Там было решено задержать Аттилу и заморить его голодом в его земляных укреплениях. Тем временем велись поиски тела Теодориха. Спустя долгое время это было найдено, “где мертвецов лежало больше всего”, и перенесено с глаз врага, готы “подняли свои резкие голоса в диком плаче”. Следует предположить, что там был похоронен Теодорих. И вполне вероятно, что кости, мечи, золотые украшения и драгоценности, которые были найдены недалеко от деревни Пуан у реки Об в 1842 году, вполне могли быть останками Теодориха и его похоронами, поскольку битва, несомненно, бушевала на огромной территории, и несомненно, что король был похоронен вне поля зрения врага. С другой стороны, эти кости, возможно, принадлежали франкскому вождю, павшему в битве за переправу через реку Об.

Но именно в его рассказе о событиях, последовавших за погребением Теодориха, мы больше всего сомневаемся в нашем проводнике Джорнанде. Он заявляет, что Торисмунд, сын и преемник Теодориха, хотел напасть на гуннов и отомстить за смерть своего отца; но что он посоветовался с Аэцием как с главным военачальником, который, “опасаясь, что, если гунны будут уничтожены, готы смогут еще сильнее притеснять Империю, посоветовал ему вернуться в Тулузу и позаботиться о своем королевстве, чтобы его братья не захватили его. Этому совету Торисмунд последовал, не видя двуличия Аэция”. Такое объяснение измены готов, несомненно, было принято готскими традициями и особенно удобно для Джорнанда. Это невероятно, потому что любой наблюдатель мог видеть, что Аттила был не так уж сильно разбит, что он не представлял гораздо большей опасности для Империи, чем когда-либо могли представлять вестготы. Позволить ему сбежать, а именно это означал отъезд Торисмунда, было изменой не готам, а Империи. Это послужило делу не Аэция, а Торисмунда, не Рима, а готов, чья лояльность

никогда не была выше подозрений и чье медленное присоединение к делу Империи было предметом разговоров в Галлии и скандалов во всех канцеляриях.

Но Аэций не мог быть сильно удивлен дезертирством, и не меньшим, Торисмунда. Рим привык к нестабильности своих союзников-варваров, которые, если бы на них действительно можно было положиться, если бы они действительно обладали способностью принимать решения и знали, что у них есть собственный разум, больше не были бы варварами. Поражен был Атила. Он считал себя погибшим, когда, выглянув на рассвете с того темного земляного вала, увидел пустой лагерь вестготов, и при виде этого “его душа вернулась в тело”. Без малейшего колебания, каким бы сломленным он ни был, он начал отступление, которое Аэций не смог предотвратить или превратить в разгром, который он мог только обеспечить и подчеркнуть. Во время этого долгого марша к Рейну все дороги были усеяны гуннскими больными, ранеными и мертвыми, но основная армия, то, что осталось от полумиллиона человек, участвовавших в вторжении, отступила обратно в леса Германии. Галлия была спасена, а вместе с Галлией будущее Запада и цивилизации. Но Атила не был уничтожен.

СНОСКИ:

[12] Джорнандес, *Р. Получить.*, 41. По словам аббата Дюбо, “миллибус ХС”, который появляется в тексте Джорнанды, является ошибкой переписчика вместо “миллибуса XV”.

VIII

НАПАДЕНИЕ АТТИЛЫ НА ИТАЛИЮ И ОТСТУПЛЕНИЕ ИЗ НЕЕ

Может показаться трудным ответить на вопрос, действительно ли Атила был разбит в Галлии. По крайней мере, в этом можно быть уверенным: отступление из Орлеана в лагерь Шалона было для него катастрофой, а последовавшая за этим великая битва не была уничтожающей только из-за дезертирства вестготов. Атила спас то, что в результате отступления и сражения осталось от его армии, и без промедления, по необходимости двинулся дальше, чтобы доказать всей Италии, что он по-прежнему “вселенский тиран” и “бич Божий”.

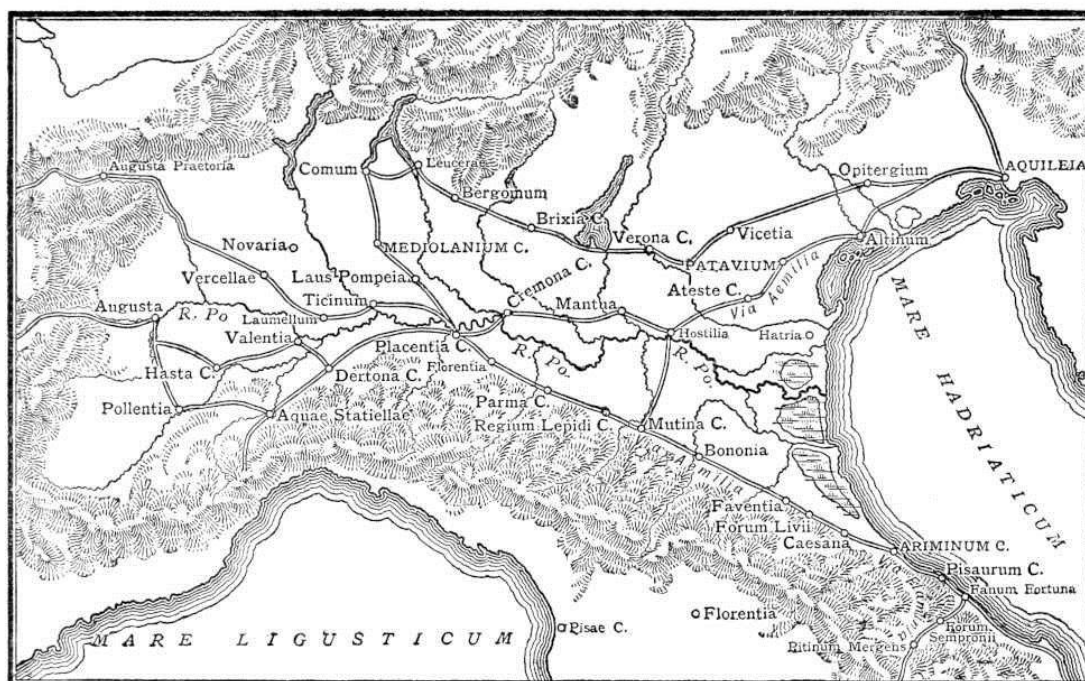
Историки упадка Империи, нашествий варваров постоянно выражали удивление, часто не без примеси презрения и насмешек, по поводу того, что Аттиле позволили сбежать. Но следует помнить, что почти неизменной чертой варварских войн является то, что захватчики все же спасались бегством; так что Аларих постоянно избегал гибели от рук Стилихона; и если вестготы таким образом смогли спастись, то насколько больше смог Атила, чьи армии в значительной степени состояли из всадников. Могло показаться, что превосходство варваров заключалось именно в этом, в мобильности; грубые и дикие люди, составлявшие их армии, были довольны и могли жить за счет страны, которую они разоряли, они не зависели, как имперские армии, от своих баз и снабжения; они всегда были стрелком на авантюру. Их успех в наши дни сравним с успехом буров в Южной Африке. Мы не виним Робертса и Китченера за то, что они позволили Де

Вету так долго ускользать от них; мы понимаем, что это было неизбежно, так и должно было быть. Римляне рассуждали иначе. Полное недовольства, прогнившее от интриг и коррупции имперское правительство, было много тех, кто из личной ненависти и честолюбия или просто из предательства обвиняли Аэция в побеге Аттилы, о котором они планировали и молились в своих сердцах. Любое оружие было достаточно хорошо, чтобы использовать его против великого полководца, который, очевидно, не терпел с радостью ни дураков, ни предателей и был таким же амбициозным, если не более способным, как Стилихон. Против него была использована любая клевета. Вспомнили, что у него были близкие отношения с Руа, дядей Аттилы, и предположили, что он намеренно пощадил гуннов.

Ко всей этой горечи многое добавляли деяния самого Аэция. Безмерно гордый, как и Стилихон, он претендовал на руку принцессы Евдоксии, дочери императора Валентиниана, для своего сына; более того, среди других его приготовлений к новому нападению Аттилы был план удаления императора в Галлию; его враги заявляли, что он сам может занять его место. Сопrotивление этому последнему проекту выросло настолько яростно, что от него пришлось отказаться. Аэций удовлетворился тем, что отправил Валентиниана в Рим, в то время как сам со своей армией удерживал Равенну и линию По.

В первой главе этой книги я кратко изложил имперскую теорию обороны Италии; более подробно эту теорию я изложил, и, думаю, впервые, в предыдущей работе.^[13] Здесь я должен очень кратко резюмировать, сказав, что долина По, вся Цизальпийская равнина между Альпами и Апеннинскими горами, согласно имперской теории, и совершенно справедливо, служила защитой Италии. Эта оборона снова была перекрыта с внутренней, или южной, стороны бесплодным и потому непроходимым хребтом Апеннин, — непроходимым, то есть, за исключением восточной оконечности, где Виа Эмилия проходила между горами и морем в город Римини. Этим узким проходом командовал и удерживал не Римини, который было невозможно оборонять, а Равенна, которую из-за своего положения в болотах нельзя было взять и которую почти не атаквали. Именно должное и мудрое признание этих фактов побудило императора Гонория поселиться в Равенне, когда Аларих пересек Альпы. С тех пор этот город был ключом к обороне Италии; он оставался таковым и сейчас, поэтому Аэций отправился туда, собирая свою армию вдоль Виа Эмилия за линией реки По, чтобы дожидаться последней авантюры Аттилы.

Потерпев неудачу в уничтожении Восточной империи, потерпев неудачу в своем нападении на западные провинции, единственное, что оставалось предпринять Аттиле, — это разрушить и изнасиловать душу всего человечества, цитадель цивилизации, Италию и Рим. Это была самая трудная задача из всех, поэтому из благоразумия, а он всегда был благоразумен, он не пробовал этого до сих пор. Это был его последний бросок. Это было обречено на провал, причем настолько позорный, что его кампании на Востоке и Западе по сравнению с ним кажутся триумфами. Подобно кайзеру Вильгельму II, то, чего Аттиле не хватало в реальной силе, он стремился восполнить богохульством и хвастовством. Он был так же плохо информирован и невежественен в отношении реальной природы и мощи противостоящих ему сил, как и немецкие государственные деятели наших дней; он преувеличивал коррупцию Империи и полагался на нее; более того, подобно кайзеру, он не видел, что будущее хмурилось против него, мрачное и огромное, как Альпы.

ЦИЗАЛЬПИНСКАЯ ГАЛЛИЯ И ЗАЩИТА ИТАЛИИ

Традиция справедливо навязывала Аэцию защиту Италии как бы за счет Цизальпинской Галлии; она настаивала на том, что Цизальпинская Галлия должна была стать ареной столкновения. Он решил удерживать линию По так же, как он удерживал линию Луары; не было необходимости сомневаться в его успехе. Уже так много варварских захватчиков нашли гибель на просторах этой великой равнины. Тем не менее Аэций перестраховался сам и Рим; он перестраховался Константинополем. На восточном троне восседал уже не Феодосий-Каллиграф, а Маркиан -солдат. К нему Валентиниан отправил послов; Маркиан выслушал их и пообещал армию. Итак, если бы Аэцию удалось завлечь Атиллу достаточно далеко, но не слишком далеко для безопасности Италии, если бы он смог удержать его на Цизальпийской равнине, Маркиан, войдя в Паннонию, успел бы вовремя отрезать ему путь к отступлению, и тогда, наконец, гунны были бы полностью уничтожены, а кости его великого войска могли бы белеть у рек Ломбардии. Во всяком случае, там мы имеем наилучшее объяснение того, что последовало за этим.

Еще до окончания зимы, зимы 451-452 годов, Атила уже двигался на юго-запад из Берберии, переправился через Дунай и, наконец, по великой римской дороге через Паннонию, пересек Юлийские Альпы, как это сделал до него Аларих, чтобы пересечь Изонцо, осадить первую крупную итальянскую крепость, а затем, возможно, за исключением Равенны, самое сильное место во всей Италии, Аквилею, столицу провинции Венеция. Стены этой могучей крепости, находившейся примерно в шестидесяти стадиях от моря, омывались реками Натисо и Туррус. Я говорю, что это было, за исключением Равенны, самое сильное место в Италии. Он был построен примерно в конце четвертого века, но гораздо дольше занимал третье место среди итальянских крепостей, уступая только Милану и Капуе. Несмотря на то, что он был расположен на равнине, он был настолько укреплен стенами и башнями, что пользовался репутацией

неприступного. И Аларих, и Радагайс обошли его стороной; ранней весной 452 года Аттила осадил его. Три месяца он трудился напрасно; никакой машиной, которой он обладал, никаким приспособлением, которым он мог командовать, никакого труда, который он мог заставить, было недостаточно, чтобы разрушить эти римские стены и вышибить ворота этой девственной крепости. Он надеялся взять его измором, но через три месяца численность его армий, их грабежи и разорение сельской местности стали говорить против него гораздо больше, чем против осажденного города. Живя в деревне, как ему и положено, он сам был готов проголодаться; к тому же на болотистых равнинах уже наступала весенняя жара, его хозяева были недовольны, они ожидали добычи в Италии, они начали вспоминать осаду Орлеана и битву при Шалоне.

Взбешенный тем, что ему отказали, взбешенный на свой народ и, возможно, больше всего на самого себя, гунн собирался уйти, как это сделал Аларих, несмотря на опасность, которая сейчас была намного больше, чем во времена готов, когда однажды вечером, как говорят, когда он угрюмо проезжал мимо стен и башен своей недоступной добычи после дневной жары, он случайно увидел аиста, готовящегося покинуть свое гнездо на одной из башен великого города и улететь со своими детенышами за город. В этом он видел уверенность в победе. На следующий день он еще раз повел своих гуннов на штурм, и с того дня ни один человек не нашел даже руин Аквилеи.^[14] Это было не поражение, это было истребление, полный грабеж и пожар. Совершенные там жестокости были настолько ужасны, что их можно сравнить только с тем, что сделали немцы в наши дни в Бельгии. История повествует о судьбе молодой и красивой женщины по имени Дугна, которая, преследуемая бандой гуннов, завернулась с головой в вуаль и бросилась со стен в Натисо.

Падение Аквилеи, истребление ее жителей и ужасы, которые были совершены, привели в ужас всю Венецию. Это была прусская доктрина “устрашения”, проводимая в жизнь с таким же безрассудством, хотя и с большим оправданием, чем то, что мы видели в действии с таким большим изумлением, яростью и отвращением здесь, на Западе, на теле нашего Крестника Бельгии. Аттила двинулся дальше; Альтинум и Конкордию постигла та же участь; они тоже исчезли со страниц истории; Падуя и Модена были разорены и сожжены. Виченца, Верона, Брешиа, Бергамо, Милан и Павия открыли свои ворота, они были, но испорчены, их жители обменяли смерть на рабство. В ту долгую ночь те, кто мог спастись, бежали прочь, несомненно, спрашивая Бога, куда им идти. Бог привел их к лагунам.

О том, что Аттила думал, что он уже победил, когда смотрел на его руины, как это делал кайзер Вильгельм, когда его “сердце обливалось кровью за Лувен” (действительно, кровь из камня!), свидетельствует инцидент, дважды зафиксированный Суйдасом. Кажется, что в Милане среди настенных украшений дворца была одна, изображающая двух римских императоров, восседающих на тронах и облаченных в пурпур, с некими варварами, гуннами или скифами, распростертыми ниц и просящими пощады у их ног. Это произведение Аттила приказал стереть и вместо него нарисовать то, на котором он сам восседает на троне, в то время как перед ним два римских императора высыплют золото из больших мешков, которые они несли на своих спинах. Остроумная, хотя и грубая шутка; к тому же бесполезная, поскольку вдоль реки По все еще реяли орлы Аэция, а над Альпами уже разнесся слух об армиях Византии.

И действительно, в сердце Аттилы было больше страха, чем надежды, страха перед богами этой странной и прекрасной страны, которую он разорил, перед богами болот и жары, которые уже

опустошали его армии лихорадкой, перед теми богами Петром и Павлом, которых он уже научился бояться в Галлии и чей Город, самый древний и священный в мире, он готов был разорить и разграбить; страха перед его собственными армиями, теперь отягощенными добычей и богатствами, стремящимися домой и уже находящимися на грани гибели. голод в стране, которую они сделали совершенно бесплодной; возможно, больше всего он боялся своей собственной судьбы. “Что, - спросил он себя, - если я одержу победу, как Аларих, только для того, чтобы умереть, как он?”

Несомненно, что само название Рима все еще внушало варварам ужас. Они боялись ее имени. Тем не менее гордость Атиллы и его честолюбие победили его страх перед своей армией, перед своей судьбой, перед именем Рима. Он был полон решимости идти дальше и с этим намерением приказал своим войскам сосредоточиться из Падуи, Виченцы, Вероны, Брешии, Бергамо, Милана и Павии на Мантую, откуда он предполагал переправиться через По, вероятно, у Враждебии, и таким образом спуститься по Виа Эмилия в Болонье.

Этот шаг, похоже, глубоко встревожил Рим. Враги Аэция были близки к императору, и их влияния на правительство было достаточно, чтобы вызвать глубокое беспокойство по поводу стратегии великого полководца. Они помнили Алариха; они помнили Радагайса; они помнили судьбу Орлеана и бегство после битвы при Шалоне, но больше всего они шептались об Аквилее, Алтине и Конкордии, которых больше не было. В состоянии паники они не обратили внимания на Аэция, они забыли об армии Маркиана, которая уже была в движении, они отвергли всю стратегию своего полководца, а вместе с ней и свои собственные традиции. Они решили отправить особое и беспрецедентное посольство к Атилле, чтобы предложить цену за безопасность Италии. Послом, которого они выбрали, был папа Римский.

Возможно, этот удивительный поступок не должен нас удивлять, поскольку мы так часто видели подобное в Галлии. Деяния Аниана Орлеанского, Люпуса Труа должны были подготовить нас к величайшему деянию Святого Льва Великого. Того, что они этого не сделали, достаточно, чтобы доказать нам, что мы не смогли понять время. Более того, это великое посольство было не первым, которое Лев предпринял от имени Императорского двора. Во время понтификата Сикста III (432-40), когда Лев был римским диаконом, Валентиниан III отправил его в Галлию, чтобы уладить спор и добиться примирения между Аэцием, их главным военачальником в этой провинции, и Альбином, главным магистратом. Сикст III умер 19 августа 440 года, когда Лев находился в Галлии, и посол был выбран его преемником.

Великий папа отправился в эту свою последнюю великую миссию не один, с ним были два прославленных вельможи, консул Геннадий Авиен, который после императора был величайшим вельможей на Западе, и префект Тригетий. Они отправились из Рима по Виа Фламиния и встретились с Атилой, как и намеревались, перед тем, как он пересек По, на Минчо близ Мантуи — в месте, называемом *Campus Ambuleius*. Именно там состоялась одна из самых серьезных и известных конференций, которые когда-либо проводились в Европе.

Все послы были в официальных одеждах, Лев носил папское облачение, золотую митру, пурпурную ризу с паллиумом. Именно он расправился с Атилой, каким образом, мы не знаем, но с полным успехом. В конце концов, не армии Аэция спасли Италию, а вместе с Италией и все, что стоило иметь в мире, но старый и безоружный человек, Лев, наш папа, ибо над ним в небе гунн увидел, как он заявил, могучие фигуры Святых Петра и Павла; его глаза заблестели, он склонил голову. Уступив, он согласился отступить и эвакуировать Италию и Империю. Это как

если бы новый глава и поборник цивилизации, христианского мира, объявил себя. Это был папа римский.

Условия заключенного тогда договора, несомненно, были достаточно постыдными для старых римских представлений, поскольку они, несомненно, включали ежегодную дань гуннам, с которых, более того, не было взыскано никакой компенсации за разорение Транспаданы. Но великий факт ситуации, созданной Львом, затмил все это; Италия, душа Запада, была спасена. Если, как мы имеем право предположить, Аэций не принимал прямого участия в этом достижении, то и он, и Марциан, вероятно, были косвенно ответственны за это и на самом деле имели к этому гораздо большее отношение, чем Лев. Были ли тогда римские армии ничем, или византийская угроза коммуникациям Атилы была всего лишь сном?

Это не так. Атила отступил, потому что, как и любой другой варвар, он “не мог поступить иначе”, и даже в этом случае он не осмеливался вернуться через Юлийские Альпы, поскольку Маркиан уже был в Мезии, готовый встретить его и наказать. Вместо этого он отступил к разрушенной им Вероне, перешел там Альпы и, разграбив Аугсбург, погиб, как это оказалось навсегда, в бурях севера и темноте своего Берберия.

СНОСКИ:

[13] Смотрите мой “Равеннский этюд” (Дент), 1912.

[14] Итак, Джорнандес, утверждающий, что Аквилея была полностью разрушена, “ита ут викс эюс вестигия ут кажущийся реликварий”.

IX ВОЗВРАЩЕНИЕ АТИЛЫ ДОМОЙ

Таково было возвращение, таково было поражение Атилы. Он надеялся удержать мир в своих руках; он вернулся в последний раз за Дунай, его желание не осуществилось, его надежды умерли. Сначала он нанес удар по Востоку и, возможно, разрушил его, но ему не удалось взять Константинополь. Он нанес удар по Галлии и превратил ее города в руины, но он не уничтожил армии Аэция. Он возжелал Рим ради своей добычи и своей гордости, но Лев повернул его вспять еще до того, как он пересек реку По. Каждая атака заканчивалась долгим отступлением; если он разорил сотню имперских городов, то в конце концов добился своего. Он вернулся к своему деревянному частоколу в самом сердце Венгрии со всеми своими несбывшимися надеждами, со всеми разрушенными достижениями, разоренным человеком.

То, что он не осознавал своей неудачи, означает лишь подчеркивание того факта, что он был варваром. Для него, несомненно, разрушение и добыча, разорение и награбленное казалось концом войны, он даже в этот свой последний час не начал понимать, что такое Империя. И поэтому, если мы спросим себя, чего на самом деле достигла огромная энергия гуннского

натиска в первой половине пятого века, мы вынуждены будем ответить: ничего; ничего, то есть сознательно и непосредственно. Бессознательно и косвенно, однако, неугомонная жестокость Руа и Атилы привела к осуществлению этих двух великих и даже фундаментальных событий; она стала причиной перехода Британии в состав Англии и основала республики лагун, которые должны были сделать Венецию Королевой Адриатики.

Обо всем этом, как о своей неудаче, так и об этих странных достижениях, Атила ничего не знал. Он вернулся домой, как победитель, в свой деревянный дворец, в разгар большого пира, приготовленного для него, и был встречен так, как, по описанию Приска, его встречали раньше, когда он возвращался с разоренного Востока и не смог добраться до Константинополя. Он сделал Запад своим данником; он был нагружен золотом и добычей северной Италии. Для него этого было достаточно, и поэтому он с радостью приготовился жениться еще на одной жене, добавить еще одну к своим наложницам; не ту Гонорию, которая стала бы знаком его победы, а скорее добычу, чем приз, жалкую в своей юности и беспомощной красоте Ильдикю, или, как называют ее немецкие легенды, Хильдегрудю, возможно, франкскую или бургундскую принцессу.

Говорят, мы не знаем, насколько это верно, что во время того долгого и последнего отступления, когда он переправлялся через реку Лех у Аугсбурга, пожилая женщина с развевающимися волосами, ведьма или колдунья, трижды крикнула ему, когда он проходил мимо: “Ретро Атила!” Это часть легенды, которая составляет столь значительную часть его истории.

В ночь своей последней оргии, или свадьбы, он пировал и напивался сверх своего обычного, и был полон вина и сна, когда искал постель прекрасной и неохотной Ильдикю, последней из его жертв и его добычи. Что происходило в этой жестокой брачной комнате, мы никогда не узнаем. Утром царила полная тишина, и когда его слуги наконец ворвались в комнату, они нашли Атилу мертвым в море крови, неизвестно, был ли он убит своей жертвой или его сразил апоплексический удар. Говорят, Ильдикю было за что отомстить — за убийство своих родителей и братьев, а также за собственную честь.

Из этой ужасной, характерной комнаты гунны вынесли тело своего Царя, распевая свои заунывные грубые песни, чтобы похоронить его в тайном месте, подготовленном рабами, которые были должным образом убиты по завершении своей работы. Джорнандес сохранил или изобрел для нас великую погребальную панихиду, которая сопровождала последний варварский обряд. Он прославлял победы Атилы над Скифией и Германией, которые так покорно несли его иго, и над двумя императорами, которые платили ему дань.

Он не оставил никаких воспоминаний, кроме своего ужаса, запечатленного в огне и дыму горящих городов, и той традиции “устрашения”, к которой кайзер Вильгельм II впервые обратился к своим войскам при их отправлении в Китай и которую он практикует на теле Европы по сей день. Ибо после его смерти обширная и варварская гегемония Атилы распалась на куски. Огромные восстания разрушили его в Сандере, и по прошествии многих лет само воспоминание об этом было забыто.

“Армия осталась без короля:

Своей головы раса лишилась.

Каждая ярость преисподней

Пытали и расчленили его.

Вот, в тихий час,

Когда спадет сильный мороз,

Дунай с криком силы

Освобождает свои заточенные приливы:

Широко раскинулись испуганные равнины

Встряхнись, услышав, как звенят его разорванные цепи,

Страшнее небес в гневе,

Когда он прокладывает себе путь:

Высокий прыжок, лед трескается, возвышаясь грудой

Льдины к айсбергам и гигантским пирам

Бороться на дрейфующем острове;

Остров во льду-возвышается остров;

Распад сражается быстро:

Вырисовываются большие бессмысленные Титаны,

Сквозь туман общей гибели

Борьба, которая умрет последней:

До мягко дышащего утра

Гонит поток от берега к берегу,

Итак, Империя построена на презрении

Мучился, растворился и затонул”.

ИСТОЧНИКИ

AMMIANI MARCELLINI RERUM GESTARUM LIBER XXXI

II. 1. Totius autem sementem exitii et cladum originem diversarum, quas Martius furor incendio solito miscendo cuncta concivit, hanc comperimus causam. Hunnorum gens, monumentis veteribus leviter nota, ultra paludes Maeoticas glaciale oceanum accolens, omnem modum feritatis excedit. 2. Ubi quoniam ab ipsis nascendi primitiis infantum ferro sulcantur altius genae, ut pilorum vigor tempestivus emergens corrugatis cicatricibus hebetetur senescunt imberbes absque ulla venustate, spadonibus similes: compactis omnes firmisque membris, et opimis cervicibus: prodigosae formae et pandi, ut bipedes existimes bestias, vel quales in commarginandis pontibus effigati stipites dolantur incompte. 3. In hominum autem figura licet insuavi ita visi sunt asperi, ut neque igni, neque saporatis indigeant cibis, sed radicibus herbarum agrestium et semicruda cuiusvis pecoris carne vescantur, quam inter femora sua et equorum terga subsertam, fotu calefaciunt brevi. 4. Aedificiis nullis umquam tecti: sed haec velut ab usu communi discreta sepulchra declinant. Nec enim apud eos vel arundine fastigatum reperiri tugurium potest. Sed vagi montes peragrantes et silvas, pruinas, famem, sitimque perferre ab incunabulis adsuescunt. Peregre tecta nisi adigente maxima necessitate non subeunt; nec enim apud eos securos existimant esse sub tectis. 5. Indumentis operiuntur linteis, vel ex pellibus silvestrium murium consarcinatis: nec alia illis domestica vestis est, alia forensis. Sed semel obsoleti coloris tunica collo inserta non ante deponitur aut mutatur, quam diuturna carie in pannulos defluxerit defrustata. 6. Galeris incurvis capita tegunt: hirsuta crura coriis munientes haedinis: eorumque calcei formulis nullis aptati, vetant incedere gressibus liberis. Qua causa ad pedestres parum accommodati sunt pugnas: verum equis prope adfixi, duris quidem, sed deformibus, et muliebriter iisdem nonnumquam insidentes, funguntur muneribus consuetis. Ex ipsis quivis in hac natione pernox et perdius emit et vendit, cibumque sumit et potum, et inclinatus cervici angustae iumenti, in altum soporem adusque varietatem effunditur somniorum. 7. Et deliberatione super rebus proposita seriis, hoc habitu omnes in commune consultant. Aguntur autem nulla severitate regali, sed tumultuario optimatum ductu contenti, perrumpunt, quidquid inciderit. 8. Et pugnant nonnumquam lacessiti, sed ineuntes proelia cuneatim variis vocibus sonantibus torvum. Utque ad pernecitatem sunt leves et repentini; ita subito de industria dispersi vigescunt, et incompressa acie cum caede vasta discurrent: nec invadentes vallum, nec castra inimica pilantes prae nimia rapiditate cernuntur. 9. Eoque omnium acerrimos facile dixeris bellatores, quod procul missilibus telis, acutis ossibus pro spiculorum acumine arte mira coagmentatis, sed distinctis: cominus ferro sine sui respectu confligunt, hostesque, dum mucronum noxias observant, contortis laciniis illigant, ut laqueatis resistentium membris equitandi vel gradiendi adimant facultatem. 10. Nemo apud eos arat, nec stivam aliquando contingit. Omnes enim sine sedibus fixis, abseque lare vel lege, aut ritu stabili dispalantur, semper fugientium similes: cum carpentis, in quibus habitant: ubi coniuges taetra illis vestimenta contexunt, et coerunt cum maritis, et pariunt, eo adusque pubertatem nutriunt pueros. Nullusque apud eos interrogatus, respondere, unde oritur, potest, alibi conceptus, natusque procul, et longius educatus. 11. Per indutias infidi, inconstantes, ad omnem auram incidentis spei novae perquam mobiles, totum furori incitatissimo tribuentes. Inconsultorum animalium ritu, quid honestum inhonestumve sit, penitus ignorantes: flexiloqui et obscuri, nullus religionis vel superstitionis reverentia aliquando districti: auri cupidine immensa flagrant: adeo permutabiles, et irasci faciles, ut eodem aliquoties die a sociis nullo irritante saepe desciscant, itidemque propitientur nemine leniente. 12. Hoc expeditum indomitumque hominum genus, externa praedandi aviditate flagrans immani, per rapinas finitimorum grassatum et caedes, adusque Alanos pervenit, veteres Massagetarum: qui unde sint, vel quas incolant terras (quoniam huc res prolapsa est) consentaneum est

demonstrare, geographica perplexitate monstrata, quae diu multa luda..., et varia, tandem reperit veritatis interna ...* ...* ad.... 13. Hister advenarum magnitudine fluenti Sauromatas praetermeat adusque amnem Tanaim pertinentes, qui Asiam terminat ab Europa. Hoc transito, in immensum extensas Scythiae solitudines Alani inhabitant, ex montium adpellatione cognominati, paullatimque nationes conterminas crebritate victoriarum attritas ad gentilitatem sui vocabuli traxerunt ut Persae. 14. Inter hos Neuri mediterranea incolunt loca, vicini verticibus celsis, quos praeruptos geluque torpentes aquilones adstringunt. Post quos Budini sunt, et Geloni perquam feri, qui detractis peremptorum hostium cutibus indumenta sibi, equisque termina conficiunt, bellatrix gens. Gelonis Agathyrsi collimitant, interstincti colore caeruleo corpora simul et crines: et humiles quidem minutis atque raris, nobiles vero latis, fucatis et densioribus notis. 15. Post hos Melanchlaenas et Anthropophagos palari accepimus per diversa, humanis corporibus victitantes: quibus ob haec alimenta nefanda desertis, finitimi omnes longa petiere terrarum. Ideoque plaga omnis Orienti aestivo obiecta, usque dum venit ad Seras, inhabitabilis mansit. 16. Parte alia prope Amazonum sedes Alani sunt Orienti acclines, diffusi per populosas gentes et amplas, Asiaticos vergentes in tractus, quas dilatari adusque Gangen accepi fluvium, intersecantem terras Indorum, mareque inundantem australe.

17. Ibi partiti per utramque mundi plagam Alani (quorum gentes varias nunc recensere non refert) licet dirempti spatiis longis, per pagos, ut Nomades, vagantur immensos: aevi tamen progressu ad unum concessere vocabulum, et summatim omnes Alani cognominantur mores et media et efferatam vivendi, sed iam immaturam. 18. Nec enim ulla sunt illisce tuguria, aut versandi vomeris cura, sed carne et copia victitant lactis, plaustis supersidentes, quae operimentis curvatis corticum per solitudines conferunt sine fine distentas. Cumque ad graminea venerint, in orbiculatam figuram locatis sarracis ferino ritu vescuntur: absumptisque pabulis, velut carpentis civitates impositas vehunt, maresque supra cum feminis coeunt, et nascuntur in his et educantur infantes: et habitacula sunt haec illis perpetua; et quocumque ierint, illic genuinum existimant larem. 19. Armenta prae se agentes cum gregibus pascunt: maximeque equini pecoris est eis sollicitior cura. Ibi campi semper herbescunt, intersitis pomiferis locis: atque ideo transeuntes quolibet, nec alimentis nec pabulis indigent: quod efficit humectum solum et crebri fluminum praetermeantium cursus. 20. Omnis igitur aetas et sexus imbellis circa vehicula ipsa versatur, muniisque distringitur mollibus: iuventus vero equitandi usu a prima pueritia coalescens, incedere pedibus existimat vile: et omnes multiplici disciplina prudentes sunt bellatores. Unde etiam Persae, qui sunt originitus Scythae, pugnandi sunt peritissimi.

21. Proceri autem Alani paene sunt omnes et pulchri, crinibus mediocriter flavis, oculorum temperata torvitate terribiles, et armorum levitate veloces, Hunnisque per omnia suppare, verum victu mitiores et cultu: latrocinando et venando adusque Maeotica stagna et Cimmerium Bosporon, itidemque Armenios discurrentes et Mediam. 22. Utque hominibus quietis et placidis otium est voluptabile; ita illos pericula iuvant et bella. Iudicatur ibi beatus, qui in proelio profuderit animam: senescentes enim et fortuitis mortibus mundo digressos, ut degeneres et ignavos conviciis atrocibus insectantur: nec quidquam est, quod elatius iactent, quam homine quolibet occiso; proque exuviis gloriosis, interfectorum avulsis capitibus detractas pelles pro phaleris iumentis accommodant bellatoriis. 23. Nec templum apud eos visitur, aut delubrum, ne tugurium quidem culmo tectum cerni usquam potest: sed gladius barbarico ritu humi figitur nudus, eumque ut Martem, regionum, quas circumcircant, praesulem verecundius colunt. 24. Futura miro praesagiunt modo: nam rectiores virgas vimineas colligentes, easque cum incantamentis quibusdam secretis praestituto tempore discernentes, aperte, quid protendatur, norunt. 25. Servitus quid sic ignorabant, omnes generoso

semine procreati: iudicesque etiam nunc eligunt, diuturno bellandi usu spectatos. Sed ad reliqua textus propositi revertamur.

II

EX HISTORIA BYZANTINA PRISCI RHETORIS ET SOPHISTAE

Excerpta de Legationibus Gentium ad Romanos.

(Niebuhr. Bonn. 1829.)

1. Scythae, quo tempore mercatus Scytharum et Romanorum frequenti multitudine celebrabatur, Romanos cum exercitu sunt adorti, et multos occiderunt. Romani ad Scythas miserunt, qui de praesidii expugnatione et foederum contemptu cum eis expostularent. Hi vero se non ultro bellum inferentes, sed factas iniurias ulciscentes, haec fecisse responderunt. Margi enim episcopum in suos fines transgressum, fiscum regium et reconditos thesauros indagatum expilasse. Hunc nisi dederent una cum transfugis, ut foederibus convenerit, (esse enim apud eos plures,) bellum illaturos. Quae cum Romani vera esse negarent, barbari vero in eorum, quae dicebant, fide perstarent, iudicium quidem de his, quae in contentione posita erant, subire minime voluerunt, sed ad bellum conversi sunt. Itaque transmisso Istro, oppidis et castellis ad ripam sitis plurima damna intulerunt, et inter cetera Viminacium, quae Moesorum urbs est in Illyrico, ceperunt. His gestis, cum multi in sermonibus dictitarent, episcopum dedi oportere, ne unius hominis causa universa Romanorum respublica belli periculum sustineret: ille se deditum iri suspicatus, clam omnibus civitatem incolentibus ad hostes effugit, et urbem traditurum, si sibi Scytharum reges liberalitate sua consulerent, pollicitus est. Ad ea cum beneficium omni ratione se repensuros promitterent, si rem ad exitum perduceret, datis dextris et dictis iureiurando utrinque praestito firmatis, ille cum magna barbarorum multitudine in fines Romanorum est reversus. Eam multitudinem cum ex adverso ripae in insidiis collocasset, nocte dato signo exsiliit, et urbem in manus hostium traduxit. Et ab eo tempore barbarorum res in diem auctiores melioresque fuerunt.

2. Sub Theodosio Iunioris Imperatore Attilas Hunnorum rex delectum ex suis habuit, et litteras ad Imperatorem scripsit de transfugis et de tributis, ut, quaecumque occasione huius belli reddita non essent, quam citissime ad se mitterentur, de tributis autem in posterum pendendis legati secum acturi ad se venirent: nam si cunctarentur aut bellum pararent, ne se ipsum quidem Scytharum multitudinem diutius contenturum. His litteris lectis, Imperator nequaquam Scythas, qui ad se confugissent, traditurum dixit, sed una cum illis in animo sibi esse, belli eventum expectare. Ceterum se legatos missurum qui controversias dirimerent. Ea sicuti Romani decreverant, ubi Attilas rescivit, ira commotus Romanorum fines vastavit, et castellis quibusdam dirutis, in Ratiariam urbem magnam et populi multitudine abundantem irruptionem fecit.

3. Post pugnam in Chersoneso commissam Romani cum Hunnis pacem per Anatolium legatum fecerunt, et in has condiciones convenerunt: profugos Hunnis reddi, sex millia auri librarum pro praeteritis stipendiis solvi; duo millia et centum in posterum singulis annis tributum nomine pendi. Pro unoquoque captivo Romano, qui in Romanorum fines, non soluto redemptionis pretio, evasisset, duodecim aureorum mulctam inferri. Quae si non solveretur, qui captivum recepisset, restituere teneri. Romanos neminem ex barbaris ad se confugientem admittere. In has quidem foederum leges

Romani sponte consensisse videri volebant: sed necessitate coacti, superante metu, qui Romanorum ducum mentes occupaverat, quantumvis duras et iniquas condiciones sibi impositas summo pacis consequendae studio ducti lubentibus animis susceperunt, et gravissimum tributum pendere non recusabant, quamquam opes imperii et regii thesauri non ad necessarios usus, sed in absurda spectacula, in vanos honorum ambitus, in immodicas voluptates et largitiones consumptae fuerant, quales nemo sanae mentis vel in maxime affluentibus divitiarum copiis sustineret, nedum Romani isti, qui rei militaris studium adeo neglexerant, ut non solum Scythis, sed et reliquis barbaris, qui proximas imperii Romani regiones incolebant, vectigales facti essent. Itaque tributa et pecunias, quas ad Hunnos deferri oportebat, Imperator omnes conferre coegit: nulla etiam eorum immunitatis habita ratione, qui terrae onere, tanquam nimis gravi ad tempus, sive Imperatorum benignitate, seu iudicum sententia, levati erant. Conferebant etiam aurum indictum qui in Senatum ascripti erant, ultra quam facultates ferre poterant, et multis splendida et illustris fortuna vitae commutationem attulit. Conficiebantur enim pecunias, quae unicuique imperatae erant, cum acerbitate et contumelia ab iis, quibus huius rei cura ab Imperatore erat demandata. Ex quo, qui a maioribus acceptas divitias possidebant, ornamenta uxorum et pretiosam suam supellectilem in foro venum exponebant. Ab hoc bello tam atrox et acerba calamitas Romanos excepit, ut multi aut abstinencia cibi, aut aptato collo laqueo vitam finierint. Tunc igitur, parvo temporis momento exhaustis thesauris, aurum et exules (nam Scotta, qui susciperet, advenerat,) ad Scythas missi sunt. Romani vero multos ex profugis, qui dedi reluctabantur, trucidarunt, inter quos aliqui fuerunt e regis Scythis, qui militare sub Attila renuerant et Romanis se adiunxerant. Praeter has pacis condiciones Attilas Asimuntiis quoque imperavit, ut captivos, quos penes se habebant, sive Romanos, sive barbaros, redderent. Est autem Asimus oppidum validum, non multum ab Illyrico distans, quod parti Thraciae adiacet, cuius incolae gravibus damnis hostes affecerunt. Non illi quidem se murorum ambitu tuebantur, sed extra propugnacula certamina sustinebant contra infinitam Scytharum multitudinem et duces magni apud eos nominis et existimationis. Itaque Hunni omnia spe ab oppugnando oppido destiterunt. Illi autem vagantes et a suis longius aberrantes, si quando hostes exisse et praedas ex Romanis egisse, exploratores denuntiabant, inopinantes aggressi parta ab eis spolia sibi vindicabant, numero quidem inferiores adversariis, sed robore et virtute praestantes. Itaque Asimuntii plurimos ex Scythis in hoc bello necaverunt, et multos Romanorum in libertatem asseruerunt, et hostium transfugas receperunt. Quamobrem Attilas, se exercitum non ante moturum, aut foederis condiciones ratas habiturum professus est, quam Romani, qui ad Asimuntios pervenissent, redderentur, aut pro his multa conventa solveretur, et liberarentur abducti in servitutem barbari. Quum, quae contra ea dissereret, non haberet Anatolius legatus, neque Theodulus, praesidiariorum Thraciae militum dux, (nihil enim rationibus suis barbarum movebant, qui recenti victoria elatus, promte ad arma ferebatur, ipsi contra propter recens acceptam cladem animis ceciderant,) Asimuntiis per litteras significarunt, ut Romanos captivos, qui ad se perfugissent, restituerent, aut pro unoquoque captivo duodecim aureos penderent, et Hunnos captivos liberarent. Quibus litteris lectis, Romanos, qui ad se confugissent, liberos se abire sivisse, Scythas vero, quotquot in suas manus venissent, trucidasse responderunt. Duos autem captivos retinere, propterea quod hostes, obsidione omnia, in insidiis collocati, nonnullos pueros, qui ante munitiones greges pascebant, rapuissent, quos nisi reciperent, captivos iure belli sibi acquisitos, minime restituros. Haec renuntiarunt qui ad Asimuntios missi fuerant. Quibus auditis, Scytharum regi et Romanis principibus placuit exquiri pueros, quos Asimuntii raptos esse querebantur. Sed nemine reperto, barbari ab Asimuntiis capti sunt dimissi, prius tamen fide a Scythis accepta, non esse apud ipsos pueros. Iuraverunt etiam Asimuntii, se Romanos, qui ad se effugissent, libertate donasse, quamvis adhuc multos in sua potestate haberent. Nec enim sibi perierasse videbantur, modo suos a barbarorum servitute salvos et incolumes praestarent.

4. Pace facta, Attilas rursus legatos ad Romanos Orientales mittit, qui transfugas repeterent. At illi legatos plurimis donis ornatos, cum nullos perfugas apud se esse asseverassent, dimiserunt. Misit et iterum Attilas alios, quibus non minus amplis muneribus ditatis, tertia ab eo, post illam itidem quarta legatio advenit. Ille enim Romanorum liberalitatem, qua utebantur, veriti, ne a foederibus barbari discederent, ludibrio habens, novas subinde causas fingebat, et vanas occasiones legatorum mittendorum excogitabat, et ad suos necessarios, quos liberalitate ornare volebat, eas legationes deferebat. Romani vero in omnibus rebus Attilae dicto audientes erant, et quae praecipiebat, domini iussa ducebant. Non solum enim a bello contra eum suscipiendo eorum rationes abhorrebant, sed et Parthos, qui bellum apparabant, et Vandalos, qui maritimas oras vexabant, et Isauros, qui praedis et rapinis grassabantur, et Saracenos, qui regiones ad Orientem excursionibus vastabant, metuebant. Praeterea gentes Aethiopum in armis erant. Itaque Romani animis fracti Attilam colebant, sed ceteris gentibus resistere conabantur, dum exercitus comparabant, et duces sortiebantur.

5. Edecon, vir Scythia, qui maximas res in bello gesserat, venit iterum legatus cum Oreste. Hic genere Romanus Paeoniam regionem, ad Saum flumen sitam, incolebat, quae ex foedere inito cum Aetio, Romanorum Occidentalium duce, barbaro parebat. Itaque Edecon in palatium admissus, Imperatori litteras Attilae tradidit, in quibus de transfugis non redditis querabatur, qui nisi redderentur, et Romani a colenda terra abstinerent, quam bello captam suae ditioni adiecerat, ad arma se iturum minabatur. Ea vero secundum Istrum a Paeonibus ad Novas usque in Thracia sitas in longitudinem extendebatur. Latitudo autem erat quinque dierum itinere. Neque vero forum celebrari, ut olim, ad ripam Istri volebat, sed in Naisso, quam urbem a se captam et dirutam quinque dierum itinere expedito homini ab Istro distantem, Scytharum et Romanorum ditionis limitem constituebat. Legatos quoque ad se venire iussit controversa disceptaturos, non ex quolibet hominum genere et ordine, sed ex consularibus illustriores, quos si mittere intermiserint, se ipsum ad eos arcessendos in Sardicam descensurum. His litteris lectis, digresso ab Imperatore Edecone, cum Bigila, qui ea, quae Attilas verbis Imperatori denuntiari voluit, interpretatus erat, cum reliquis quoque domos obiret, ut in conspectum Chrysaphii spatharii Imperat. veniret, qui plurimum auctoritate et gratia apud Imperatorem valebat, admirabatur barbarus regiarum domuum magnificentiam. Bigilas autem, simulatque barbarus in colloquium venit cum Chrysaphio, interpretans retulit, quantopere laudasset Imperatorias aedes, et Romanos beatos duceret propter affluentes divitiarum copias. Tum Edeconi Chrysaphius dixit, fore eum huiusmodi domuum, quae aureis tectis praefulgerent, compotem et opibus abundaturum, si, relicta Scythia, ad Romanos se conferret. "Sed alterius domini servum, Edecon ait, nefas est eo invito tantum facinus in se admittere." Quaesivit ex eo eunuchus, an facilis illi ad Attilam pateret aditus, et num qua potestate apud Scythas esset. Ille sibi necessitudinem intercedere cum Attila, respondit, et decretam sibi cum nonnullis aliis Scythiae primoribus eius custodiam. Nam per vices unumquemque eorum praescriptis diebus cum armis circa Attilam excubias agere. Tum eunuchus, si fide interposita se obstringeret, inquit, se maximorum bonorum illi auctorem futurum. Cui rei tractandae otio opus esse. Hoc vero sibi fore, si ad coenam rediret sine Oreste et reliquis legationis comitibus. Facturum se pollicitus barbarus coenae tempore ad eunuchum perguit. Tum per Bigilam interpretem datis dextris et iureiurando utrimque praestito, ab eunuchus, se de rebus, quae Edeconi minime damno, sed fructui et commodo essent, verba facturum, ab Edecone, se, quae sibi crederentur, non enuntiaturum, etiamsi exsequi nollet. Tunc eunuchus Edeconi dixit, si in Scythiam rediens Attilam sustulerit, et Romanorum partibus accesserit, vitam in magnis opibus beate traducturum. Eunuchus Edecon assensus est. Ad hanc rem peragendam opus esse pecuniis, non quidem multis, sed quinquaginta auri libris, quas militibus, quibus praeesset, qui

sibi ad rem impigre exsequendam adiumento essent, divideret. Cum eunuchus, nulla mora interposita, dare vellet, dixit barbarus, se prius ad renuntiandam legationem dimitti oportere, et una secum Bigilam, qui Attilae de transfugis responsum acciperet; per eum enim se illi, qua ratione aurum sibi mitteret, indicaturum. Etenim Attilam se, simulatque redierit, percunctaturum, ut reliquos omnes, quae munera sibi et quantae pecuniae a Romanis dono datae sint. Neque id celare per collegas et comites licitum fore. Visus est eunucho barbarus recta sentire, et eius est amplexus sententiam. Itaque eo a coena dimisso, ad Imperatorem consilium initum detulit, qui Martialium, magistri officiorum munere fungentem, ad se venire iussum docuit conventionem cum barbaro factam: id enim illi credi et committi iure magistratus, quem gerebat, necesse fuit. Nam omnium Imperatoris consiliorum magister est particeps, sub cuius cura sunt tabellarii, interpretes et milites, qui palatii custodiae deputati sunt. Imperatore autem et Martialio de tota re consultantibus placuit, non solum Bigilam, sed et Maximinum legatum mittere ad Attilam.

6. Bigila insidiarum in Attilam manifeste convicto, Attilas, ablatis ab eo centum auri libris, quas a Chrysaphio acceperat, extemplo Orestem et Eslam Constantinopolim misit, iussitque Orestem, crumena, in quam Bigilas aurum, quod Edeconi daretur, coniecerat, collo imposita, in conspectum Imperatoris venire atque eunuchum interrogare, num hanc crumenam nosset; deinde Eslam haec verba proferre, Theodosium quidem clari patris et nobilis esse filium, Attilam quoque nobilis parentis esse stirpem, et patrem eius Mundiuchum acceptam a patre nobilitatem integram conservasse. Sed Theodosium tradita a patre nobilitate excidisse, quod tributum sibi pendendo suus servus esset factus. Non igitur iustam rem facere eum, qui praestantiori et ei, quem fortuna dominum ipsi dederit, tanquam servus improbus clandestinas paret. Neque se prius criminari illum eo nomine destitutum, quam eunuchus ad supplicium sit traditus. Atque hi quidem cum his mandatis Constantinopolim pervenerunt. Eodem quoque tempore accidit, ut Chrysaphius a Zenone ad poenam deposceretur. Maximinus enim renuntiaverat, Attilam dicere, decere Imperatorem promissis stare, et Constantio uxorem, quam promiserit, dare, hanc enim, invito Imperatore, nemini fas fuisse desponderi: aut enim eum, qui contra ausus fuisset, poenas daturum fuisse, aut eo Imperatoris res deductas esse, ut ne servos quidem suos coercere posset, contra quos, si vellet, se auxilium ferre paratum. Sed Theodosius, iracundiam suam palam fecit, cum bona puellae in publicum redegit.

7. Cum primum Attilae nuntiatum est, Martianum post Theodosii mortem ad imperium pervenisse, et quae Honoriae accidissent, ad eum, qui in Occidente rerum potiebatur, misit, qui contenderent, Honoriam nihil se indignum admisisse, quam matrimonio suo destinasset; seque illi auxilium laturum, nisi summa quoque imperii ei deferretur. Misit et ad Romanos Orientales tributorum constitutorum gratia. Sed re infecta legati utrimque sunt reversi. Etenim qui Occidentis imperio praeerat, respondit, Honoriam illi nubere non posse, quod iam alii nupsisset. Neque imperium Honoriae deberi. Virorum enim, non mulierum, Romanum imperium esse. Qui in Oriente imperabat, se minime ratam habere tributi illationem, quam Theodosius consensisset: quiescenti munera largiturum; bellum minanti viros et arma obiecturum ipsius opibus non inferiora. Itaque Attilas in varias distrahebatur sententias, et illi in dubio haerebat animus, quos primum aggrediretur. Tandem melius visum est ad periculosius bellum prius sese convertere, et in Occidentem exercitum educere. Illic enim sibi rem fore non solum cum Italis, sed etiam cum Gothis et Francis: cum Italis, ut Honoriam cum ingentibus divitiis secum abduceret: cum Gothis, ut Genserichi gratiam promereretur.

8. Et Francos quidem bello lacesse illi causa fuit regum ipsorum obitus et de regno inter liberos controversia, quum maior natu Attilam auxilio vocasset, Aëtium minor, quem Romae vidimus legationem obeuntem, nondum lanugine efflorescente, flava coma, et capillis propter densitatem et

magnitudinem super humeros effusis. Hunc etiam Aëtius filii loco adoptaverat, et plurimis donis ornatum ad Imperatorem, ut amicitiam et societatem cum eo faceret, miserat. Quamobrem Attilas antequam in eam expeditionem ingrederetur, rursus legatos in Italiam misit, qui Honoriam poscerent: eam enim secum matrimonium pepigisse: cuius rei ut fidem faceret, anulum ab ea ad se missum per legatos, quibus tradiderat, exhiberi mandavit. Etiam dimidiam imperii partem sibi Valentinianum debere, quum ad Honoriam iure paternum regnum pertineret, quo iniusta fratris cupiditate privata esset. Sed quum Romani Occidentales in prima sententia persisterent et Attilae mandata reiicerent, ipse toto exercitu convocato maiore vi bellum paravit.

9. Attilas, vastata Italia, ad sua se retulit, et Romanorum Imperatoribus in Oriente bellum et populationem denuntiavit, propterea quod tributum sibi a Theodosio constitutum non solveretur.

EX HISTORIA GOTHICA PRISCI RHETORIS ET SOPHISTAE

Excerpta de Legationibus Romanorum ad Gentes.

(Niebuhr. Bonn. 1829.)

1. Cum Rua, Hunnorum rex, statuisset cum Amalsuris, Itimaribus, Tonosuribus, Boiscis ceterisque gentibus, quae Istrum accolunt, quod ad armorum societatem cum Romanis iungendam confugissent, bello decertare, Eslam componendis Romanorum et Hunnorum controversiis adhiberi solitum misit, qui Romanis denuntiaret, se a foedere, quod sibi cum illis esset, recessurum, nisi omnes Scythas, qui ad eos se contulissent, redderent. Romanis vero consilium de mittendis ad Hunnos legatis capientibus, Plinthas et Dionysius, hic ex Thracia, ille ex Scythia oriundus, ambo exercituum duces, et qui consulatus dignitatem apud Romanos gesserant, hanc legationem obire voluerunt. Ut vero visum est non ante legatos proficisci, quam Eslas ad Ruam rediisset, Plinthas una cum Esla misit Singulachum, unum ex suis necessariis, qui Ruam persuaderet cum nullo alio Romanorum, quam cum ipso, colloquium inire. Cum autem, Rua mortuo, Hunnorum regnum ad Attilam pervenisset, Senatus decrevit Plintham legationem ad Attilam exsequi. Quo S.C. Imperatoris suffragio comprobato, Plintham cupido incessit, Epigenem, qui sapientiae laude celebris erat et quaesturae dignitatem obtinebat, socium legationis sibi adsciscere. Qua de re lato quoque suffragio ambo in eam legationem profecti sunt, et Margum pervenerunt. Est autem Margus urbs in Illyrico Mysorum ad Istrum sita, ex adverso Constantiae arcis, ad alteram fluminis ripam collocatae, quo et regii Scythae convenerant. Extra civitatem equis insidentes utrique congressi sunt. Nec enim barbaris de plano verba facere placuit, et legati Romani suae dignitatis memores eodem quoque apparatu in Scytharum conspectum venire statuerunt, ne sibi peditibus cum equitibus disserendum foret. Itaque placuit, profugos omnes, etiam qui multo ante profugerant, una cum captivis Romanis, qui non soluto redemptionis pretio ad sua redierant, dedi: aut pro unoquoque captivo Romano his, qui eum bello ceperant, octo aureos dari, Romanos belli societatem cum barbara gente, quae bellum cum Hunnis gerat, non facere. Conventus ad mercatus paribus legibus celebrari, et in tuto Romanos e Hunnos esse. Foedera rata manere et observari, si quoque anno septingentae auri librae tributum nomine Scythiae regiis a Romanis penderentur, cum antea tributum annuum non fuisset nisi trecentarum quinquaginta librarum. His conditionibus pacem Romani et Hunni pepigerunt, qua iureiurando patrio ritu utrimque praestito firmata, utrique ad sua redierunt. Itaque qui ex barbaris ad Romanos transierant redditi sunt, de quorum numero erant filii Mama et Attacam ex regio genere, quos Scythae receptos in Carso,

Thraciae castello, crucis supplicio affecerunt, et hanc ab his fugae poenam exegerunt. Pace cum Romanis facta, Attilas et Bleda ad subigendas gentes Scythicas profecti sunt, et contra Sorosgos bellum moverunt.

2. Theodosius misit Senatorem, virum consularem, ad Attilam legationem obiturum. Et ille quidem quamvis legati nomen adeptus esset, minime tamen est ausus terrestri itinere Hunnos adire: sed iter per Pontum Euxinum instituit, et in Odessenorum civitatem navigavit, in qua Theodulus dux commorabatur.

3. Chrysaphius eunuchus suasit Edeconi Attilam de medio tollere. Super ea re, habito ab Imperatore Theodosio cum Martialio magistro consilio, decreverunt non solum Bigilam, sed et Maximinum legatum ad Attilam ire, et Bigilam quidem specie interpretis, quo munere fungebatur, quae Edeconi viderentur, exsecuturum, Maximinum vero, qui minime eorum, quae in consilio Imperatoris agitata erant, conscius esset, litteras ab eo Attilae redditurum. Scripserat enim Imperator legatorum causa, Bigilam interpretis munus obiturum, et Maximinum legatum mitti, qui quidem Bigilam dignitate superaret, et genere illustris et sibi valde familiaris esset. Ad haec minime decere Attilam foedera transgredientem Romanorum regionem invadere. Et antea quidem ad eum plures, nunc vero decem et septem transfugas mittere. Nec enim plures apud se esse. Et haec quidem litteris continebantur. Coram autem Maximinum suis verbis iusserat Attilae dicere, ne postula et maioris dignitatis viros ad se legatos transire. Hoc enim neque ipsius maioribus datum esse, neque ceteris Scythiae regibus, sed quemlibet militem aut alium nuntium legationis munus obiisse. Ceterum ad ea, quae inter ipsos in dubietate versabantur, diiudicanda sibi videri, Onegesium mitti debere. Qui enim fieri posset, ut in Serdicam, quae diruta esset, Attilas cum viro consulari conveniret? In hac legatione Maximinus precibus mihi persuasit, ut illi comes essem. Atque ita cum barbaris iter facere coepimus, et in Serdicam pervenimus trium et decem dierum itinere expedito homini a Constantinopoli distantem. Ibi commorantes ad cibum nobiscum sumendum Edecona et ceteros barbaros invitandos duximus. Bobus igitur et ovibus, quas incolae nobis suppeditaverant, iugulatis, instructo convivio epulati sumus. Inter epulas barbari Attilam, nos Imperatorem admirari et extollere. Ad quae Bigilas dixit, minime iustum esse, deum cum homine comparare, hominem Attilam, deum Theodosium vocans. Id aegre tulerunt Hunni, et sensim ira accensi exasperabantur. Nos vero alio sermonem detorquere, et eorum iram blandis verbis lenire. A coena ut surreximus, Maximinus Edeconem et Orestem donis conciliaturus, sericis vestibus et gemmis Indicis donavit. Orestes deinde praestolatus Edeconis discessum verba faciens cum Maximino, sibi quidem, ait, illum probum et prudentem videri, qui non ut alii ministri regii peccasset. Etenim nonnulli, spreto Oreste, Edeconem ad coenam invitaverant et donis coluerant. Nos autem harum omnium rerum ignari, quo pertinerent Orestis verba, non satis percipientes, cum ex eo sciscitaremur, quomodo et qua in re despectui esset habitus et Edecon honore affectus, nihil respondit, et discessit. Postridie cum iter faceremus, Bigilae, quae Orestes dixerat, retulimus. Ille vero ait, Orestem non debere iniquo animo ferre, si eadem, quae Edecon, minime esset consecutus. Orestem enim comitem et scribam Attilae, Edeconem vero bello clarissimum, ut in gente Hunnorum, longe illum dignitate antecellere. Quae cum loqueretur, patrio sermone Edeconem affatus, non multo post nobis confirmavit, seu vera proferret, seu fingeret, se Edeconi ea, quae prius illi dixeramus, exposuisse, et aegre iram eius ob dicta Orestis lenivisse. Venimus Naissum, quae ab hostibus fuerat eversa et solo aequata: itaque eam desertam hominibus offendimus, praeterquam quod in ruderibus sacrarum aedium erant quidam aegroti. Paulo longius a flumine ad vacua lota divertentes (omnia enim circa ripam erant plena ossibus eorum, qui bello

cecidérant), postridie ad Agintheum, copiarum in Illyrico ducem, qui non longe a Naisso habitabat, accessimus, ut, traditis Imperatoris mandatis, reciperemus ab eo quinque transfugas, qui septemdecim numerum, de quibus ad Attilam scripserat, explerent. Hominem igitur convenimus, et quinque profugos Hunnos tradere praecepimus, quos verbis consolatus, nobiscum dimisit. Nocte transacta, a montibus Naissi Istrum versus pergentes, in angustam convallem per obliquos flexus et circuitus multos deferimur. Hic cum in ea opinione essemus, ut in occasum iter tendere existimaremus, simulataque illuxit, sol exoriens sese ex adverso oculis nostris obiecit. Itaque qui loci situm ignorabant, exclamare, tanquam sol contrarium solito cursum conficeret, et abhorrentia a constituto rerum ordine designaret: sed propter loci inaequalitatem via ea parte ad Orientem spectat. Ex illo difficili et arduo loco ad plana et uliginosa devenimus. Hic nos barbari portitores in scaphis unico ligno constantibus, quas arboribus sectis et cavatis adornant, exceperunt, et flumen transmiserunt. Et lembi quidem minime ad nos traducendos, sed ad multitudinem barbarorum traiciendam erant praeparati, quae nobis in via occurreret, quia Attilas ad venationem in Romanorum fines transgredi volebat. Revera autem bellum contra Romanos paravit, cuius gerendi occasionem sumebat, quod transfugae non redderentur. Transmisso Istro, septuaginta fere stadiorum iter cum barbaris emensi in campo quodam subsistere coacti sumus, tantisper dum Edecon Attilam nostri adventus certiolem faceret, manentibus interea nobiscum ex barbaris, qui nos erant deducturi. Circa vesperam nobis coenantibus, auditus est strepitus equorum ad nos venientium. Et duo viri Scythae advenerunt, qui nos ad Attilam venire iusserunt. Nobis vero prius eos ad coenam accedere rogantibus, de equis descendentes una convivium inierunt, et postridie viam praeceuntes demonstrarunt. Qua die hora fere nona ad Attilae tentoria pervenimus: nam erant ei plurima. Et cum in colle quodam tentoria figere vellemus, obvii barbari prohibuerunt, quoniam Attilae tentorium esset in planitie positum. Quamobrem ad barbarorum arbitrium locum tentorii collocandi cepimus. Huc Edecon, Orestes, Scotta et alii ex Scythia primores mox advenerunt, et ex nobis quaesierunt, quarum rerum consequendarum gratia hanc legationem suscepissemus. Nos vero invicem intueri, et tam ineptam percunctationem admirari. Illi nihilominus perseverare, et nobis, ut responderemus, instabant. At quum soli Attilae, non aliis Imperatorem mandata exponere iussisse respondissemus, Scotta offensus, hoc sibi a suo duce praeceptum esse dixit, neque sua sponte se ad nos venisse. Nos vero obtestari, nusquam hanc legem legatis impositam, ut per alios mandata edant et palam faciant, antequam eos, ad quos missi sint, adierint, et in conspectum eorum venerint. Neque hoc Scythas nescire, qui saepenumero legatos ad Imperatorem miserint. Idem et nobis contingere par esse, neque aliter nos mandata esse dicturos. Quibus auditis ad Attilam perrexerunt, unde non multo post sine Edecone reversi, omnia, quae cum illis agere in mandatis habebamus, dixerunt, confestimque, nisi quid aliud nobis cum illis rei esset, discedere iusserunt. Quae ubi audivimus, animis dubii suspensique haesimus. Nec enim satis intelligere poteramus, qua ratione occulta Imperatoris consilia patefacta essent. Quamobrem potius esse duximus, nihil quicquam de mandatis nostris efferre, priusquam nobis Attilam adeundi potestas fieret: itaque respondimus: “Sive ea, quae Scythae modo protulerunt, sive alia nuntiaturi venerimus, neminem nisi ducem vestrum quaerere decet, neque de his cum aliis ullo pacto disserere constituimus.” Ille vero nos quam primum abire iusserunt. Dum reditum parabamus, Bigilas nos propter responsionem Scythia factam increpavit. Longe enim potius fuisse in mendacio deprehendi, quam re infecta domum reverti. “Si enim, inquit, cum Attila collocutus fuisset, facile illi a contentione cum Romanis discedere persuasissem, quippe qui antea familiaritatem cum illo in legatione cum Anatolio suscepta contraxi.” Atque inde Edeconem quoque bene sibi velle dixit, ideoque specie legationis et eorum, quae vere aut falso dicturi essent, ope viam se inventuros esse speravit, qua compositas in Attilam insidias exsequerentur, et aurum, quo Edecon sibi ad eam rem opus esse eunucho dixerat, adferretur, quod certis hominibus divideretur. Sed

Bigilam latebat, se proditum: Edecon enim, sive simulate cum Eunuchis pactus, sive ut ab Oreste sibi caveret, ne ob eam causam, quam in Serdica inter coenandum nobis indicaverat, iratus ad Attilam deferret, quod sine se secretos sermones cum Imperatore et eunuchis habuisset, Attilae comparatam in ipsum coniurationem aperuit, et auri summam, quam in eam rem mitti convenerat, simul et ea, quae per nos in ista legatione tractanda erant, enuntiavit. Iumentis iam adornatis et necessitate ad iter tempore noctis carpendum adacti, occurrere ex barbaris, qui dicerent, Attilam iubere nos propter tempus noctis intempestivum remanere. In eundem igitur locum, unde proficiscebamur, praesto fuere, qui bovem agebant et pisces fluviatiles nobis ab Attila missos adferebant. Coenati nos dormitum contulimus. Luce orta in spem adducebamur, Attilam se ad lenitatem daturum, et aliquod mite responsum ad nos ab ipso emanaturum. Ille vero denuo eosdem misit, iussitque abire, si nihil aliud negotii, nisi quod iam omnibus cognitum erat, nobis cum illo intercederet. Nullo dato responso ad iter nos accinximus, etsi Bigilas omni ope contenderet, ut responderemus nos alia dicenda habere. Ego vero cum Maximinum moerore confici viderem, assumpto Rusticio, qui barbarorum linguae peritus erat, et nobiscum in Scythiam venerat non legationis, sed privatae rei causa, ad Constantium ex Italia oriundum, quem ad Attilam Aëtius, Occidentalium Romanorum dux, ut illi ab epistolis esset, miserat, Scottam adii, (nec enim aderat Onegesius,) et cum illo per Rusticium interpretem collocutus, eum plurima dona a Maximino laturum dixi, si illi aditus ad Attilam copiam faceret. Legatum enim venire de rebus, quae non solum Romanis et Hunnis maximam essent utilitatem allaturae, sed etiam ipsi Onegasio. Imperatorem enim poscere, illum ad se legatum ab Attila mitti, qui diiudicaret controversias inter utramque gentem, unde nonnisi ingentibus donis cumulatus esset rediturus. Oportere igitur illum, cum Onegesius non adsit, in tam praeclara actione nos aut potius fratrem ipsum adiuvare. Et ipsi quoque Attilam plurimum fidere dixi me accepisse. Sed non satis firma esse audita, nisi re ipsa notum faceret quantum illi Attila tribueret. Atque ille: “Ne amplius, inquit, dubii sitis. Aequae ac frater apud Attilam valeo auctoritate, seu verbis, seu facto opus est.” Et ascenso equo, ad Attilae tentorium contendit. Ego vero ad Maximinum rediens, qui una cum Bigila angebatur animo, et incertus erat quid constituendum esset, narraui sermones, quos habueram cum Scotta, et quae ab ipso audieram. Atque adeo illum excitavi ad praeparanda munera, quibus Scottam remuneraretur, et praemeditandum, quibus verbis Attilam affaretur. Surrexerunt igitur (offenderam enim illos in solo herbido iacentes), et operam a me egregie navatam laudarunt, et eos, qui se iam cum iumentis itineri accinxerant, revocarunt. Tum etiam qua oratione Attilam aggredierentur, et quo modo dona Imperatoris, et quae Maximinus ipse adferebat, traderent, inter se agitarunt. Dum in harum rerum cura versabamur, Attilas nos per Scottam arcessivit: itaque ad eius tentorium iter direximus, quod barbarorum multitudine, qui in orbem excubias agebant, erat circumdatum. Introducti Attilam sedentem in sella lignea invenimus. Stetimus paulo remotius ab eius solio: mox processit Maximinus et salutavit barbarum. Et Imperatoris litteras tradens dixit, salvum et incolumem illum suosque precari Imperatorem. Et barbarus, “Sit et Romanis quemadmodum et mihi cupiunt,” inquit. Statimque ad Bigilam convertit orationem, feram impudentem vocans, quaerebat, qua re impulsus ad ipsum venisset, cum sibi eorum, quae et ipse et Anatolius de pace sensissent, conscius esset: non enim prius ad se legatos accedere debuisset, quam omnes profugi, qui apud Romanos exstarent, redditi essent. Bigila vero respondente, nullum amplius apud Romanos reperiri transfugam Scythici generis; omnes enim redditos esse; magis exasperatus Attilas, in eum multa probra et convitia ingessit. Et cum clamore dixit, se illum in crucem acturum et praedam vulturibus praebiturum fuisse, nisi leges legationis hac impudentis eius orationis et temeritatis poena offendere vereretur. Etenim restare adhuc apud Romanos plures transfugas, quorum nomina, ut erant in charta descripta, iussit scribas recitare. Hi ubi omnia legerant, Attilas Bigilam una cum Esla sine mora proficisci iussit Romanis denuntiandum, ut omnes transfugas Scythicae nationis, quotquot in eorum potestate essent,

redderent, a tempore Carpilionis, filii Aëtii, Romanorum Occidentalium ducis, qui obses apud eum fuerat. Non enim se servos suos secum manus conserere passurum esse, quamquam ne iis quidem, qui suae ditionis custodiam illis promiserint, prodesse possint. Quae enim urbs, quod castellum ab illis possit defendi, quod evertere aut diruere apud se constitutum habuerit? Postquam exposuerint a se de transfugis decreta, redire eos quamprimum iussit renuntiatum, utrum transfugas reddere, an bellum eo nomine malint suscipere. Non multo ante Maximinum paulum expectare iusserat, dum ad ea, quae Imperator scripserat, per se responsum daret, munera petiit. Quae postquam dedimus, in tentorium nostrum nos recepimus, et de singulis, quae dicta fuerant, inter nos disseruimus. Cum autem Bigilas admiraretur, qui fieret, ut Attilas, qui sibi iampridem, cum legatus ad illum veniret, comis et perhumanus visus esset, tunc se acerbis contumeliis affecisset, dixi, vereri me, ne qui ex barbaris, qui in Serdica nobiscum epulati erant, Attilam infensum nobis reddidissent, et Bigilam Romanorum Imperatorem deum, Attilam vero hominem appellasse, retulissent. Quam orationem Maximinus ut verisimilem est amplexus, quia coniurationis in Attilam ab eunucho initae particeps non fuerat. Sed Bigilas ambiguus animi erat, neque causam suspicari posse videbatur, quare Attilas eum tam acerbis convitiis insectatus esset. Nec enim in animum suum inducere poterat, ut nobis postea retulit, enuntiata fuisse, quae in convivio in Serdica dicta fuerant, nec coniurationem in Attilam detectam, cum nemo ex omni multitudine, quae Attilam circumstabat, excepto Edecone, prae metu, qui omnium mentes pervaserat, cum Attila sermonem instituere auderet, Edeconem autem studiose operam daturum censeret, omnia silentio transigere, tum propter iusiurandum, tum propter negotii gravitatem: ne, quia clandestinis in Attilam consiliis interfuerat, reus iudicatus, poena mortis afficeretur. Haec cum ambigua mente volveremus, Edecon supervenit, et abducto a nostro coetu Bigila (fingebat enim velle vere et serio de praemeditatis inter eos insidiis agere), ubi aurum adferri praecepit, quod his daretur, qui exsequendo facinori operam navaturi essent, discessit. Ego vero cum Bigilam curiosius inquirerem, quos sermones secum Edecon habuisset, decipere conatus est, deceptus et ipse, et veram causam occultans commentus est sibi Edeconem dixisse, Attilam illi quoque propter transfugas succensuisse. Oportuisse enim aut omnes restitui, aut legatos summa auctoritate praeditos ad illum venire. Haec dum loquebamur, advenere ab Attila, qui Bigilam et nos prohiberent, captivum Romanum, aut barbarum mancipium, aut equos, aut quicquam aliud emere, praeterquam quae ad victum necessaria erant, donec inter Romanos et Hunnos de rebus controversis convenisset. Haec callide et praemeditato consilio barbarus faciebat, quo facilius Bigilam in consilio contra se exsequendo deprehenderat, cum nullam satis idoneam causam comminisci posset, cur aurum adferret. Nos quoque praetenta causa responsi, quod ad legationem editurus erat, Onegesium opperire coëgit, ut munera, quae ad eum Imperator miserat, et tradere volebamus, acciperet. Etenim tum forte Onesius una cum seniore ex Attilae liberis ad Acatziros missus fuerat. Ea gens est Scythica, quae in potestatem Attilae hac de causa venit. In eam gentem plures secundum populos et gentes imperium exercebant, quos Imperator Theodosius, firmata inter eos concordia, ab Attilae societate ad colendam cum Romanis pacem et societatem muneribus traducere conatus est. Qui ea munera attulerat non pro cuiusque gentis regis merito et gradu ea distribuerat. Caridachus enim secundo loco acceperat, qui regum antiquior, primus accipere debuerat. Ille, tanquam contemptus et sibi debitis praemiis frustratus, Attilam contra ceteros reges auxilio vocaverat. Является nihil cunctatus, magno exercitu emisso eorum alios sustulit, alios ad deditionem compulit. Deinde Caridachum ad se vocat, tanquam illi victoriam, et quae ex victoria consecutus fuerat, impertiturus. Sed iste dolum et insidiis suspicatus, difficile et grave esse homini respondit, in dei conspectum venire. Si enim immotis oculis solis orbem intueri nemo potest, quomodo quis sine sensu doloris cum deorum maximo congrediatur? Atque ita Caridachus regnum suaeque omnia salva sibi et integra conservavit, et reliqua omnis Acatzirorum regio in ius ditionemque Attilae concessit. Ei genti cum

seniorem ex filiis regem Attilas constituere decrevisset, ad hanc rem conficiendam Onegesium miserat. Itaque nos exspectare, ut dictum est, iubens, Bigilam cum Esia ad Romanos amandavit, specie quidem transfugarum repetendorum, sed revera, ut aurum Edeconi promissum adferret.

Post Bigilae discessum unum tantum diem in his locis commorati, postridie una cum Attila ad loca magis ad septentrionem vergentia profecti sumus. Haud longum viae spatium cum barbaris progressi, alio iter vertimus, Scythias, qui viam ducebant, nos id facere iubentibus. Attilas interea in quodam vico substitit, in quo filiam Escam uxorem, etsi plures alias haberet. Scytharum legibus id permittentibus, ducere voluit. Illinc facili et aequali via, per planitiem iter fecimus, et in multos fluvios navigabiles incidimus. Quorum post Istrum maximi sunt Drecon dictus, et Tigas, et Tiphisas. Et hos quidem naviculis unico ligno confectis, quas in quotidiano usu habent qui ad flumina habitant, relinquos lembis ex propinquo desumptis, quos barbari curribus imponunt, et per loca restagnantia important, traiecimus. Congerebantur vero nobis ex vicis commeatus, pro frumento milium, pro vino medus; sic enim locorum incolae vocant. Servi quoque, qui nos comitabantur, milium secum portabant, potionem ex hordeo praebentes, quam camum barbari appellant. Longavia confecta, die ad noctem inclinante, ad paludem quandam, ad quam aquatum (erat enim eius aqua potui apta) proximi vici incolae ibant, tentoria fiximus. Ingens ventus et procella derepente exorta cum tonitru et crebris fulguribus et multo imbre tentorium nostrum disiecit, et omnia nostra utensilia in proximam paludem volvit. Turbinibus in aëre excitatis, et casu, qui contigerat, perterrefacti, locum illum deseruimus, et dissociati, huc illuc palantes, viam unusquisque nostrum, quam sibi commodam duxit, sub tenebris et imbribus est persecutus. Tandem tuguria vici subeuntes, (illuc enim divisis itineribus omnes diverteramus,) convenimus, et ea, quae nobis deerant, cum clamore perquisivimus. Ad quem strepitum Scythae exilientes calamos, quibus ad ignem utuntur, usserunt: et accenso lumine, interrogarunt, quid nobis vellemus, qui tantos clamores ederemus. Barbari, qui nos comitabantur, responderunt, nos tempestate percussos turbari. Itaque nos liberaliter invitatos hospitio exceperunt, et calamis siccis ignem accenderunt. Vici domina una ex Bledae uxoribus erat. Haec nobis cibaria et mulieres formosas, cum quibus amori indulgeremus (hoc enim apud Scythas honori ducitur,) suppeditavit. Mulieribus pro cibis praebitis gratias egimus, et sub tectis nostris somnum capientes, ab earum consuetudine abstinuimus. Simul atque illuxit, ad ea, quae ex nostra suppellectile desiderabantur, perquirenda curam convertimus. Haec partim in eo loco, ubi pridie consederamus, partim in ripa paludis, partim in ipsa palude reperta recepimus. In his desiccandis totum diem in illo vico (tempestas enim desierat, et clarus sol apparebat,) contrivimus. Deinde curatis equis et reliquis iumentis, reginam salutatum ivimus. Hanc vicissim donis remunerati sumus tribus pateris argenteis, velleribus rubris, pipere Indico, palmulis et variis cupediis, quae omnia a barbaris, ut ignota, magni aestimantur. Nec multo post omnia fausta feliciaque illis hospitalitatis ergo precati, discessimus. Septem dierum itinere emenso, Scythae, qui nos ducebant, in quodam vico nos consistere iusserunt, quia post Attilam, qui hac via proficisceretur, iter nobis faciendum esset. Hic obvios habuimus legatos a Romanis occidentalibus, etiam ad Attilam missos. Erant autem praecipui Romulus Comitatus dignitate decoratus et Primus, Noricae regionis praefectus, et Romanus, militaris ordinis ductor. His aderat Constantius, quem Aëtius ad Attilam, ut illi in conscribendis epistolis deserviret, miserat, et Tatullus, Orestis eius, qui cum Edecone erat, pater, non legationis causa, sed privati officii et familiaritatis ergo. Constantio enim in Italiis agenti magnus cum illis usus intercesserat: Tatullum affinitas movebat. Orestes enim, eius filius, Romuli filiam e Patavione, Norici civitate, uxorem duxerat. Legati autem veniebant, ut Attilam lenirent, qui sibi Sylvanum, Armii mensae Romae praefectum, tradi postulabat, propterea quod pateras aureas a Constantio quodam acceperat. Hic Constantius, ex Galliis Occidentalibus ortus, ad Attilam et Bledam, ut illis in conscribendis epistolis operam daret,

quemadmodum et post illum alter Constantius, missus fuerat. Ille vero, quo tempore Sirmium oppidum, in Paeonia situm, Scythae obsidebant, aurea vasa a civitatis episcopo acceperat, ut ex eorum pretio, si se superstiti urbem capi contigisset, quoad satis esset, pro sua libertate solveretur: sin periisset, cives in servitutem abducti redimerentur. Sed Constantius post urbis excidium de pacto illo parum sollicitus. Romam cuiusdam negotii causa profectus, vasa ad Sylvanum detulit, et aurum ab eo accepit, conventique, ut, si intra tempus praefinitum aurum mutuo sumtum redderet, vasa reciperet: ni fecisset, Sylvanus vasa sibi haberet et his pro arbitrio uteretur. Hunc Constantium Attilas et Bleda, cum illis prodicionis nomine suspectus esset, in crucem egerunt. Ex quo, ut de poculis aureis iudicium ad Attilam est delatum, sibi tradi Sylvanum, tanquam furem eorum, quae sua essent, flagitavit. Legati igitur ab Aëtio et Romanorum occidentalium Imperatore venerant, qui decerent, Sylvanum Constantii creditorem vasa aurea pro credito oppignerata, non furto ablata, penes se habuisse, quae sacerdotibus, qui primi se obtulissent, nummis argenteis permutasset. Nec enim fas esse hominibus pocula Deo consecrata propriis usibus applicare. Itaque nisi tam iusta causa aut divini numinis reverentia a petendis poculis dimoveatur, retento Sylvano, aurum se pro pateris praebiturum. Hominem enim, qui nihil deliquerit, minime se dediturum esse. Haec erat igitur horum virorum legationis causa, qui barbarum sequebantur, ut responsum ferrent, et dimitterentur. Cum vero nobis eadem via eundem esset, qua Attilas incedebat, parumper morati, dum praecederet, non multo post secuti, cum reliqua multitudo, traiectionis quibusdam amnibus, ad quendam magnum vicum pervenimus. Hic erant Attilae aedes, quae reliquis omnibus ubicumque locorum praestantiores esse ferebantur. Erant hae ex lignis et tabulis eximie politis exstructae et ambitu ligneo circumdatae, non ad munimentum, sed ad ornatum comparato. Proxima regiae erat Onegesii domus, et ipsa quoque ambitu ligneo constans, non tamen aequae, ac Attilae, turribus insignis. Haud longo intervallo a circuitu domus distabat balneum, quod Onegesius, qui secundum Attilam plurimum apud Scythas opibus valebat, lapidibus ex Paeonia advectis aedificaverat. Nec enim apud eos, qui in ea parte Scythae habitant, ullus est aut lapis, aut arbor, sed materia aliunde advecta utuntur. Huius autem balnei architectus, e Sirmio captivus abductus, mercedem operis sui libertatem se consecuturum sperans, falsus sua spe, cum nihil minus cogitaret, in longe duriores apud Scythas incidit servitutem. Balneatorem enim cum Onegesius instituit, ut sibi totique suae familiae, cum lavarentur, operas praestaret. In hunc vicum adventanti Attilae puellae obviam prodierunt, quae per series incedebant, sub linteis tenuibus et candidis, quam maxime in longitudinem extensis, ita ut sub unoquoque linteio, manibus mulierum ab utraque parte in altum sublato, septem puellae aut etiam plures progredientes, (erant autem multi huiusmodi mulierum sub illis linteis ordines,) Scythica carmina canerent. Iam proxime Onegesii domum accesserat, (per ipsam enim via ducebat ad regiam,) cum foras prosiliret Onegesii uxor, magna ancillarum comitata multitudo, quae opsonia et vinum ferebant, qui maximus est apud Scythas honos. Haec Attilam salutavit rogavitque, ut ex cibis desumeret, quos cum summa testificatione suae erga illum voluntatis attulerat. Itaque uxori hominis sibi necessarii gratificaturus, comedit, equo insidens, barbaris, qui in eius comitatu erant, suspensam tabulam (erat autem argentea) attollentibus. Deinde degustato calice, qui illi fuerat oblatus, in regiam se recepit. Erat autem illa reliquis conspectior et in altiori loco sita. Nos vero in aedibus Onegesii (sic ille praeceperat; redierat enim cum Attilae filio;) remansimus. Illic coenam sumpsimus, excipiente nos eius uxore comitata illustrioribus, qui eum genere contingebant. Illi enim animum nobiscum convivio exhilarare per otium minime licuit; quia quae gesserat in negotio, ad quod missus fuerat, et adversum, qui filio Attilae contigerat, casum (dextram enim delapsus fregerat) renuntiaturus, tum primum a reditu in Attilae conspectum venerat. Post coenam, aedibus Onegesii relictis, propius Attilae aedes tentoria posuimus, ut Maximinus, quem Attilam convenire, et cum his, qui ei a consiliis erant, colloquia facere oportebat, minime longo ab Attila distaret intervallo. Illic igitur, quo primum devertimus, noctem

transegimus. Luce orta misit me Maximinus ad Onegesium, ut illi tum quae ipse dabat, tum ab Imperatore missa munera traderem et ut ipse cognosceret, an illi secum et quo tempore colloquium inire luberet. Perrexī igitur ad Onegesium cum famulis, qui dona portabant: quum ianuae clausae essent, expectavi, donec aperirentur, et aliquis exiret, qui eum mei adventus certiore faceret.

Itaque tempus mihi terenti et circa murorum ambitum domus Onegēsii ambulanti, progressus nescio quis, quem barbarum ex Scythico vestitu esse rebar, Graeca voce me salutavit dicens “χαῖρε.” Mirari ego, qui fieret, ut Graece loqueretur vir Scythia: etenim ex variis gentibus commixti, barbaricam linguam colunt, sive Hunnorum, sive Gothorum, aut etiam Romanam, hi scilicet, quibus cum Romanis frequentius est commercium. Neque quisquam eorum facile loquitur Graece, nisi si qui sint captivi e Thracia aut Illyrico maritimo. Sed illi ab obvio quoque dignosci possunt et a vestibus laceris et capitis squalore, tanquam qui in miseram inciderint fortunam. Hic vero opulenti Scythae speciem prae se ferebat: erat enim bene et eleganter vestitus, capite in rotundum raso. Hunc resalutans interrogavi, quis esset, et unde in terram barbaram veniens, vitae Scythicae institutum sequi delegisset. Ille quam ob causam hoc ex ipso quaererem, rogavit “Mihi vero, inquam, haec a te ut sciscitarer, causa fuit, quod Graece locutus es.” Tum ridens ait, se Graecum esse genere, ad mercaturam faciendam Viminacium, Mysorum ad Istrum urbem, accessisse, in ea domicilium longo tempore habuisse, uxorem quoque divitem duxisse; parta illic felicitate capta urbe exutum fuisse, et propterea quod dives erat, se suaque omnia in praedae divisione Onegēsio cessisse. Etenim esse apud eos in more positum, ut praecipui ab Attila Scythiae principes captivos ditiores sibi seponant, quoniam plurimum auctoritate valent. Postea ubi adversus Romanos et Acatzirorum gentem fortissime dimicasset, libertatem se ex more Scytharum, omnibus, quae bello acquisierat, barbaro domino traditis, recuperasse. Uxorem quoque barbaram duxisse, et ex ea liberos sustulisse, et Onegēsii mensae participem, hoc vitae genus longe potius priore ducere. “Qui enim apud Scythas degunt, inquit, tolerato bellorum labore, sine ulla sollicitudine vitam peragunt. Tum unusquisque bonis, quae sibi fortuna indulsit, fruitur, neque quisquam illi ulla in re molestus est. Qui vero sub Romanis aetatem agunt, facile in bello pereunt. Hos enim in aliis sui conservandi spem collocare necesse est, quandoquidem per tyrannos minime licet arma, quibus unusquisque se tueatur, gestare. Atque adeo his, quibus id iure licet, valde est perniciosa ducum ignavia, qui bellum minime gnaviter gerunt. At in pace longe acerbiora sunt, quae accidunt, quam calamitates, quae ex bello proveniunt et propter duram exactionem tributorum, et propter improborum vexationes, quum leges non in omnes valeant. Si quis dives aut potens eas sit transgressus, ille quidem iniquitatis suae poenas non luet: sin aliquis inops, qui negotia gerere nesciat, hunc poena a legibus statuta manet. Nisi forte eum priusquam sententia feratur, longo in litibus continuato tempore, multis praeterea exhaustis opibus, vita defecerit. At mercede et pretio, quod legum et iuris est obtinere, omnium iniquissimum est. Nec enim iniuria affecto quisquam fori iudicialis potestatem faciet, priusquam pecuniam iudicis et eius ministrorum commodo cessuram deponat.” Haec atque huiusmodi multa cum in medium proferret, ego precatus, ut quod sentirem, patienter et benigne audiret, respondi, reipublicae Romanae auctores, sapientes et optimos viros, ne quidquam temere ageretur, alios legum custodes fecisse, aliis armorum curam commisisse, ut, ad nullam aliam rem intenti, quam ut se ad pugnam praepararent, militaria opera exercerent, et propulsata per assiduam belli meditationem omni formidine, consueta militiae exercitatione, animis firmati, in aciem descenderent. “Alios, inquam, qui agris colendis et culturae terrae operam darent, annonae militari ab his exacta, eos alere voluerunt, quo pro sua salute dimicarent. Constituerunt quoque, qui iniuria affectis prospicerent, et iura eorum, qui propter naturae infirmitatem sibi ipsi consulere non valerent, tuerentur, quique iure dicendo, quae leges iuberent, servarent. Neque vero sua providentia destitutos reliquerunt eos, qui iudicibus adsunt,

sed horum esse partes prospicere, qua ratione ius assequatur, qui sententia iudicum obtinuit, et iniurius iudicatus, id solum, quod iudicii calculus fert, et nihil praeterea, facere cogatur. Si enim non essent huic rei praepositi, aut victore insolentius insurgente, aut eo, qui adversam sententiam reportavit, in preversa mente perstante, ex una lite alterius litis nasceretur exordium. Est autem his constitutum argentum ab illis, qui litibus certant, ut militibus ab agricolis. Quid enim aequius, quam eum, qui opituletur et auxilium ferat, alere et officium mutuo officio rependere? quemadmodum equi emolumento est equi, pastori bouum et venatori canum cura, et reliquorum animantium, quae homines custodiae et utilitatis causa alunt. Cum enim sumptus in litem factos qui causa cadunt solvant, damnum nulli alii rei, quam suae iniquitati, imputent oportet. Quod ad longum tempus attinet, quod in litibus consumitur, si quando id evenit, id iuris providentius dicendi gratia fit, ne iudices properantes ab accurata iudicandi ratione aberrant. Sic enim iudicant melius esse, tardius finem litibus imponere, quam festinantes non solum iniquum ius in hominem statuere, verum etiam in deum, iustitiae inventorem, peccare. Leges autem in omnes positae sunt, ut illis etiam ipse Imperator pareat. Neque, id quod tua accusatione continetur, potentiores si tenuioribus vim inferant, id illis est impune, nisi quis forte latens poenam effugerit; quod non solum divitibus, sed etiam inopibus plerumque usu venit: nam hi quoque, si argumenta deficiunt, peccatorum poenas non solvunt. Quod non solum apud Romanos, sed etiam ubique gentium accidit. Gratiam vero plurimam ipsum pro recepta libertate fortunae debere, neque eam domino acceptam referre. Cum enim eum in bellum eduxerit, potuisse ab hostibus propter rei militaris imperitiam occidi, aut si fugisset, ab eo, in cuius dominio erat, puniri. Longe autem Romani benignius servis consuluerunt. Patrum enim, aut praeceptorum affectum erga eos exhibent, et ut a malis abstineant, curant, et eorum, quae honesta ducunt, participes efficiunt. Denique corrigunt eos in his, quae delinquant, sicut et suos liberos. Nec enim servos morte officere, sicut apud Scythas, fas est. Libertatis vero adipiscendae plures sunt modi. Non enim solum qui vita fruuntur, sed etiam qui e vivis excedunt, libertatem tribuere possunt, quum de bonis suis, ut cuique placeat, statuere liceat, et quodcunque quis moriens de rebus domesticis iusserit, lex sit.” Tum ille plorans inquit, leges apud Romanos bonas et rem publicam praeclare constitutam esse, sed magistratus, qui non aequae ac priscae probi et prudentes sunt, eam labefactant et pervertunt.

Haec inter nos disserentibus aliquis ex domesticis Onegesii septorum domus fores aperuit. Ego statim currere et quaerere; quas res ageret Onegesius; me enim habere a Maximino, qui legatus a Romanis venisset, quod illi dicerem. Ille vero Onesium mihi sui facturum copiam respondit, si paullum opperirer; exiturum enim esse. Nec multo temporis spatio interiecto, ut ipsum exeuntem vidi, progressus dixi: “Te Romanorum legatus salutatur, et dona tibi ab ipso una cum auro ab Imperatore misso adfero.” Et quum maxime ille eum convenire cuperet, ubi et quando vellet colloqui, quaesivi. Ille suos, qui aderant, iussit aurum et munera recipere, et me Maximino renuntiare, se protinus ad eum accedere. Reverti igitur ad Maximinum, et renuntiavi, Onesium ad eum venturum esse: nec mora, in tentorium nostrum advenit, et Maximinum affatus dixit, se Imperatori et illi pro muneribus gratias agere, et percunctatus est, quandoquidem se arcessisset, quid esset, quod illum vellet: tum Maximinus, instare tempus, ait, quo posset maiorem gloriam apud homines adipisci, si ad Imperatorem accedens, quae sunt inter Romanos et Hunnos controversa, sua prudentia componeret, et inter utramque gentem concordiam stabiliret: quae res non solum utilitati utriusque gentis esset cessura, sed etiam eius domui tanta bona praebitura, ut ipse una cum suis liberis in posterum Imperatori totique imperatorio generi in perpetuum devinctus foret. Tum Onegesius dixit, qua in re gratificaretur Imperatori, et per se contentiones dirimeret. Maximinus respondit, si in rem praesentem descendens, Imperatori gratiam referret, et dissidiorum causas sedulo perscrutans, de rebus

controversis secundum conditiones foederibus adscriptas iudicium suum interponeret. Tum Onegesius dixit, se Imperatori et iis, qui ei a consiliis essent, ea dicturum esse, quae Attilas sibi praeciperet. “An Romani existimant, inquit, se ullis precibus exorari posse, ut prodat dominum suum, et nihili faciat educationem apud Scythas, uxores et liberos suos, neque potioem ducat apud Attilam servitutem, quam apud Romanos ingentes opes?” Ceterum se domi remanentem maiori eorum rebus adiumento futurum, quippe qui domini iram placaret, si quibus in rebus irasceretur, quam si ad eos accedens criminationi se obiiceret, si forte quid contra quam Attilae rationibus commodum videretur faceret. Quae cum dixisset et mihi veniam dedisset eum de his, quae ex ipso intelligere cuperemus, adeundi, (Maximino enim in dignitate constituto parum decorus erat continuus congressus,) abiit. Postridie ad domus Attilae interiora septa me contuli dona ferens eius uxori, quae Cerca vocabatur. Ex ea tres illi liberi, quorum maximus natus iam tum Acatzirorum et reliquarum gentium, qua Scythia ad Pontum patet, regnum tenebat. Intra illa septa erant multa aedificia, partim ex tabulis sculptis et eleganter compactis, partim ex trabibus opere puro et in rectitudinem affabre dolatis, in quibus ligna in circulos curvata imposita erant. Circuli autem a solo incipientes paulatim in altum assurgebant. Hic habitabat Attilae uxor, ad quam a barbaris, qui circa ianuas erant, nactus aditum, ipsam deprehendi in molli stragula iacentem. Erat autem pavementum laneis tapetibus stratum, in quibus constitimus. Eam famulorum multitudo in orbem circumstabat, et ancillae ex adverso humi sedentes telas coloribus variegebant, quae vestibus barbarorum ad ornatum superiniiciuntur. Cerca salutata, et muneribus traditis, egressus, expectans dum Onegesius regia exiret, (iam enim e domo sua illuc venerat,) ad reliqua aedificia, ubi Attilas commorabatur, processit. Hic dum ego starem cum reliqua multitudine, (nec enim accessu ullius loci prohibebar, quippe qui Attilae custodibus et barbaris, qui eum assectabantur, eram notus,) vidi magnam turbam, qua prodibat, currentem, tumultum et strepitum excitantem. Attilas domo egressus, gravi vultu, omnium oculis quaque versus in eum conversis, incedens cum Onegasio, pro aedibus substitit. Hic eum multi, quibus erant lites, adierunt, et eius iudicium exceperunt. Deinde domum repetiit, et barbararum gentium legatos, qui ad se venerant, admisit.

Me vero, dum Onesium expectabam, Romulus, Promutus et Romanus, legati de vasis aureis ex Italia ad Attilam missi, una cum Rusticio, qui in comitatu Constantii erat, et Constantiolo ex Paeonum regione, quae Attilae parebat, me sunt sermone adorti, et interrogaverunt, utrum dimissi, an manere coacti essemus. “Id ipsum, inquam, ut sciam ex Onegasio, intra ista septa opperior.” Tum ego illos vicissim percunctari, an aliquod mite responsum ad ea, de quibus legati venerant, ab Attila tulissent. Nequaquam aiunt illum deduci a sententia, sed bellum minari et denuntiare, ni Sylvanus aut pocula dedantur. Nos vero cum barbari miraremur animi impotentiam, Romulus, vir multis honorificentissimis legationibus functus et multo rerum usu praeditus, ait, secunda fortuna et potentia indecollecta adeo illum efferri, ut iustis sermonibus nullum apud si locum relinqueret, nisi eos ex re sua esse censeret. Nemo unquam eorum, qui in Scythia, vel alibi regnarunt, tantas res tam brevi tempore gessit. Totius Scythiae dominatum sibi comparavit, et ad Oceani insulas usque imperium suum extendit, ut etiam a Romanis tributa exigat. Nec his contentus, ad longe maiora animum adiecit, et latius imperii sui fines protendere et Persas bello aggredi cogitat. Uno ex nobis quaerente, qua via e Scythia in Persas tendere posset, Romulus dixit, non longo locorum intervallo Medos dissitos esse a Scythis, neque Hunnos hanc viam nescire, sed olim, fame per eorum regionem grassante, cum Romani propter bellum, quod tunc temporis gerebant, minime cum illis proelio decertarent, hac irrupisse, et ad Medos usque Bazicum et Cursicum, duces ipsorum, e regiis Scythis oriundos, penetrasse, qui postea cum magna hominum multitudine Romam ad contrahendam armorum societatem venissent. Hos narrasse, per quandam desertam regionem illis iter fuisse, et

paludem trajecisse, quam Romulus existimabat esse Maeotidem: deinde, quindecim diebus elapsis, per montes quosdam, quos superassent, in Mediam descendisse. Ibi praedas agentibus et excursionibus agros vastantibus Persicum agmen superveniens telis aëra replevisse. Itaque imminentis periculi metu retro abscessisse, et per montes regressos, pauxillum praedae abegisse. Magnam enim partem Medos extorsisse: ipsos autem, ut persequentium hostium impetum evitarent, ad aliam viam deflexisse. Et per loca, ubi ex petra maritima flamma ardet, illinc profectos, ... dierum itinere in sedes suas revertisse. Atque ex eo satis vidisse, non magno intervallo Scythiam a Medis distare. Quamobrem si Attilam cupido ceperit Medos invadendi, non multum operae et laboris in eam invasionem consumpturum, neque magnis itineribus defatigatum iri, ut Medos, Parthos et Persas adoriatur, et cogat tributi illationi se submittere. Adesse enim illi magnas copias, quas nulla gens sustinere possit. Nobis vero optantibus, ut Persis arma inferret, et a nobis in illos belli molem averteret: “Verendum est, inquit Constantiolus, ne, Persis facile devictis, non iam amplius amicus, sed dominus in nos revertatur.” Nunc enim auro accepto pro dignitate eum contentum esse. Quodsi Medos, Parthos et Persas domuerit, minime eum Romanorum a suo seiunctum regnum sed eos manifesto servos suos reputantem, gravia illis et intolerabilia imperaturum esse. Dignitas autem, cuius mentionem Constantiolus fecit, erat Romanorum exercituum ducis, quam Attilas ab Imperatore acceperat, et stipendia eius, qui exercitus regebat, missa sibi non recusabat. Innuebat igitur, Attilam, Medis, Parthis et Persis subactis, hoc nomen, quo Romanis illum vocare lubet, et dignitatem, quam illi ornamenti loco esse existimant, repudiaturum, et pro duce coacturum eos se regem appellare. Iam tum enim indignatus dicebat, illi servos esse exercituum duces, sibi vero viros Imperatoribus Romanis dignitate pares. Et brevi quidem sibi potentiae accessionem fore, quod et deus, Martis ense in lucem protracto, portenderit. Hic tanquam sacer et deo bellorum praesidi dedicatus, a Scytharum regibus olim colebatur, et multis saeculis non visus, bovis ministerio fuerat tunc temporis erutus.

Dum ita de praesenti rerum statu confabulamur, Onegesius foras prodiit, ad quem, ut ex eo disceremus, quae nostrae curae commissa fuerant, accessimus. Ille vero prius cum nescio quibus barbaris collucutus, quarere me ex Maximino iussit, quem Romani ex consularibus legatum ad Attilam essent missuri. Ut in tentorium veni, et Maximino, quae mihi Onegesius dixerat, retuli, habita de eo, quod barbaris respondendum esset, deliberatione, redii, dixique Onegasio, Romanos magnopere desiderare, illum suarum cum Attila controversiarum disceptatorem ad se accedere. Qua spe si exciderint, Imperatorem, quem sibi libuerit, legatum missurum. Extemplo me Maximinum arcessere iussit, quem, ut venit, ad Attilam deduxit. Unde non multo post Maximinus reversus, narravit, barbarum velle, Imperatorem ad se mittere legatos aut Nomum, aut Anatolium, aut Senatorem, neque ullos alios praeter hos admissurum. Et cum Maximinus obiiceret, minime convenire, legatos, qui ad se mittantur, designando, suspectos Imperatori reddere, Attilam respondisse, si haec abnuerint, armis se controversias disceptaturum. Reversis nobis in tentorium, ecce ad nos Orestis pater, “Vos ambos, inquit, ad convivium invitat Attilas, fiet vero illud ad nonam diei horam.” Tempore conducto observato, ut venimus, et una quoque Romanorum Occidentalium legati, stetimus in limine coenaculi coram Attila. Hic pincernae, ut mos est in illis regionibus, calicem tradiderunt, ut ante accubitus vota faceremus. Quo facto, et calice degustato, ipsa solia, in quibus nos sedentes coenare oportebat, ascendimus. Omnia sedilia circa parietes cubiculi ab utraque parte disposita erant: medius in lecto sedebat Attilas, altero lecto a tergo strato, pone quem erant quidam gradus, qui ad eius cubile ferebant, linteis candidis et variis tapetibus ornatus gratia contectum, simile cubilibus, quae Romani et Graeci nubentibus adornare pro more habent. Et primum quidem convivarum locum eius habebant, qui ad Attilae dextram sedebat, secundum eius, qui ad laevam: in quo nos et Berichus, vir apud Scythas nobilis, sed Berichus superiore loco. Nam Onegesius in sella ad dextram regii thori, et e

regione Onegesii duo ex Attilae filiis sedebant. Senior enim in eodem, quo pater, throno, non prope, sed multum infra accumbebat, oculis prae pudore propter patris praesentiam semper in terram coniectis. Omnibus ordine sedentibus, qui Attilae erat a poculis ingrediens pateram vini tradit. Hanc ubi suscepit, proximum ordine salutavit, qui salutatione honoratus surrexit, neque prius eum sedere fas erat, quam merum degustans, aut etiam ebibens, poculum pocillatori redderet. Sediti autem Attilae eodem modo, qui convivio intererant, pocula suscipientes et post salutationem degustantes, honorem exhibebant. Unicuique vero unus pocillator aderat, quem, quum pincerna Attilae exiret, introire suo ordine oportuit. Secundo et reliquis deinceps ad hunc modum honore affectis, Attilas nos quoque eodem modo salutavit secundum ordinem sellarum. Tum omnibus salutationis honore delato, pincernae recesserunt. Mensae vero iuxta Attilae mensam erant erectae, excipiendis tribus et quatuor, aut etiam pluribus convivis idoneae, quorum unusquisque poterat minime transgressus sedium ordines ex ferculis, quod sibi libitum erat, desumere. Deinde primus in medium accessit Attilae minister, patinam carnibus plenam ferens. Post ipsum qui panem ministrabant et opsonia mensis apposuerunt. Sed ceteris quidem barbaris et nobis lautissima coena praeparata erat et in discis argenteis reposita, Attilae in quadra lignea, et nihil praeter carnes. Moderatum pariter in reliquis omnibus sese praebebat. Convivis aurea et argentea pocula suppeditabantur, Attilae poculum erat ligneum. Simplex admodum illius vestis nulla re, nisi munditie, ornata erat. Neque eius ensis, neque calceorum barbarorum ligamina, neque eius equi frena, ut reliquorum Scytharum, auro aut lapidibus aut alia quacunque re pretiosa erant ornata. Ut opsonia primorum ferculorum fuere consumpta, surreximus, neque prius quisquam nostrum ad sedem suam est reversus, quam sibi traditam pateram vini plenam, servato priore ordine, Attilam salvum et incolumem precatus, ebibisset. Eo ad hunc modum honore culto, sedimus. Tum nova fercula cuique mensae sunt illata, quae alia continebant esculenta, ex quibus ubi omnes, quoad satis esset, comedissent, eodem modo surreximus, et epoto calice rursus consedimus. Adveniente vespere, facibusque accensis, duo Scythae coram Attila prodierunt, et versus a se factos, quibus eius victorias et bellicas virtutes canebant, recitarunt. In quos convivae oculos defixerunt; et alii quidem versibus delectabantur, aliis bellorum recordatio animos excitabat, aliis manabant lacrymae, quorum corpus aetate debilitatum erat, et vigor animi quiescere cogebatur. Post cantus et carmina Scythae nescio quis mente captus absurda et inepta nec sani quicquam habentia effundens risum omnibus commovit. Postremo Zercon Maurusius introivit. Edecon enim illi persuaserat, ut ad Attilam veniret, omnem operam et studium pollicitus, quo uxorem recuperaret. Hanc enim, cum illi Bleda faveret, in barbarorum regione acceperat, eamque in Scythia, ab Attila ad Actium dono missus, reliquerat. Sed hac spe frustratus est, quia Attilas illi succensuit, quod ad sua remigrasset. Itaque tunc arrepta festivitatis occasione progressus, et forma et habitu et pronuntiatione et verbis confuse ab eo prolatis, Romanae Hunnorum et Gothorum linguam intermiscens, omnes laetitia implevit et effecit, ut in vehementem risum prorumperent. Sed Attilas semper eodem vultu, omnis mutationis expertus, et immotus permansit, neque quicquam facere, aut dicere, quod iocum, aut hilaritatem prae se ferret, conspectus est: praeter quam quod iuniorem ex filiis introeuntem et adventatam, nomine Irnach, placidis et laetis oculis est intuitus, et eum genua traxit. Ego vero cum admirarer, Attilam reliquos suos liberos parvi facere, ad hunc solum animum adiacere, unus ex barbaris, qui prope me sedebat et Latinae linguae usum habebat fide prius accepta, me nihil eorum, quae dicerentur, evulgaturum, dixit, vates Attilae vaticinatos esse, eius genus, quod alioquin interitum erat, ab hoc puero restauratum iri. Ut vero convivium ad multam noctem protraxerunt, non diutius nobis computationi indulgendum esse rati exivimus.

Die exorto, Onegesium adivimus dicentes, nos dimitti oportere, neque nobis diutius tempus terendum esse. Ille, Attilam quoque in ea esse voluntate, et nos dimittere constituisse, respondit. Itaque non

multo post consilium procerum de his, quae Attilas statuerat, habuit, et litteras, quae Imperatori redderentur, digessit. Aderant quoque, quorum curae epistolas scribere incumberebat, inter quos erat Rusticius, vir e superiore Mysia ortus, qui ab hostibus captus, cum dicendi facultate valeret, barbaro operam in conscribendis epistolis navabat. Dimisso consilio, ab Onegasio precibus contendimus, ut Syllae uxori et eius liberis, qui in expugnatione urbis Ratiariae una cum matre in servitutem redacti erant, libertatem restitueret. Et vero ab his liberandis minime abhorrebat, sed eorum libertatem magna pecuniae summa a nobis emptam volebat. Itaque nos eum supplices orare et obtestari, ut, habita eorum pristinae fortunae ratione, praesentis calamitatis commiseratione moveretur. Ille, ut Attilam adiit, mulierem pro quingentis aureis liberam dimisit et eius filios dono ad Imperatorem misit. Interea Recan, Attilae uxor, in aedes Adamis, qui eius res domesticas curabat, nos ad coenam invitavit. Ab eo una cum pluribus Scythiae principibus comiter excepti sumus et iucundis sermonibus et magnifico epularum apparatu. Tum unusquisque eorum, qui aderant, surgens, Scythica comitate poculum plenum nobis porrexit, et eum, qui ante se biberat, amplexus et exosculatus, illud excepit. A coena nos in tentorium nostrum recipientes, somnum cepimus. Postridie iterum nos Attilas ad coenam invitavit, et eodem, quo prius, ritu ad eum accessimus et ad hilaritatem nos convertimus. Tum autem non senior ex filiis Attilae in eius thoro una cum ipso accumbebat, sed Oebersius, eius patruus. Per totum convivii tempus nos blandis sermonibus appellans Imperatori dicere iussit, ut Constantio, quem ad eum Aetius, ut ab epistolis esset, miserat, uxorem daret eam, quam illi promississet. Etenim Constantius una cum Attilae legatis ad Theodosium venerat, et se operam daturum, ut pax longo tempore inter Romanos et Hunnos servaretur, dixerat, modo sibi uxorem locupletem matrimonio copularet. Huic petitioni Imperator annuerat, et Saturnini filiam, viri et opibus, et genere clari et ornati, se illi nuptui daturum promiserat. Saturninum autem interemerat Athenais seu Eudocia, (utroque enim nomine vocabatur,) neque Imperatori ad exitum perducere, quod promiserat, per Zenonem, virum consularem, licuit. Is enim olim magna Isaurorum multitudine stipatus, urbi Constantinopoli, quae bello premebatur, praesidio fuerat. Qui quum orientalium exercituum dux esset, puellam custodia eduxit, et Rufo cuidam, uni ex suis necessariis, despondit. Hac puella sibi subtracta, Constantius barbarum orabat, ne sibi factam contumeliam negligeret, sed perficeret, ut sibi uxor daretur aut ea, quae erepta fuerat, aut etiam alia, quae dotem adferret. Quamobrem per coenae tempus barbarus Maximinum Imperatori dicere iussit, non oportere Constantium spe ab ipso excitata falli, et ab Imperatoris dignitate alienum videri, mendacem esse. Haec Attilas Maximino mandavit, propterea quod Constantius illi ingentem pecuniae summam pollicitus erat, si uxorem e Romanis puellis locupletem duceret. Sub nocte a coena discessimus.

Tribus deinde diebus elapsis, muneribus donati dimissi sumus. Attilas quoque Berichum, virum e Scythiae primoribus, multorum vicorum in Scythia dominum, et qui in convivio superiore loco sederat, nobiscum legatum ad Imperatorem misit. Hunc enim et alias Romani pro legato admiserant. Nobis autem iter conficientibus et in vico quodam commorantibus, captus est vir Scythia, qui a Romanis explorandi gratia in barbaram regionem descenderat, quem crucis supplicio affici Attilas praecepit. Postridie etiam dum per alios vicos progredieremur, duo, qui apud Scythas serviebant, manibus vincti post terga trahebantur, quod his, quos belli casus dominos fecisset, vitam eripuissent. Hos, immissis inter duo ligna uncis praedita capitibus, in cruce necarunt. Berichus vero, quamdiu Scythiam peragravimus, eadem via nobiscum iverat, et placidus et amicus visus erat. Ut Istrum traiecimus, propter quasdam vanas causas, a servis ortas, nos inimicorum loco habuit. Et primum quidem equum, quem Maximino dono dederat, ad se revocavit. Etenim Attilas omnes Scythiae principes, qui in ipsius comitatu erant, donis Maximinum ornare iusserat, et unusquisque certatim illi equum miserat, inter quos et Berichus. At ille cum moderationis gloriam sibi comparare studeret, ex equis

oblatis paucos acceperat, reliquos reiecerat. Berichus igitur equum, quem Maximino dederat, ademit, neque deinceps eadem via ire aut coenari nobiscum voluit. Itaque hospitalitatis tessera, in barbara regione contracta, eo usque progressa est. Hinc per Philippopolim ad Adrianopolim nobis iter fuit. In hac civitate quiescentes, Berichum rursus allocuti cum eo, quod tamdiu erga nos silentium tenuisset, expostulavimus. Nec enim ullam fuisse causam cur nobis irasceret, quandoquidem in nulla re cum offenderamus. Itaque eo placato et ad coenam invitato, ab Adrianopoli movimus. In itinere Bigilam, qui in Scythiam revertebatur, obvium habuimus: quo edocto, quae Attilas ad legationem nostram responderat, coeptum iter continuavimus. Ut Constantinopolim venimus, Berichum existimabamus iram abiecis, sed agrestis et ferae suae naturae minime est oblitus. Nam Maximinum insimulavit dixisse, quum in Scythiam transisset, Areobindi et Asparis, exercituum ducum, auctoritatem apud Imperatorem nullius esse ponderis, et cum barbarorum levitatem et inconstantiam notasset, eorum gesta in nullo pretio habuisse.

Reversum Bigilam, quum in iis locis advenisset, ubi tum Attilas commorabatur, circumstantes barbari ad id praeparati comprehenderunt, et manus in pecunias, quas Edeconi adferebat, iniecerunt. Quam ipsum ad Attilam adduxissent, is ex eo quaesivit, cuius rei gratia tantum auri asportasset. Illi respondit, ut suis et comitum suorum necessitatibus provideret, ne rerum necessariarum inopia, aut equorum, aut aliorum animalium vecturae aptorum penuria, quae per longa itinera deperierant, a studio obeundarum legationum avocaretur. Praeterea ad redemptionem captivorum pecuniam paratam esse. Multos enim ex Romanis a se magnopere petisse, ut propinquos suos redimeret. Cui Attilas: "Sed neque iam, o turpis bestia, Bigilam appellans, ullum tibi tuis cavillationibus iudicii subeundi patebit effugium: neque ulla satis idonea causa erit, qua meritum supplicium evitare possis. Longe enim maior summa est, quam qua tibi sit opus ad sustentandam familiam, vel etiam quam impendas in emptionem equorum, vel iumentorum, vel liberationem captivorum, quam iamdudum Maximino, quum huc veniebat, interdixi." Haec dicens, filium Bigilae (is tum primum patrem secutus in barbaram regionem venerat) ense occidi iubet, nisi pater, quem in usum et quam ob causam tantum auri advexisset, aperiret. Ille ut vidit filium morti addictum, ad lacrymas conversus, ius implorare, et ense in se mitti debere, non in filium, qui nihil commeruisset. Nec cunctatus omnia clandestina consilia, quae a se, ab Edecone, ab eunucho et Imperatore in Attilam composita fuerant, aperuit, et ad preces prolapsus, orare et obtestari, ut se occideret, et filium nihil promeritum liberaret. Cum autem Attilas ex his, quae Edecon sibi detexerat, Bigilam nihil mentitum perspiceret, in vincula duci praecepit, e quibus non prius eum exsoluturum minatus est, quam eius filius in eam dimissus alias quinquaginta auri libras pro utriusque liberatione exsolvisset, et Bigilas quidem in vincula est coniectus, filius autem ad Romanos rediit. Misit etiam Attilas Orestem et Eslam Constantinopolim.

4. Hinc Attilas, illinc Zeno Chrysaphium ad poenam deposcebant. Omnium autem in eum animis et studiis inclinatis, visum est ad Attilam legatos, mittere Anatolium et Nomum: Anatolium quidem magistrum militum praesentalem, et qui pacis cum barbaro initae condiciones proposuerat: Nomum veri magistri dignitatem gerentem, et in numerum patriciorum una cum Anatolio allectum, quae dignitas ceteris omnibus antecellit. Missus vero est cum Anatolio Nomus non solum propter dignitatis amplitudinem, sed etiam quia erat benevolus in Chrysaphium animo, et apud barbarum gratia et auctoritate plurimum valebat. Nam si quid perficiendum sibi proposuerat, minime pecuniis parcendum esse censebat. Et illi quidem mittebantur, quo Attilam ira dimoverent et pacis condiciones observare persuaderent, illud quoque dicturi, Constantio nuptum datum iri puellam minime Saturnini filiae genere et opibus inferiorem. Illam enim minime gratum huiusmodi matrimonium habuisse: itaque secundum legem alteri nupsisse. Nec enim apud Romanos fas esse, mulierem invitam viro collocare. Misit et eunuchus aurum ad barbarum, quo mollitus ab ira deduceretur.

5. Anatolius et Nomus, Istro transmisso, ad Drenconem fluvium usque (sic enim appellant) in Scythiam penetrarunt. Illic Attilas reverentia tantorum virorum motus, ne longioribus itineribus defatigarentur, cum illis convenit. Initio quidem multa superbe et insolenter disserens, tandem magnitudine munerum aequior factus est et blanda legatorum oratione delinitus, se pacem servaturum secundum conventiones, iuravit; se quoque omni regione trans Istrum, tanquam Romanorum iuris ditionisque cedere, neque porro Imperatori de profugis reddendis molestum futurum, modo Romani in posterum a transfugis admittendis temperarent. Liberavit et Bigilam, numeratis quinquaginta auri libris, quas Bigilae filius cum legatis in Scythiam veniens attulerat. Tum et Anatolio et Nomo gratificans, quam plurimos captivos illis sine ullo pretio concessit. Postremo donatos equis et ferarum pellibus, quibus Scythae regii ad ornatum utuntur, dimisit. Comitem illis addidit Constantium, ut Imperator ipse re confirmaret, quae verbis promiserat. Ut legati redierunt, et cum Attila ultro citroque acta retulerunt, Constantio nuptui datur quondam uxor Armatii, filii Plinthae, qui apud Romanos exercituum dux fuerat et consulatum inierat. Ille in Lybiam profectus acie cum Ausorianis decertaverat et prospere pugnarat: mox morbo correptus vitam finierat. Eius uxori, genere et divitiis conspicuae, post mariti obitum Imperator nubere Constantio persuaserat. Sed sopitis omnibus ad hunc modum cum Attila controversiis, Theodosium novus timor occupavit, ne Zeno tyrannidem invaderet.

III

JORNANDES: DE REBUS GETICIS

Muratori: Rerum Italicarum Scriptores (1723) Vol. I.

Caput XXXIV

Theodericus V. Vesegotharum Rex. In hunc Romani cum Auxiliaribus Hunnis rupta pace exercitum ducunt. Foedera firmantur. Аттіла пакатуп. Item de Attilae aula.

Defuncto Valia, ut superius quod diximus repetamus, qui parum fuerant felix Gallis,[15] prosperrimus, felicioque Thodoricus successit in regno: homo summa moderatione, compositus animi, corporisque virilitate[16] abundans. Contra quem Theodosio, et Festo Consulibus, pace rupta Romani Hunnis auxiliaribus secum junctis, in Gallias arma moverunt. Turbaverat namque eos Gothorum foederatorum manus, quae cum Caina Comite Constantinopolim se foederasset.[17] Aetius ergo Patricius tunc praeerat militibus, fortissimorum Moesiorum stirpe progenitus, in Dorastena[18] civitate, à patre Gaudentio, labores bellicos tolerans, Reipub. Romanae singulariter natus, qui superbiam Suevorum, Francorumque barbariem immensis caedibus servire Romano Imperio coegisset.[19] Hunnis quoque auxiliariis, Litorio ductante, contra Gothos Romanus exercitus movit procinctum, diuque ex utraque parte acie ordinata, quum utrique fortes, & neuter firmior esset,[20] datis dextris in pristinam concordiam redierunt, foedereque firmato, ab alterutro fida pace peracta, recessit uterque.[21] Qua pacatur Attila Hunnorum omnium dominus, & penè totius Scythiae gentium solus in mundo regnator, qui erat famosâ inter omnes gentes claritate mirabilis. Ad quem in

legationem remissus[22] à Theodosio juniore Priscus tali voce inter alia refert. Ingenita siquidem flumina, idest Tysiam, Tibisiamque, & Driccum transeuntes, venimus in locum illum, ubi dudum Vidicula[23] Gothorum fortissimus Sarmatum dolo occubuit. Indeque non longè ad vicum, in quo Rex Attila morabatur, accessimus: vicum inquam ad instar civitatis amplissimae, in quo lignea moenia ex tabulis nitentibus fabricata reperimus, quarum compago ita solidum mentiebatur, ut vix ab intento posset junctura tabularum comprehendit. Videres triclinia ambitu prolixiore distenta, porticusque in omni decore dispositas. Area verò curtis[24] ingenti ambitu cingebatur, ut amplitudo ipsa regiam aulam ostenderet. Hae sedes erant Attilae Regis barbariam totam tenentis,[25] haec captis civitatibus habitacula praeponebat.

СНОСКИ:

[15] А. Галлус.

[16] Гаретиус и др. utilitate, ita in Ambros.

[17] Гаретиус ал. эфферассет, ита в Амбросе.

[18] А. Дорестана.

[19] А. coegit.

[20] А. infirmior esset.

[21] А. secessit uterque. Qua pace Attila.

[22] А. se missum.

[23] А. и Гаретиус Видигоя.

[24] А. Кортис.

[25] А. Hae sedes erant Attilae Regi barbariam totam tenenti.

Caput XXXV

De Attilae Regis Hunnorum Patre, Fratribus, deque ipsius statura, forma, & moribus. Item de gladio Martis, quem ipse usurpavit. Locus insignis è Prisco historico.

Is namque Attila patre genitus Mundzucco, cujus fuere germani, Octar et Roas, qui ante Attilam regnum Hunnorum tenuisse narrantur, quamvis non omnino cunctorum. Eorum ipse post obitum cum Bleta[26] germano Hunnorum successit in regnum, et ut antè expeditioni, quam parabat, par foret, augmentum virium parricidio quaerit, tendens ad discrimen omnium nece suorum. Sed librante justitia detestabili[27] remedio crescens, deformes exitus suae crudelitatis invênit. Bletae[28] enim fratre fraudibus perempto, qui magnae parti regnabat Hunnorum, universum sibi populum subjugavit,[29] aliarumque gentium, quas tunc in ditione tenebat, numerositate collectas primas mundi gentes, Romanos, Vesegotasque subdere peroptabat. Cujus exercitus quingentorum millium esse numerus ferebatur. Vir in concussionem gentis[30] natus in mundo, terrarum omnium metus, qui

nescio qua sorte terrebat cuncta, formidabili de se opinione vulgatâ. Erat namque superbus incessu, huc atque illuc circumferens oculos, ut elati potentia ipso quoque motu corporis appareret. Bellorum quidem amator, sed ipse manu temperans, consilio validissimus, supplicantibus exorabilis, propitius in fide semel receptis. Formâ brevis, lato pectore, capite grandiori minutis oculis, rarus barbâ, canis aspersus, simo[31] naso, teter colore, originis suae signa restituens. Qui quamvis hujus esset naturae, ut semper magna confideret, addebat ei tamen confidentiam gladius Martis inventus, sacer apud Scytharum reges semper habitus. Quem Priscus historicus tali refert occasione detectum. Cùm pastor, inquiens, quidam gregis unam buculam conspiceret claudicantem; nec causam tanti vulneris inveniret, sollicitus vestigia cruoris insequitur, tandemque venit ad gladium, quem depascens herbas bucula incautè calcaverat, effossumque protinus ad Attilam defert. Quo ille munere gratulatus, ut erat magnanimus, arbitratur se totius mundi Principem constitutum, & per Martis gladium potestatem sibi concessam esse bellorum.

ЧОСКИ:

[26] A. quorum ipse post quorum obitum cum Bleda и др. законный Бледам. Prosper Budam.

[27] A. Justitiae remedio.

[28] A. Бледа, Гаретиус и др. Буда.

[29] A. adunavit.

[30] A. gentium.

[31] A. симео.

Caput XXXVI

Attila, suapte natura ad vastandum orbem paratus, & Gizerico Wandalorum Rege multis muneribus ad id instigatur. Is omni ratione discordiam inter Romanos, & Gothos serere conatur; sed frustra. Epistola Valentiniani Imp. ad Vesegothas, eorumque responsum.

Hujus ergo mentem ad vastationem orbis paratam comperiens Gizericus Rex Wandalorum, quem paulo ante memoravimus, multis muneribus ad Vesegotharum bella praecipitat, metuens ne Theodericus Vesegotharum Rex filiae[32] ulcisceretur injuriam, quae Hunericho Gizerici filio juncta, prius quidem tanto conjugio laetaretur; sed postea, ut erat ille & in sua pignora truculentus, ob suspicionem tantummodo veneni ab ea parati, eam naribus abscissis, truncatisque auribus spolians decore naturali, patri suo ad Gallias remiseraat, ut turpe[33] funus miseranda semper offerret, & crudelitas, qua etiam moverentur externi, vindictam patris efficacius impetraret. Attila igitur dudum bella concepta Gizerici redemptione parturiens, legatos in Italiam ad Valentinianum Principem misit serens Gothorum Romanorumque discordiam: ut quos praelio non poterat concutere, odiis internis elideret, adserens se Reipub. ejus amicitias in nullo violare, sed contra Theodericum Vesegotharum Regem sibi esse certamen, unde eum excipi libenter optaret. Caetera epistolae usitatis salutationum blandimentis oppleverat, studens fidem adhibere mendacio. Pari etiam modo ad Regem Vesegotharum Theodericum dirigit scriptum, hortans ut à Romanorum societate discederet, recoleretque praelia, quae paulò ante contra eum fuerunt concitata sub nimia feritate. Homo subtilis, antequam bella gereret, arte pugnabat. Tunc Valentinianus Imperator ad Vesegothas, eorumque

Regem Theodericum in his verbis legationem direxit. Prudentiae vestrae est, fortissime gentium, adversus urbem[34] conspirare tyrannum, qui optat mundi generale habere servitium, qui causas praelii non requirit, sed quicquid commiserit, hoc putat esse legitimum. Ambitum suum brachio metitur, superbiam licentia satiat, qui jus fasque contemnens, hostem se exhibet naturae cunctorum. Etenim meretur hic odium, qui in commune omnium se approbat inimicum. Recordamini quaeso, quod certè non potest oblivisci. Ab Hunnis casus est fusus, sed quod graviter agit, insidiis agit appetitum. Unde[35] ut de nobis taceamus potestis hanc inulti ferre superbiam? Armorum potentes,[36] favete propriis doloribus, & communes jungite manus. Auxiliamini etiam Reipub. cujus membrum tenetis. Quàm sit autem nobis expetenda, vel amplexanda societas, hostes[37] interrogate consilia. His & similibus legati Valentiniani Regem permovere Theodericum. Quibus ille respondit: Habetis, inquit Romani, desiderium vestrum: fecistis Attilam, & nobis hostem. Sequimur illum quocunque vocaverit, & quamvis infletur de diversis superbarum gentium victoriis, norunt tamen Gothi confligere cum superbis. Nullum bellum dixerim grave, nisi quod causa debilitat, quando nil triste pavet, cui majestas arriserit. Acclamant responso comites Ducis, laetum sequitur vulgus. Fit omnibus ambitus pugnae, hostes jam Hunni desiderantur. Producitur itaque à Rege Theoderico Vesegotharum innumerabilis[38] multitudo, qui quatuor filiis domi dismissis idest Friderico, & Turico, Rotemero, & Himmerit,[39] secum tantum Thorismund, & Theodericum majores natu participes laboris assumit. Felix procinctus auxiliantium suave collegium habere, & solatia illorum, quos delectat ipsa etiam simul subire discrimina. A parte verò Romanorum tanta Patricii Aetii providentia fuit, cui tunc innitebatur Respub. Hesperiae plagae, ut undique bellatoribus congregatis, adversus ferocem, & infinitam multitudinem non impar occurreret. His enim adfuere auxiliares[40] Franci, Sarmatae, Armoritani, Litiani, Burgundiones, Saxones, Riparioli, Ibriones,[41] quondam milites Romani, tunc verò jam in numero auxiliariorum exquisiti, aliaeque nonnullae Celticae, vel Germanicae nationes. Convenitur itaque in campos Catalaunicos, qui & Mauricii nominantur C.[42] leugas,[43] ut Galli vocant, in longum tenentes, & LXX. in latum. Leuga autem Gallica mille & quingentorum passuum quantitate metitur. Fit ergo area innumerabilium populorum pars illa terrarum. Conseruntur acies utraeque fortissimae, nihil subreptionibus agitur, sed aperto Marte certatur. Quae potest digno causa tantorum motibus inveniri? Aut quod odium in se cunctos animavit armari? Probatum est humanum genus Regibus vivere, quando unius mentis insano impetu strages sit facta populorum, & arbitrio superbi Regis momento dejicitur, quod tot saeculis natura progeniit.

ЧОСКИ:

[32] A. filiae suae.

[33] A. scilicet ut turpe.

[34] A. fortissimi gentium adversus orbem, & ita Garetius.

[35] A. Ab Hunnis non per bella, ubi communis casus est fusus, sed quod graviter anget insidiis appetitum, ut de nobis, &c.

[36] A. потестаты.

[37] A. хос допрашивает и проч.

[38] A. innumerabilis exercitus.

[39] A. Теурико, Ретемер и Ирмнерит.

[40] A. Hi enim adfuerunt auxiliares Franci.

[41] A. Лигициани, Бургунды, саксы, прибрежные районы, Олибрионы.

[42] A. in campis Catalaunicis, qui et Mauriaci vocantur.

[43] Leuga verbum, Gallorum est, & merè Francicum, ut constat ex D. Hieronymò in Joelem, Paulo Diacono lib. 15, & Amm. Marcel. lib. 15, pag. 68 & lib. 16, pag. 91. бывший законник Баджомар и библиотека Рутелио. 2. Завершение. ut enim Romani miliaribus, sic Galli leugis metiri soliti sunt, Juret.

Caput XXXVII

De iis rebus, quae in ipsorum bellorum motibus, priusquam praelium inter Romanos, & Hunnos committeretur, acciderunt.

Sed antequam pugnae ipsius ordinem referamus, necessarium videretur edicere quae in ipsis bellorum motibus accidere, quia sicut famosum praelium, ita multiplex, atque perplexum. Sangibanus namque Rex Alanorum metu futurorum perterritus, Attilae se tradere pollicetur, & Aurelianam civitatem Galliae, ubi tunc consistebat, in ejus jura transducere.[44] Quod ubi Theodericus, & Aetius agnovere, magnis aggeribus eandem urbem ante adventum Attilae destruunt, suspectumque custodiunt Sangibanum, & inter suos auxiliares medium statuunt cum propria gente. Igitur Attila Rex Hunnorum tali percussus eventu, diffidens suis copiis, metuens inire conflictum, intusque fugam revolvens, ipso funere tristiores, statuit per haruspices futura inquirere. Qui more solito nunc pecorum fibras, nunc quasdam venas in abrasis ossibus intuentes, Hunnis infausta denuntiant. Hoc tamen quantum praedixere solatii, quod summus hostium dux de parte adversa occumberet, relictâque victoriâ, sua morte triumphum foedaret. Cùmque Attila necem Aetii, quod ejus motibus obviabat, vel cum sua perditione duceret expetendam, tali praesagio sollicitus, ut erat consiliorum in rebus bellicis exquisitor, circa nonam diei horam praelium sub trepidatione committit, ut, si non secus cederet, nox imminens subveniret. Convenere partes, ut diximus, in Campos Catalaunicos.

ШОСКИ:

[44] A. контрадере.

Caput XXXVIII

Positio loci, quo in Catalaunicis campis praelium inter Romanos, & Hunnos est commissum, & descriptio utriusque aciei.

Erat autem positio loci declivi tumore, in modum collis[45] excrescens, quem uterque cupiens exercitus obtinere, quia loci opportunitas non parvum beneficium conferret, dextram partem Hunni cum suis, sinistram Romani, & Vesegothae cum auxiliariis occuparunt. Relictoque de cacuminis ejus

jugo certamine, dextrum cornu[46] cum Vesegothis Theodoricus tenebat, sinistrum Aetius cum Romanis, collocantes in medio Sangibanum, quem superiùs retulimus praefuisse Alanis, providentes cautione militari, ut eum, de cujus animo minus praesumebant, fidelium turba concluderent. Facile namque adsumit pugnandi necessitatem, cui fugiendi imponitur difficultas. E diverso verò fuit Hunnorum acies ordinata, ut in medio Attila cum suis fortissimis locaretur, sibi potiùs Rex hac ordinatione prospiciens, quatenus inter gentis suae robur positus, ab imminente periculo redderetur exceptus. Cornua verò ejus multiplices populi, & diversae nationes, quas ditioni suae subdiderat, ambiebant. Inter quos Ostrogotharum praeeminebat exercitus, Walamire, & Theodemire, & Widemire germanis ductantibus, ipso etiam Rege, cui tunc serviebant, nobilioribus: quia Amalorum generis eos potentia illustrabat, eratque & Gepidarum agmine innumerabili Rex ille fortissimus, & famosissimus Ardaricus, qui ob nimiam suam fidelitatem erga Attilam, ejus consiliis intererat. Nam perpendens Attila sagacitatem suam,[47] eum, & Walamirem Ostrogotharum Regem super caeteros regulos diligebat. Erat namque Walamir secreti tenax, blandus alloquio, doli ignarus, Ardaricus fide, & consilio, ut diximus, clarus. Quibus non immeritò contra parentes Vesegothas debuit credere pugnatoribus.[48] Reliqua autem, si dici fas est, turba regum, diversarumque nationum ductores, ac si satellites, nutibus Attilae attendebant, & ubi oculo annuisset, absque aliqua murmuratione cum timore, & tremore unusquisque adstabat, aut certè quod jussus fuerat, exsequebatur. Sed solus Attila Rex omnium regum, super omnes, & pro omnibus sollicitus erat. Fit ergo de loci, quem diximus, opportunitate certamen. Attila suos dirigit, qui cacumen montis invaderent, sed a Thorismundo, & Aetio praeventus est, qui eluctati collis excelsa ut conscenderent, superiores effecti sunt, venientesque Hunnos montis beneficio facile turbavere.

ЧОСКИ:

[45] A. in editum collis.

[46] A. Relicto de cacumine ejus jugo certamini; dextrum itaque cornu.

[47] A. societate sua.

[48] Пугнатурис, Гаретиус и др. pugnaturus.

Caput XXXIX

Attilae oratio ad Hunnos, quâ eos ad praelium adversùs Romanos ineundum exhortatur.

Tunc Attila, cum videret exercitum causa praecedente turbatum, eum tali ex tempore credit alloquio confirmandum. Post victorias tantarum gentium, post orbem, si consistatis, edomitum, ineptum judicaverim, tanquam ignaros rei, verbis acuere. Quaeret hoc aut novus ductor, aut inexpertus exercitus. Nec mihi fas est aliquid vulgare dicere, nec vos oportet audire. Quid autem aliud vos quàm bellare consueti[49]? Aut quid forti[50] suavius, quàm vindictam manu quaerere? Magnum munus à natura animum ultione satiare. Aggrediamur ergo hostem alacres, audaciores sunt semper, qui inferunt bellum. Adunatas despiciate dissonas gentes. Indicium pavoris est societate defendi. En ante impetum terroribus jam feruntur, excelsa quaerunt, tumulos capiunt, & sera poenitudine in campis munitiones efflagitant. Nota vobis sunt, quàm sint levia Romanorum arma: primo etiam non dico vulnere, sed ipso pulvere gravantur. Dum inordinatè[51] coeunt, & acies, testudinemque connectunt, vos confligite, praestantibus animis, ut soletis, despicientesque eorum acies, Alanos invadite, in

Vesegothas incumbite. Inde nobis est citam victoriam quaerere, unde se continet bellum. Abscissa[52] autem nervis mox membra relabuntur,[53] nec potest stare corpus, cui ossa subtraxeris. Consurgant animi, furor solitus intumescat. Nunc consilia Hunni, nunc arma depromite, aut vulneratus quis adversarii mortem deposcat, aut illaesus hostium clade satietur. Victuros nulla tela convenient,[54] mortuos, & in otio fato praecipitant, postremò cur fortuna Hunnos tot gentium victores adsereret,[55] nisi ad certaminis hujus gaudia praeparasset? Quis denique Maeotidarum iter aperiret majoribus nostris tot seculis clausum, ac secretum?[56] Что вызывает воспаление кожи лица у арматоса? Faciem Hunorum non poterit ferre adunata collectio. Non fallor eventu: hic campus est,[57] quem nobis tot prospera promiserant.[58] Primus in hostes tela conjiciam. Si quis potuerit Attila pugnante ocium ferre, sepultus est. His verbis accensi, in pugnam cuncti praecipitantur.

СНОСКИ:

[49] A vobis, quàm bellare consuetum est.

[50] A. aut quid viro forti.

[51] A. в обычном порядке.

[52] Абсцисс Гаретия форте и ита у А.

[53] А. дилабунтур.

[54] A. victuris nulla tela conveniunt.

[55] A. asseret.

[56] A. Quis denique Meotidarum inter majores nostros aperuit tot saeculis clausum secretum.

[57] A. Nisi fallor.

[58] A. Quem nobis tot prospera promiserunt.

Капум XL

Successus praelii commissi inter Romanos, & Vesegothas adversùs Hunnos. Теодеричи Регис морс. Атила се плаустрис валлат.

Et quamvis haberent res ipsae formidinem, praesentia tamen Regis cunctationem haerentibus auferebat. Manu manibus congregiuntur, bellum atrox, multiplex, immane, pertinax, cui simile nulla usquam narrat antiquitas, ubi talia gesta referuntur, ut nihil esset, quod in vita sua conspiciere potuisset egregius, qui hujus miraculi privaretur aspectu. Nam si senioribus credere fas est, rivulus memorati campi humili ripa prolabens, peremptorum vulneribus sanguine multo proventus, non auctus imbris, ut solebat, sed liquore concitatus insolito, torrens factus est cruoris augmento. Et quos illic coëgit in aridam sitim vulnus inflictum, fluenta mixta clade traxerunt:[59] ita constricti sorte miserabili sordebant, potantes sanguinem, quem fudere sauciati. Hic Theodericus Rex dum adhortans discurreret exercitum, equo depulsus, pedibusque suorum conculcatus, vitam matura senectute conclusit. Alii verò dicunt eum interfectum telo Andagis de parte Ostrogotharum, qui tunc Attila num sequebantur regimen.[60] Hoc fuit, quod Attilae praesagio haruspices priùs dixerant, quamquam ille de Aetio suspicaretur. Tunc Vesegothae dividentes se ab Alanis, invadunt Hunnorum

catervas, & penè Attilam trucidassent: nisi priùs providus fugisset, & se, suosque illico intra septa castrorum, quae plaustis vallata habebat, reclusisset. Quamvis fragile munimentum, tamen quaesierunt subsidium vitae,[61] quibus paulò ante nullus poterat muralis agger obsistere. Thorismund autem Regis Theoderici filius, qui cum Aetio collem anticipans, hostes de superiori loco proturbaverat, credens se ad agmina propria pervenire, nocte caeca ad hostium carpenta ignarus incurrit. Quem fortiter dimicantem quidam capite vulnerato equo dejecit, suorumque providentiâ[62] liberatus, à praeliandi intentione desiit. Aetius verò similiter noctis confusione divisus, cum inter hostes medios vagaretur, trepidus ne quid incidisset adversi Gothi, inquirens,[63] tandemque ad socia castra perveniens, reliquum noctis scutorum defensione transegit. Postera die luce orta, cùm cadaveribus plenos campos aspicerent, nec audere Hunnos erumpere, suam arbitrantur esse victoriam, scientesque Attilam non nisi magna clade confusem, bello confugisse,[64] eum tamen nihil ageret, vel prostratus abjectum, sed strepens[65] armis tubis canebat, incussionemque minabatur; velut leo venabulis pressus, speluncae aditus obambulans, nec audet insurgere, nec desinit fremitibus vicina terrere, sic bellicosissimus Rex victores suos turbabat inclusus. Conveniunt itaque Gothi, Romanique, & quid agerent de superato Attila deliberant. Placet eum obsidione fatigari, qui annonae copiam non habebat, quando ab ipsius sagittariis intra septua castrorum locatis, crebris ictibus arceretur accessus. Fertur autem desperatis in rebus praedictum. Regem adhuc & in supremo magnanimum, equinis sellis construxisse pyram, seseque, si adversarii irrumperent, flammis injicere voluisse, ne aut aliquis ejus vulnere laetaretur, aut in potestatem tantorum hostium gentium dominus perveniret.[66]

ЧОСКИ:

[59] А. детраксерунт.

[60] А. Qui tunc Attilae sequebatur regimen.

[61] А. enim fragili munimine eorum quaesierit, subsidium vitae.

[62] А. пруденция.

[63] А. адверси, готоский исследователь.

[64] А. magna clade confossum bella fugere.

[65] А. velut prostratus, aut abjectum se demonstrabat, sed strepens.

[66] Fortè legendum, aut in potestatem hostium tantarum gentium dominus, &c., ita А.

Caput XLI

Thorismund Theoderico Regi patri suo exsequias parat, & consilio Ætii Patricii, qui Hunnis funditus interemptis, malè à Gothiis metuebat Imperio Romano se recipit, & Patri succedit; Franci, & Gepidae mutua clade se atterunt, numerus caesorum in praelio inter Romanos, & Attilam.

Verùm inter has obsidionum moras Vesegothae Regem filii patrem requirunt, admirantes ejus absentiam, dum felicitas fuerit subsequuta. Cùmque diutiùs exploratum, ut viris fortibus mos est, inter densissima cadavera reperissent, cantibus honoratum,[67] inimicis spectantibus abstulerunt. Videres Gothorum globos dissonis vocibus confragosos, adhuc inter bella furentia funeri reddidisse

culturam. Fundebantur lacrymae, sed quae viris fortibus impendi solent: nostra mors[68] erat, sed Hunno teste gloriosa, unde hostium putaretur inclinata fore superbia, quando tanti Regis efferre cadaver cum suis insignibus inspiciebant. At Gothi Theoderico adhuc justa solventes, armis insonantibus regiam deserunt majestatem, fortissimusque Thorismund benè gloriosus, ad manes[69] carissimi patris, ut decebat filium, exequias est prosequutus. Quod postquam peractum est, orbitatis dolore commotus, & virtutis impetu, qua valebat, dum inter reliquias Hunnorum, mortem patris vindicare contendit: Aetium Patricium, ac si seniore, prudentiâque maturum, de hac parte consuluit, quid sibi esset in tempore faciendum. Ille verò metuens ne Hunnis funditus interemptis,[70] à Gothis Romanorum premeretur Imperium, praebet hac suasionem consilium, ut ad sedes proprias remearet, regnumque quod pater reliquerat, arriperet: ne germani ejus opibus sumptis paternis. Vesegotharum regnum pervaderent,[71] graviterque dehinc cum suis, & quod pejus est, miserabiliter pugnaret. Quo responso non ambigue, ut datum est, sed pro sua potiùs utilitate suscepto, relictis Hunnis, redit ad Gallias. Sic humana fragilitas dum suspicionibus occurrit, magna rerum agendarum occasione intercipitur. In hoc enim famosissimo, & fortissimarum gentium bello ab utrisque partibus CLXII,[72] millia caesa referuntur, exceptis XC,[73] millibus Gepidarum, & Francorum, qui ante congressionem publicam noctu sibi occurrentes, mutuis concidère vulneribus, Francis pro Romanorum, Gepidis pro Hunnorum parte pugnantibus. Attila igitur discessione cognita Gothorum, quod de inordinatis[74] colligi solet, & inimicorum magis aestimans dolum, diutius se intra castra[75] continuit. Sed ubi hostium absentia[76] sunt longa silentia consecuta, erigitur mens ad victoriam, gaudia praesumuntur, atque potentis Regis animus in antiqua fata revertitur. Thorismund ergo patre mortuo, in campis statim Catalaunicis, ubi & pugnaverant regia majestate subvectus, Tholosam ingreditur. Hic licet fratrum, & fortium turba gauderet, ipse tamen sic sua initia moderatus est, ut nullius reperiret de regni successione certamen.

ЧОСКИ:

[67] A. honoribus.

[68] A. нам морс и др.

[69] A. bene gloriosus manens, carissimi, &c.

[70] A. эверсис.

[71] A. germanus ejus, opibus assumptis paternis, regnum invaderet.

[72] A. CLXV.

[73] A. XV.

[74] Гарет. псевдоним inopinatis, ита А.

[75] A. claustra.

[76] A. absentiam.

Caput XLII

Attila de Vesegotharum recessu à Romanis certior factus, ad oppressionem Romanorum omnibus viribus se confert. Aquilejam, Mediolanum, Ticinum vastat. Leo Papa ad eum accedit, & pacem Italiae certis conditionibus impetrat. Attila ad suas sedes ultra Danubium remeat.

Attila verò nacta occasione de recessu Vesegotharum, & quod saepè optaverat, cernens hostium solutionem per partes, mox jam securus ad oppressionem Romanorum movit procinctum, primaque aggressione Aquilejensem obsedit civitatem, quae est metropolis Venetiarum, in mucrone, vel lingua Adriatici posita sinus. Cujus ab oriente muros Natissa amnis fluens, à monte Picis elambit, ibique cùm diu, multoque tempore obsidens, nihil penitùs praevaleret, fortissimis intrinsecus Romanorum militibus resistentibus: exercitu jam murmurante, & discedere cupiente, Attila deambulans circa muros, dum utrum solveret castra, an adhuc moraretur deliberat, animadvertit candidas aves, idest ciconias, quae in fastigio domorum nidificant, de civitate foetus suos trahere, atque contra morem per rura forinsecus comportare. Et ut hoc, sicut erat sagacissimus inquisitor, persensit, ad suos inquit: Respicite aves futurarum rerum providas perituram relinquere civitatem, casurasque arces periculo imminente deserere. Non hoc vacuum, non hoc credatur incertum: rebus praesciis consuetudinem mutat ventura formido. Quid plura? Animus suorum rursus ad oppugnandum Aquilejam inflammatur. Qui machinis constructis, omnibusque tormentorum generibus adhibit, nec mora invadunt civitatem, spoliant, dividunt, vastantque crudeliter, ita ut vix ejus vestigia ut appareant,[77] reliquerint. Ex hinc jam audaciores, & necdum Romanorum sanguine satiiati, per reliquas Venetùm civitates Hunni bacchabantur. Mediolanum quoque Liguriaie metropolim, & quondam regiam urbem pari tenore devastant, necnon & Ticinum aequali sorte dejicunt, vicinaque loca saevientes allidunt, demoliunturque paenè totam Italiam. Cùmque ad Romam animus fuisset ejus attentus accedere, sui eum (ut Priscus refert historicus) removêre, non Urbi, cui inimici erant, consulentes, sed Alarici quondam Vesegotharum Regis objicientes exemplum, veriti Regis suis[78] fortunam, quia ille post fractam Romam diu non supervixerat, sed protinus rebus excessit[79] humanis. Igitur dum ejus animus ancipiti negotio inter ire, & non ire fluctuaret, secumque deliberans tardaret, placita[80] ei legatio à Roma advenit. Nam Leo Papa per se ad eum accedit in Acroventu Mambolejo,[81] ubi Mincius amnis commeantium frequentatione transitur. Qui mox[82] deposito exercitus furore, & rediens quà venerat, idest, ultra Danubium, promissa pace discessit: illud prae omnibus denuncians, atque interminando discernens,[83] graviora se in Italiam illaturum, nisi ad se Honoriam Valentiniani Principis germanam, filiam Placidiae Augustae, cum portione sibi regalium opum debita mitteret.[84] Ferebatur enim quia haec Honoria, dum propter aulae decus, ac[85] castitatem teneretur nutu fratris inclusa, clandestino[86] eunucho misso Attilam invitasset, ut contra fratris potentiam ejus patrociniis uteretur: prorsus indignum facinus, ut licentiam libidinis malo publico compararet.

ЧОСКИ:

[77] A. ut apparet.

[78] A. суй.

[79] A. эксессерит.

[80] A. плацида.

[81] Гапет. alias agro Venetum Ambulejo. ita Ambros.

[82] A. Qui mox deposuit exercitatus furorem, & rediens quo venerat &c.

[83] A. децерненс.

[84] A. mitterent.

[85] A. ad castitatem.

[86] A. клам.

IV

EX VITA MS. SANCTI ANIANI EPISCOPI AURELIANENSIS

Du Chesne: Historiae Francorum Scriptores Coetanei (1636), Vol. I, cmp. 521.

Hunorum gens perfida vaginâ suae habitationis egressa, crudelitate saevissima in plurimarum gentium frendebat pericula. Cuius ad satiandam rabiem, truculentus Attila tenebat regiam dignitatem. Cúmque vulgatum esset in populo, quòd suae ferocitatis impetu Gothis obviam properans, extenderet ad amnem Ligericum, ut subversis Aurelianensium moenibus, satiaret suae malitiae incrementa. Tunc vir Domini Anianus, non ut in defensione hominum speraret elegit, sed Apostolicae memor sententiae, qua per beatum Petrum praecipimur, Subditi estote propter Dominum, sive Regi quasi praecellenti, sive Ducibus, quasi ab eo missis ad vindictam malefactorum, laudem verò bonorum. Arelatensem urbem expetere decrevit, et Aiecium Patritium, qui sub Romano Imperio in Galliis Rempublicam gubernabat, videndum expetuit, ut ei furorem rebellium cum periculo suorum civium intimaret.

Itaque Arelatum veniens, multos Domini repperit Sacerdotes, qui ob varias necessitates adventantes, videre non poterant faciem ludicis ob fastum potentiae secularis. Sed cùm sanctus advenisset ibidem Anianus, divina gratiâ inspirante commonitus, protinus egressus est obviam supplex Aiecius. Et quem pompa regia Imperialibus fascibus reddebat inclytum, Sacerdotalis gratia reddidit ad sibi conciliandum subiectum. Quem cùm ille benigniter inquisisset, cur vir sanctus laborem tam longi itineris assumpsisset, ille prudenti usus alloquio, vel egregii praedicatoris exemplo, priùs pro aliorum utilitatibus omnia petens obtinuit, et tunc demum causam adventus sui auribus principalibus intimavit. Simulque plenus prophetiae spiritu, VIII. Kal. Iulii diem esse praedixit, quo bestia crudelis gregem sibi creditum laniandum decerneret. Petens ut tunc praedictus Patricius veniendo succurreret. Videns Aiecius florem torrentis eloquii, acumen ingenii in viro Dei sanctitatis gratiâ comitante, omnia praestitit, quicquid Sacerdos expetiit, et benignè se venire ut ille suggesserat repromisit. Quo obtento, vir Domini valedicens seculi Principi, ad propriam regressus est civitatem: et plebem suam, quae de Pastoris moerebat absentia, spiritalia confortabat in gaudia; praeparante populo iterum omnia, quae ad repellenda hostium iacula, portis, muris, vel turribus fuerant opportuna.—:.

Nec post longum interim intervallum cruentus Attila murorum vallans ambitum, omne suae malitiae argumentum in iamdictae civitatis convertit interitum. Sed Pontifex fixus in Domino, per muri ambulatorium Sanctorum gestans pignora, suavi vocis organo more cantabat Catholico. Interim hostilis exercitus tela iactabat instantiùs, atque cum arietibus latera muri crebris quatiebat impulsibus. Tunc fugiente ad Ecclesiam populo, sanctus Anianus forti eos animo esse monebat in

Domino, numquam fuisse deceptum quicumque firmiter sperasset in Christo. Ipse verò festinanter murum ascendit, et tacitus respexit ad coelum, ac pias aures Domini intima prece pulsavit. Cúmque sibi divinum auxilium adesse sensisset, repentè contra barbaros expuit. Tantáque subitò cum sputo eodem moles pluviae descendit, et impiorum impetum triduana inundatione compressit, ut nequaquam se ullus pugnaturus ex hostibus transferre in locum alterum potuisset.—:.

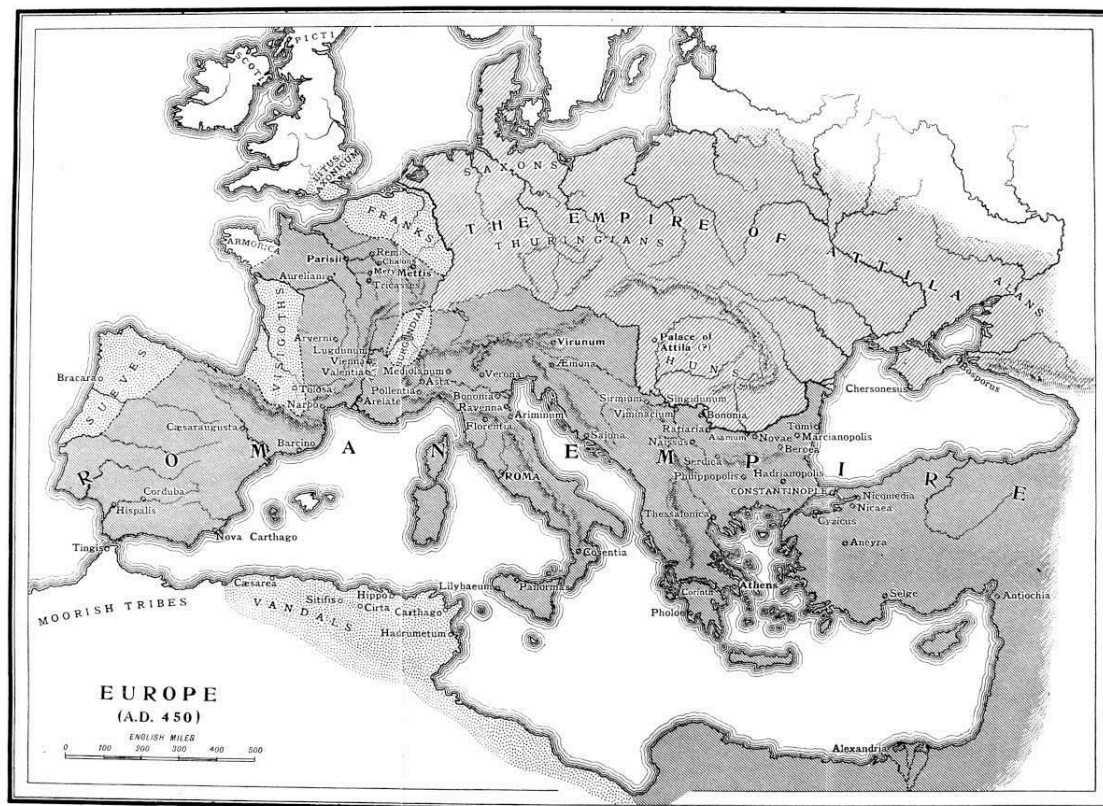
Cessante igitur nimbo profluo, sanctus Anianus ad Attilae pergit tentorium, pro sibi commisso rogaturus populo. Spretus à perfido responso contrario, civitatis sese retulit claustro. Postera autem die, apertis portarum repagulis, Attilae Proceres ingressi sunt Aurelianis. Sortéque ad dividendum populum missa, onerabat plaustra innumera de plebis capta substantia. Iubens crudelis impietas, ut immineret subditis dura captivitas. Cúmque sanctus Anianus populum ammoneret, ut nec sic quoque desperarent de Domino, nihílque esse Deo invalidum, qui suos tueri praevallet etiam sub momento: repentè more prophetico sanctus Anianus est translatus à Domino, atque in eodem loco, ubi Aiecium Patricius cum suo degebat exercitu, secum pariter Torsomodo[87] Rege Gothorum, ostensus militi talia dedit mandata Patricio. “Vade, inquit, et dic filio meo Aiecio, quia si hodie ad civitatem adesse distulerit venire, iam crastina nihil proderit.” His dictis, statim recessit. Et quia divina virtute hoc opus actum fuerat, miles sapiens recognovit. Statímque ad Aiecium pergens, rem per ordinem pandit. Tunc ille laetus redditus, et victoria iam securus, utpote divina revelatione commonitus, unà cum Theodoro et Torsomodo[88] Regibus, vel suo ac Gothorum exercitu, equum ascendit, ac concitus pergit. Nec mora Aurelianis pervenit, hostes imparatos repperit. Tantaque caedis stragem super eos exercuit, ut nulli dubium fieret, quin meritis Aniani Pontificis flexus ad misericordiam Dominus Rex coelestis vindictam hanc exerceret per suos satellites, quos honore ditaverat Regiae dignitatis. Itáque alii succubuerunt gladiis, alii coacti timore tradebant se gurgiti Ligeris, sortituri finem mortis. Sanctus verò Anianus plures per suam precem eripuit, quos coram se trucidandos aspexit. Reddens scilicet bona pro malis, multi ne morerentur obtinuit, nisi quos repentinus hostium furor oppressit. Reliqua pars Hunorum, quae ibidem prostrata non cecidit, fugae praesidium expetunt: donec iudicante Domino, in loco qui vocatur Mauriacus trucidanda gladiis mortis sententiam expectaret.—:.

СНОСКИ:

[87] Эл. Торисмод.

[88] Торисмод.

НАПЕЧАТАНО В Великобритании
WM. BRENDON AND SON, LTD., ПЛИМУТ

ЕВРОПА
(450 г. н. э.)

В конце книги.